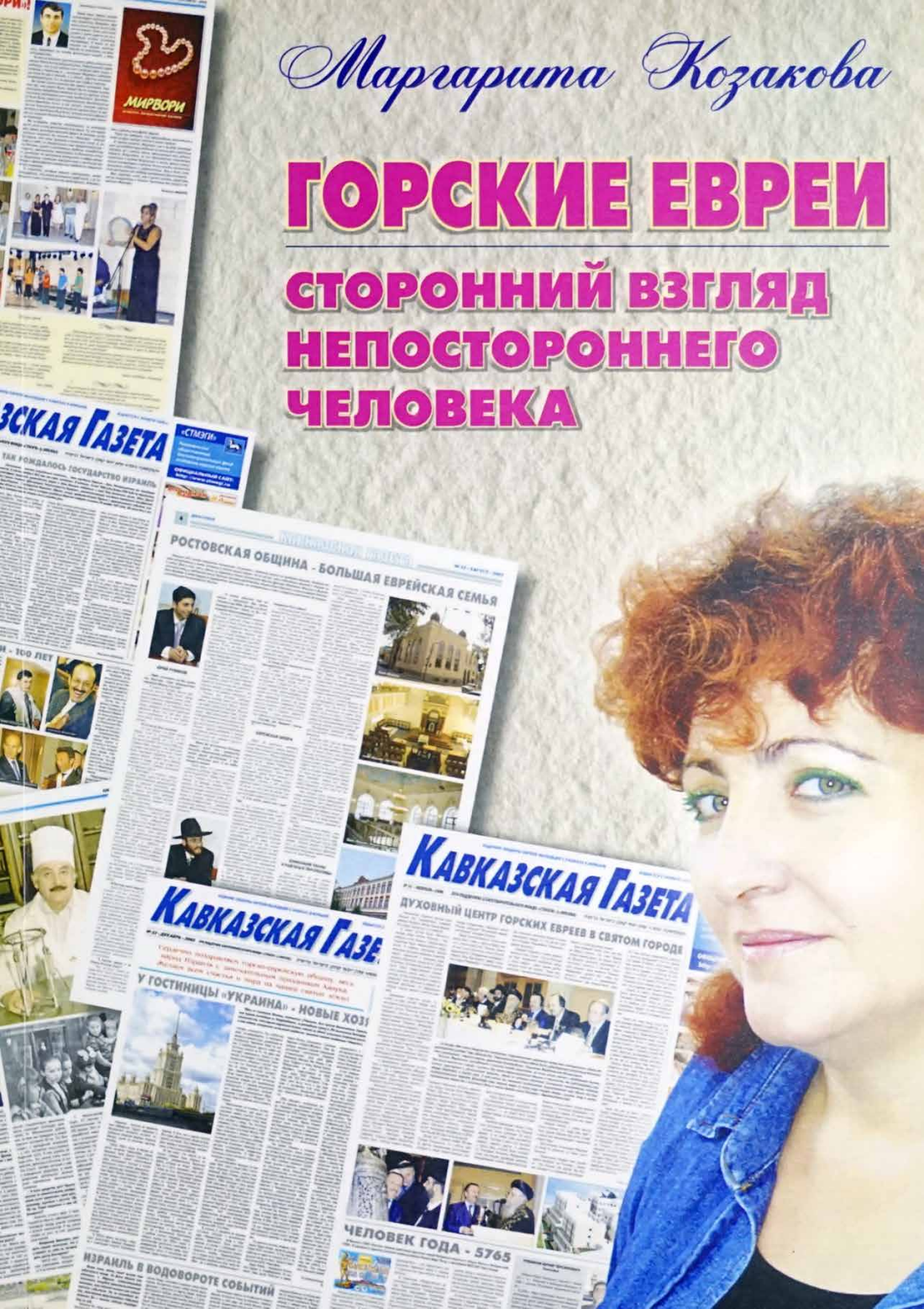

Маргарита Козакова

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ

СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД НЕПОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА

Маргарита КОЗАКОВА

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ. СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД НЕПОСТОРОННОГО ЧЕЛОВЕКА

*С благодарностью и безграничной любовью
посвящаю эту книгу памяти моей мамы - самой
красивой и мужественной женщины на свете.*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИР / ЗОРИ

ИЗРАИЛЬ, 2007

Козакова М.А.

Горские евреи. Сторонний взгляд непостороннего человека: сборник очерков и статей /Козакова Маргарита; [обложка Э.Алиев] - Израиль: издательский дом «Мирвори», 2007, - 208 стр., ил.

ISBN 978-965-91102-7-8

М.Козакова – член Союза журналистов Израиля, филолог. Данная книга представляет собой сборник очерков и статей, ранее опубликованных автором в «Кавказской газете». Героями её публикаций становились люди разных возрастов и профессий, проживающие в России, Израиле, США, Дагестане, Азербайджане. Объединяет их только одно: все они – горские евреи.

ISBN 978-965-91102-7-8

© Издательский дом «Мирвори», 2007

© Козакова М, 2007

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Почему «вместо предисловия», а не просто «предисловие»?», - подумает читатель. «Потому что классические предисловия так не пишут», - отвечу я. Предисловие к сборнику публицистических очерков должно быть более строгим и академичным, а у меня так не получится. Меня вообще частенько обвиняют в излишней эмоциональности. Да вы и сами в этом убедитесь, полистав мою книжку. В ней собраны интервью, беседы и статьи о замечательных людях, которых объединяет одна немаловажная деталь: все они — горские евреи. А в остальном ничего общего: мои герои являются представителями разных возрастов, разных профессий, разных стран. У них разные увлечения и взгляды на жизнь. Каждый из них интересен по-своему, и в то же время все они чем-то похожи, как виноградины с одной грозди.

Предупреждаю сразу: я совершенно не горская еврейка, а стопроцентно равнинная. О существовании общины горских евреев три года тому назад даже и не слышала, хотя, как выяснилось, с яркими её представителями была давно знакома.

И вот около трёх лет тому назад жизнь вновь столкнула меня с моим давним знакомым Ионатаном Мишиевым, он рассказал мне о трудностях своего дитища - «Кавказской газеты», я предложила помочь, через пару дней заглянула в редакцию и до сегодняшнего дня не могу из неё уйти. Или, вернее, не хочу, ведь в этой редакции я окунулась в удивительный, неизвестный мне доселе мир. Я познакомилась с прекрасными, яркими, талантливыми, самобытными, людьми. Познакомилась с общиной, наделённой совершенно иной, отличной от моей, ментальностью, с иным образом мышления, с иным восприятием мира. Мне было очень интересно понять этот древний народ, т.к. я чувствовала, что могу здесь многому научиться.

Сегодня, я, безусловно, знаю и те огромные проблемы, которыми сопровождается жизнь горских евреев, оторванных от своих кавказских корней. Как журналист, я сталкиваюсь и с ними постоянно. Сегодня я вижу обе стороны медали. Но теневую сторону я не воспринимаю, как что-то чуждое, а принимаю её как общую беду, с которой должны бороться все нормальные люди, и своей ежедневной работой вношу маленькую лепту в борьбу общины горских евреев с её проблемами.

Думаю, что мои статьи, повествующие о самых выдающихся представителях общины, работают в нужном направлении, ведь нашу газету читают даже те, кто кроме неё не читает больше ничего. Читают, потому что «Она Своя». Зная это, мы стараемся очень тонко и ненавязчиво вести, так сказать, просветительскую работу, расширять кругозор, рассказывать о тех людях, у которых стоит учиться, кого стоит приводить в пример детям.

Вместе с тем, работая в «КГ», я сама ежедневно и ежедневно учусь. Уроки, которые мне преподносит община горских евреев, чрезвычайно интересны. Надеюсь, они будут также интересны читателям моей книги. Все мои работы я поместила в разделы, которые так и назвала — «уроки». Вы встретите здесь «Уроки истории», «Уроки лидерства», «Уроки творчества» и др.

И, напоследок, просьба: если вы найдёте в моей книге что-то для себя интересное, либо с чем-то не согласитесь, либо захотите внести уточнение, предложение — позвоните мне в редакцию «КГ». Любому вашему отклику я буду безмерно рада.

С уважением к моим читателям,
Маргарита КОЗАКОВА

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ

То, что вы прочитаете сейчас, было написано не для газеты. Я пишу это специально для моей книги, т.к. хочу поделиться с читателем своим видением общины горских евреев. Газета — она ведь издание массовое, написанное в ней прочитать может кто угодно. Прочитать, не так меня понять и обидеться. А книга попадёт в руки избранного и более подготовленного читателя. Поэтому можно себе позволить пофилософствовать.

Я пришла в газету совсем из другой жизни и окунулась в мир горско-еврейской общины. Первое время я этого, естественно, не осознавала. Меня обижали сомнения главного редактора Й. Мишиева в том, что я смогу писать, что я справлюсь. Мы и раньше сталкивались с ним в работе, он знал, что у меня куча образования, но при этом сильно и неприкрыто сомневался! Оскорбление, ей Б-гу! Было впечатление, что я претендую печататься в газете «Правда» (как минимум), и при этом недостаточно политически подкована!

Но уже через несколько месяцев я ощутила, что абсолютно не понимаю, что происходит, чего от меня хотят, почему мои статьи так тщательно редактируются, почему одно слово меняется на другое, почему выкидываются целые абзацы?

Самое время было плюнуть и уйти. Но я жутко гордая и упрямая. Мне было важно понять, что я делаю не так, и разобраться в происходящем. Не то, чтобы я очень сильно держалась за своё место, нет. Мы ведь и тогда, и долгое время после этого, работали совершенно бесплатно, мне приходилось искать подработки на стороне, затем бросить и их, т.к. времени на газету не хватало.

Прошло почти три года. Не могу сказать, что уже всё поняла и во всём разобралась. Но я на пути к этому. А самой большой похвалой от главного редактора я сегодня считаю фразу: «Ну, что ты пишешь?! Ты что наших людей не знаешь?» Почему не знаю? Сегодня уже знаю. И, если вам интересно, могу поделиться своими знаниями, своим видением. Ведь горский еврей, родившийся в своей общине, воспитанный ею, прекрасно её знает, но он не может посмотреть на неё так, как я «сторонним взглядом непостороннего человека».

Да, я пришла совершенно из другого мира, привыкла к иному уровню отношений. Так, как жила я, живут сегодня миллионы. В моём мире считается нормой не знать, кто живёт в соседней квартире, а тем более в соседнем подъезде. Меня совершенно не интересовало, о чём говорят бабушки на лавочках. Скорее всего, обсуждают меня, ну, а мне-то какое дело. Абсолютно нормально забыть о дне рождения друга, ведь и он о моём забывает. Нормально — общаться с родственниками раз в год, а то и реже. Нет времени, скорости, суета.

«Ляпнуть» что-нибудь на бегу — нормально, никто и внимания не обратит, все сами бегут. Что я на себя надела? Да какая разница, кто на это смотрит!? И ведь действительно никто не смотрит. Никому до тебя нет дела. А с другой стороны, это даёт некую свободу, позволяет не отвлекаться на ерунду, не портить себе нервы по мелочам.

Но вот я пришла к горским евреям, и всё изменилось. Резко! Если мой читатель катался когда-нибудь на лыжах, он моё сравнение поймёт. Представьте себе, что вы катитесь на хорошо смазанных лыжах по накатанной лыжне. Вы катитесь, погружённые в свои мысли, не видите того, кто рядом. У вас своя лыжня, у него своя, и вы не пересекаетесь, не сталкиваетесь, не мешаете друг другу. Но, кстати, и не помогаете: сам упал — сам поднялся, а тот, кто ехал рядом, уже далеко впереди. Вдруг и он упал, а ты его обогнал, и вперёд.

И вдруг внезапно лыжня закончилась. Перед вами снег. Ехать можно, но не так быстро, плюс к тому — надо обращать внимание на камни, деревья, на того, кто едет рядом.

Я надеюсь, моё сравнение понято правильно, и никто на него не обиделся, но в горско-еврейской общине все процессы, действительно, происходят гораздо медленнее, чем в той жизни, к которой я привыкла. Хорошо это или плохо? В чём-то хорошо, а в чём-то нет. Я с удивлением увидела большое количество людей, которые никуда не торопятся. Понятие времени несколько размыто. Если собрание, встреча, концерт (да что угодно!) назначены, к примеру, на шесть, то раньше половины восьмого ничего не начнётся. Я познакомилась с понятием «после обеда». Так мне часто теперь говорят: «Я приду после обеда». По началу я чистенько язвила: «А когда у Вас обед?», т.к. не могла понять этой приблизительности. Мне всё нужно было конкретно: приду в два, три, в пять...

А с другой стороны, я увидела, что эта неспешность позволяет людям Общаться, Разговаривать. Я так давно не говорила ни с кем по душам! Не по делу, не по работе, а просто так! Понятие «поболтать» давным-давно ушло из моей жизни. Но, оказывается, это важно. И мне, оказывается, тоже хочется что-то обсудить, что-то рассказать, вспомнить случай из детства, вспомнить город, в котором я родилась. В моём мире на это нет времени, а здесь есть!

С другой стороны, такое общение неизбежно влечёт за собой сплетни и пересуды. Боже! Как я от этого отвыкла! Последний раз я сталкивалась с шушуканьем за спиной, наверное, в школе. Дети — жестокий народ. Они не знают границ. Попадись к каким-нибудь подружкам-болтушкам на язык — со свету сживут. Перешагнув школьный порог, я вышла в большую жизнь, и меня уже совершенно перестало волновать, кто и что обо мне говорит. Да и говорили ли что-нибудь, кто его знает? Всем некогда, сплетни никто не передаёт, поговорили и забыли, занялись своими делами.

А здесь всё не так. Община живёт несколько обособленно от всего внешнего мира. Это как отдельная комната в большой коммунальной квартире: по необходимости из неё выходят на кухню или в места общего пользования, но вся жизнь происходит в своей комнате. Все у всех на виду, все про всех всё знают.

Вы не поверите, за 17 лет, что я живу в Израиле, я практически ни разу не встретила земляка. А их в стране тысяч 30-35, не меньше. Такое возможно в горско-еврейской общине? Даже спрашивать смешно. Все вместе, все рядом, все друг от друга зависят. И это не плохо, и не хорошо. Это то, что есть.

Я уже много лет могла себе позволить сделать, сказать, написать, предпринять то, что считала нужным мне и моей семье. Я имею ввиду мою маленькую семью, ту, что живёт со мной в одной квартире. Мнение дядей, тётей, двоюродных, троюродных братьев-сестёр и прочих дальних родственников, коих у любого еврея немало, в расчёт не бралось. Мне до них дела нет, а им до меня. Как говорится, «под каждой крышей свои мыши». Повторюсь, что для многих землян сегодня это норма. А здесь всё не так!

Первым большим бумом для меня стала статья о роде Дадашевых. В редакцию пришла симпатичная молодая пара. Они принесли старые фотографии из семейного архива и рассказали то, что слышали от своих бабушек об основателе знаменитого рода. Их рассказ был весьма занимательным и интересным. Что в нём было достоверно, а что нет, судить сложно. Поэтому мы и поместили его в газету с оговоркой, что написано со слов «таких-то» людей, а они рассказали то, что слышали в семье. Честно говоря, Йонатан сомневался. Это я настояла на публикации.

Боже! Что тут началось! Я ведь тогда не знала, что род Дадашевых огромен! Что у него безграничное количество потомков! Наши телефоны накалились докрасна. Люди звонили, возмущались, грозились подать на нас в суд. Звонила и та молодая пара, умоляла дать какое-то, непонятно какое, опровержение, потому что им родственники покоя не дают. Всё, естественно, обошлось. В суд никто не подавал, никакого опровержения мы не печатали. Но это стало для меня первым уроком.

Здесь я впервые столкнулась с вопросом, который слышу теперь, практически, ежедневно. Все звонившие неизменно спрашивали: «Кини у, чтобы рассказывать о Дадашевых?» Да, это «кини у» (кто он такой) помогло мне понять, что бесспорный авторитет в общине завоевать чрезвычайно сложно, практически, невозможно. Но если уж тебе это удалось, то авторитет твой будет вечен и непоколебим. Правда, мало кому этого удавалось достичь, да и то, зачастую, посмертно. Не обижайтесь! Я же правду говорю, и люблю!

Вторым уроком стало то, что я в одной из статей, рассказывавшей

про какой-то незначительный местный концерт, сократила список организаторов. Ну, знаете, как обычно пишут: «Мы благодарим за участие Иванова, Петрова, Сидорова и других». Так вот, все эти «другие» смертельно обиделись. А я просто-напросто длинный перечень фамилий посчитала для читателя неинтересным. Главный редактор был безмерно раздосадован, прежде всего, на самого себя, за то, что не углядел. А мне сказал: «С нашими людьми так нельзя! Написано 20 фамилий, значит, все 20 и оставляй!» Для меня это было дико и непонятно. Опять же потому, что судила по себе. Ну, не указали бы мою фамилию в какой-то крошечной статейке. Я бы даже внимания не обратила. Про наш концерт написали и спасибо. А тут всё по-другому. Концерт был, к примеру, на юге страны, прочитают о нём на севере и обязательно позвонят: я, мол, твоё имя в газете видел! И людям, оказывается, это важно!

Обидчивый народ! Гордый и обидчивый. Значит, нужно внимательно следить за тем, чтобы никого не обижать. Осознала и теперь слежу.

А сколько этих уроков у меня ещё было! И по сей день их получаю, правда, в меньшем количестве. Благодарностей я сегодня получаю гораздо больше, чем затрешин. Надо сказать, что читатель мой на похвалу скуп, поэтому каждое «спасибо» для меня, как праздник. И то уважение, которое мне сегодня оказывают многие члены общины, ценю безмерно.

Сейчас я уже знаю и соблюдаю многие неписанные правила, обращаю внимание на мелочи и нюансы. Все эти мелочи и нюансы я заставила себя вначале принять как данность, а затем начала их понимать. Они неизбежны в закрытом мире, в котором живёт община. Надо ли пытаться этот мир «раскрывать»? Не уверена. Он раскроется сам посредством наших детей и внуков, которые потихоньку раздвигают общинные рамки, вливаются в большую жизнь, но всё равно остаются в пределах этих рамок. И чем дольше они будут в данных пределах находиться, тем дольше община будет сохранять свою уникальность и самобытность.

Кстати, я сегодня на сто процентов убеждена, что момент «крушения рамок» надо оттягивать всеми силами. Необходимо дотянуть до того момента, пока найдутся умные состоятельные люди или организации, которые вложат средства в изучение языка, традиций и истории горских евреев. Сегодня подобные исследования тоже ведутся, но вяло, точечно и неорганизованно. Я не специалист, но и моего образования хватило, чтобы за годы работы сделать вывод: горско-еврейская община — кладёзь, бездонный колодец, внутри которого находится ключ к пониманию тех процессов, которые происходили тысячелетия назад со всем еврейским народом.

Горско-еврейская община, благодаря своей природной закрытости,

«законсервировала» и сохранила в своих обычаях, традициях и языке то, что было 25-26 веков тому назад. Безусловно, всё это обросло наносным и чужеродным, ведь чего за эти века с евреями только не было. Всё это нужно грамотно отфильтровать и по крупицам извлечь бесценный материал, который хранит (даже сама того не подозревая) каждая горско-еврейская семья. С каким бы удовольствием я ринулась в эту работу... но, как всегда, времени нет, тороплюсь. Мы должны работать, редактировать книги, издавать альманахи, каталоги, много писать, короче, зарабатывать деньги на то, чтобы издавать мою любимую «Кавказскую газету».

P.S. Я считала бы своё «душевное излияние» незавершённым, если бы не сказала спасибо. Спасибо тем людям, которые периодически материально помогают нам в издании газеты. Хочу персонально поблагодарить Германа Захарьева, который поставил помощь газете на постоянные рельсы. Я знаю, как нам было тяжело издавать газету без его помощи, и насколько легче стало дышать, когда она появилась. Поверьте, я воспринимаю подобную помощь, как какое-то чудо. В том мире, где я жила раньше и продолжаю жить сейчас, понятие «мecenатство» давно похоронено и забыто. А в горско-еврейской общине оно живёт.

Уроки истории

Мы в «Кавказской газете» довольно много внимания уделяем историческим публикациям. Часть статей по этой тематике писала и я. Не о далёкой истории, конечно. О ней у нас пишут специалисты. Мой исторический период — последние сто лет. Документов и материалов об этом периоде жизни горско-еврейской общины сохранилось немало, также достаточно и пожилых людей, которые с радостью рассказывают о своей жизни и жизни своих родителей, бабушек и дедушек. Интересно: писала я об истории общины, а сведения почерпнула и об истории дореволюционной России, об Азербайджане конца 19 начала 20 веков, о становлении государства Израиль и о Великой Отечественной войне.

Я очень люблю писать подобные материалы, ведь, приоткрывая завесу прошлого, начинаешь лучше понимать настоящее. А беседы со стариками — это истинное наслаждение. Каждый из моих собеседников — кладёзь мудрости, жизненного опыта и бесценных исторических сведений. Все наши беседы я старалась записать как можно подробнее, ведь уйдут старики, а с ними и их знания. Уйдут безвозвратно...

«УЦЕЛЕВШИЙ МАЛЬЧИК - ЭТО Я!»

После каждого выпуска газеты в редакцию поступает много писем и звонков. Есть информация важная, есть не очень. Сами понимаете, люди-то все разные... И вот передо мной очередное письмо: «Уважаемая редакция! Пишет вам зам. председателя общины горских евреев г. Офаким Семён Захаров.

Последний номер газеты, который поступил в синагогу горских евреев в г. Офакиме всколыхнул своими публикациями многих. А одна из них просто превратилась в событие дня. Дело в том, что когда мы начали читать газету, то увидели слёзы на глазах Бориса Бакшиева члена Совета Старейшин синагоги. Я подошёл к нему, чтобы узнать, что случилось. И вот что выяснилось.

В газете напечатана статья «В память об уничтожении Богдановки», в которой говорится: «Нацисты использовали демоническую по своей жестокости уловку: они собрали всех 472 жителей деревни в Йом Кипур под предлогом отмечания этого дня. Все они были сброшены в старый колодец. Выжили только двое маленьких детей, успевших убежать и спрятаться в лесу». Так вот одним из этих двоих и был наш уважаемый Борис Яковлевич Бакшиев».

У меня по коже побежали мурашки. Да и сейчас, когда я пишу эти строки, наворачиваются слёзы. Для меня заметка о Богдановке была до этого письма одним из многих материалов о зверствах нацистов, кусочек нашей трагической истории, касающийся меня лично постольку, поскольку я тоже частичка еврейского народа. И не более того.

Письмо было похоже на электрический разряд. Какая же это история? Это жизнь конкретного человека, который был там, в этом кошмаре, который всё видел. Ему была дарована жизнь, может быть, специально для того, чтобы хоть кто-то из очевидцев рассказал нам правду.

О трагедии, произошедшей в селе Богдановка, начали писать сравнительно недавно. Я читала разные версии, в них были фактические расхождения и неточности. На следующий же день после получения письма я уже ехала в Офаким. Но не для того, чтобы восстановить исторические факты, хотя это тоже немаловажно. Я ехала туда, потому что мне это было жизненно необходимо. Я должна была увидеть этого человека.

Мне показалось очень странным, что он рассказывал свою историю быстро, чётко и практически без эмоций. И лишь потом я поняла:

он говорил, будто бы извиняясь, что отнимает у слушателя его драгоценное время. И только поверив, что меня его рассказ действительно интересует, позволил себе к конкретным фактам добавить немного волнующих подробностей.

Перед вами подлинный рассказ очевидца тех страшных событий Бориса Яковлевича Бакшиева, записанный мною почти слово в слово.

- Я родился 4 марта 1931 года в г. Моздоке. Мне было 11 лет, когда немцы оккупировали Моздок. Это произошло 27 августа 1942 года. Помню этот день очень хорошо. Бои были страшные, бомбардировка. Немцы хотели захватить Моздок и идти дальше на Грозный. Но наши их остановили, и дальше Моздока фашисты не прошли. Меня с родителями выгнали из дому и поселили там солдат. Чтобы спрятаться от немцев мы пошли в станицу Менжинское, которая находилась в 3-4 километрах от Богдановки. Там проживал мой дядя. Но и туда тоже пришли захватчики. А через месяц или чуть больше, точно не помню, наш знакомый, которого немцы назначили старостой в Менжинском, сказал: «Что-то тут недоброе затевается, уходите».

Прости меня, читатель. Не выдержала, задала вопрос:

- А кем был этот староста? Как к нему относились люди?

- Да из наших же был, из горских. Люди к нему нормально относились. А что ему было делать? Его назначили, и отказаться он не мог. Он семью спасал. Я с ним уже после войны встречался. Жаль, имени его не помню. Он многим тогда помог. Кстати, те, кто ему поверили и ушли, выжили. Вот и мои родители вернулись в Моздок, а мне папа велел остаться с раненым дядей и двоюродным братишкой. «Оставайся, - говорит, - дядя поправится, и придете».

Точно не помню, когда это случилось, кажется, в октябре 1942, фашисты начали ходить по домам и собирать всех евреев Менжинского. Сказали, что пойдём в Богдановку на какой-то праздник. Они повели нас всех колонной, а по бокам шли автоматчики. Шли мы минут тридцать и были уже на полпути к Богдановке, когда дядя мне шепнул: «Бенцин (это я Боря - Бенцион), сейчас поравняемся с лесом - убегайте». Понял, наверное, на какой праздник нас ведут под дулами автоматов. Как только подошли к лесу, мы с приятелем Нахшуном туда нырнули. Фашисты открыли стрельбу. Мы бежали, а пули свистели. Меня ранило в левую щёку, шрам до сих пор сохранился. Убегали всю ночь и только к утру пришли в Моздок. А через несколько дней до нас дошла страшная весть, что всех евреев в Богдановке расстреляли. Вот у вас в статье про колодец написано. Тогда ничего про колодец не говорили. Рассказывали, что в людей стреляли и сбрасывали всех в большую вырытую яму. Кто убитый, кто раненный не смотрели. Всех засыпали землёй. Эта земля, говорят, ещё целую неделю колыхалась. У меня в

этой яме погребены дядя и маленький братишка, а у моего приятеля Нахшуна - вся семья.

В декабре месяце, это уже было в Моздоке, все евреи получили повестки. Им было приказано прикрепить шестиконечные звёзды и явиться 1 января 1943 года. Мы мальчишками были. Война не война, бегали по улицам. Мне отец говорил: «Ты хоть папаху надень. Пусть думают, что ты кавказский». Ну вот, мы бегали и добегались: попали в облаву. Хватали не только евреев, а всех, кто попадался под руку. Меня вместе с другими ребятами загнали в вагоны и повезли в Германию. Ехали месяца три. На одной из станций под г. Орлом или Курском, точно не помню, наш состав разбомбили. Мы с ребятами уже познакомились, знали, кто откуда. Собрались группами и побежали. Днём прятались в лесу, а ночью шли. На освобождённых территориях иногда удавалось проехаться в теплушках. Домой я вернулся только 3 сентября 1943. Меня уже и не ждали. Думали, что в живых нет.

Немцы так и не успели уничтожить оставшихся евреев 1 января 1943, потому что 31 декабря 1942 всех солдат срочно куда-то перебросили. Может под Сталинград или ещё куда? Они уходили из нашего дома и говорили: «Матка, матка, мы вернёмся». Но не вернулись. Так выжила моя семья.

Когда война кончилась, я окончил музыкальное училище, консерваторию. Играю почти на всех существующих инструментах. Преподавал, работал как постановщик больших праздничных программ. Всю жизнь прожил в Моздоке.

Недалеко от Богдановки стоит обелиск. Мы каждый год 9 Мая туда ездили.

С Нахшуном Соломоновым - мальчиком, с которым вместе спаслись, всю жизнь дружили. И в Моздоке и здесь, в Израиле. Он умер, к сожалению, 5 лет назад. Дети его живут в Ашкелоне.

А я жизнью доволен, потому что я очень богатый. У меня 3 дочки и сын, 4 внука, 7 внучек, 6 правнучек и 1 правнук.

Вот такова история этого удивительного человека, дважды сбежавшего от смерти. Похожа она на документальное кино. Борис Яковлевич Бакшиев рассказывал её всю жизнь. Над ним посмеивались, не верили. Не верили даже, когда показывал шрам на щеке. Говорили, что поранился, наверное, когда с пацанами бегал. С мальчишками чего только не приключается. А когда он прочитал статью в нашей газете, то не удержался и прослезился. Вот оно, мол, доказательство. Смотрите, люди.

Борис Яковлевич нашёл для меня адрес, по которому проживал покойный Нахшун Соломонов. Я решила попытать счастья: а вдруг его дети и до сих пор живут там? Поехала в Ашкелон и действительно встретила с детьми Нахшуна.

Очень страшным был рассказ, который я там услышала. Они, конечно, не помнили всё в таких подробностях, как Борис Бахшиев. Да и откуда помнить? Вы же знаете, как мы слушаем рассказы наших стариков. И только, когда старики уходят, начинаем сожалеть, что не спросили, не записали. Но и тех сведений, которые остались в памяти сына Давида и его жены Анны, хватает, чтобы содрогнуться от мысли: какую же невыносимо тяжёлую жизнь прожил их отец.

Его старшую сестру Таню, красавицу с длинными светлыми волосами, фашисты растерзали в Моздоке. Они повесили её за волосы и ножами резали обнажённое тело. Видимо, после этого семья с остальными детьми бежала в Менжинское. Разве могли они предполагать, что бегут навстречу своей смерти?

После всех трагических событий, произошедших в Богдановке, Нахшун Соломонов остался совсем один. Вернувшись вместе с Борисом в Моздок, Нахшун стал скитаться из дома в дом, от родственников к знакомым. За время оккупации несколько раз попадал в облавы, но сбегал. В 1946 голодный мальчишка залез в чей-то сад и своровал полную майку яблок. Его поймали и осудили за воровство на 7 лет тюремного заключения. Сад-то был колхозный, и такой большой срок он получил за «хищение государственного имущества». Освободили Нахшуна в 1953. Он устроился на работу, женился. Сын вспоминает, что он всё о дочке мечтал. Хотел назвать Таней в честь погибшей сестры. А назвали Таней внучку. Дед её безумно любил. Рано оставшись без семьи, он всю свою любовь перенёс на детей и внуков. «Таких отцов и дедов, каким был наш, больше на свете не найти», - говорят о нём дети.

В поисках достоверных сведений о Нахшуне Соломонове, я посетила его двоюродную сестру Тамару Соломонову. И услышала там не менее страшную историю. Оказывается, у Тамары в богдановской могиле покоятся мать, которая была на последних месяцах беременности, и сестра. Сама Тамара спаслась чудом. Её спрятали в Моздоке. По словам Тамары, многие еврейские дети избежали страшной участи. Их разбিরали по домам и выдавали за своих детей русские и армянские семьи.

- Люди говорили, что земля над ямой в Богдановке долго колыхалась, - вспоминает Тамара. - Фашистам надоело эту яму охранять, и они утрамбовали землю танками.

Я долго не могла успокоиться после всего того, что услышала. Видела фильмы, читала книги, но так близко со всем этим ужасом не соприкасалась никогда. 60 лет прошло с тех пор, как весь мир узнал о капитуляции фашистской Германии. Но и по сей день та страшная война не даёт о себе забыть. И это не образное выражение, которое обычно используют в речах ко Дню Победы. Я говорю о вполне конкретных напоминаниях, которые шлёт нам история.

Посмотрите на современную карту. Вы видите Моздок. Выше него - станция Курская, а ещё выше и правее - Богдановка. Менжинского на карте нет. Но как же такое может быть, если все, с кем я разговаривала в ходе моих поисков, рассказывали о посёлке Менжинское?

Звоню в Моздок председателю общины Татьяне Назаровой. Вот что она мне рассказывает:

- Такой посёлок был. Еврейский посёлок рядом с Курской. А сейчас его нет. Не могу с точностью сказать, что там произошло. Нет свидетелей. А недавно ко мне обратился священник из церкви пяти-

десятников. Он рассказал, что рядом с Курской на бывшем кирпичном заводе его прихожане обнаружили массовое захоронение. Там покоятся останки более 450 человек. Я немедленно туда выехала. Там нет обелиска, нет плиты с именами. Только обыкновенный кладбищенский памятник. Мы не знаем, кто именно там захоронен. Но по обрывочным воспоминаниям стариков можно судить, что это и есть место, где закончилась история посёлка Меньжинское. А чуть раньше в Ставропольском крае было найдено ещё одно неизвестное захоронение около станицы Степновской Курского района. Это массовое захоронение, в котором покоится более 70 человек - евреев и горских, и ашкеназских.

Уважаемые читатели! Я не думаю, что на этом надо ставить точку. Наверняка, у этой истории будет продолжение. А пока, зная, что многие наши дети уже с трудом читают по-русски, прошу вас: прочитайте им мою статью вслух. Чтобы помнили. Чтобы не забывали.

МЫ НАЗЫВАЛИ ЕЁ ЦАРИЦЕЙ

Постоянные читатели «КГ» наверняка помнят сенсационную статью «Уцелевший мальчик — это я», опубликованную в №29. Но для тех, кто её не читал, позволю себе пояснить: началась вся эта история с небольшой заметки, опубликованной ещё в №28. В ней шла речь о массовом уничтожении горских евреев в селе Богдановка осенью 1942 года. В заметке было написано: «Выжили только двое маленьких детей, успевших убежать и спрятаться в лесу». К нашему изумлению, буквально через несколько дней после выхода газеты, мы получили известие из города Офаким, что там проживает один из уцелевших детей, немедленно поехали к нему и его рассказ опубликовали в №29.

Борис Бакшиев, так зовут «уцелевшего мальчика», поведал нам очень волнующую историю о том, как их, жителей посёлка Менжинское, колонной вели в Богдановку. Ему и Нахшуну Соломонову удалось сбежать, а все остальные погибли.

Обратите внимание, дорогие читатели: во всём, что вы прочитали выше, ключевыми словами являются «жителей посёлка Менжинское».

А вот теперь можно переходить к теме нынешней статьи. Как вы понимаете, публикация «Уцелевший мальчик — это я» тоже не осталась без ответа. В редакцию позвонила читательница Мария Ивановна Изъяева.

- Я никоим образом не сомневаюсь, что Борис Бакшиев рассказал истинную правду о своём чудесном спасении, - так начала Мария Ивановна разговор, - но он ошибается. Маленький был, не мог реально оценить ситуацию. Их вели не в Богдановку. А, значит, его родные и все односельчане похоронены в другом месте. Не было в Богдановке чужих. В братской могиле захоронены только местные. Могу документально подтвердить.

Не оставалось никаких сомнений: надо ехать к читательнице в Ашкелон и разбираться на месте.

Изъяева Мария Ивановна родилась в 1937 году в Селе Богдановка Ставропольского края. Конечно же, сама она о произошедших фашистских злодеяниях свидетельствовать не может. Но вот уже много лет она ведёт дневник, в котором подробно описано всё со слов её матери. Этот дневник изначально не был предназначен для газеты и вообще для посторонних людей. Он адресован детям и внукам Марии Ивановны. Но раз уж газета подняла эту тему, да к тому же налицо фактическая ошибка, то Мария Ивановна решила позволить опубликовать некоторые его страницы.

То, что вы сейчас прочитаете — свидетельство очевидца, подлинный рассказ Сары (Алисы) Призовой, единственной чудом уцелев-

шей девочки, которая является тётей Изъевой Марии Ивановны.

Один из братьев отца Марии Ивановны был военным комиссаром. Ещё в 1940 году, чувствуя неминуемое приближение войны с фашистами, он просил своих родных уехать из Богдановки в Нальчик. Главой семьи была бабушка Хасибо. Все дети и внуки её беспрекословно слушались.

Мария Ивановна пишет: «Бабушка Хасибо сказала так: « Б-г милостив! У каждого члена моей семьи своя судьба, и вражеская пуля, предназначенная мне и

моей семье, настигнет нас в любом месте. Но я надеюсь на милость б-жью и с места трогаться не хочу». Бабушка была волевой, умной и всеми уважаемой женщиной. Её примеру последовали все родные. Таким образом, семья моего отца в количестве 47 человек осталась в Богдановке. Но моих родителей (мама была на последних месяцах беременности), меня и мою младшую сестрёнку Софочку бабушка благословила и отпустила в Нальчик. Это было в феврале 1941 года. 5 мая у моей мамы родился сын Борис, а 22 июня началась страшная война.

В августе 1942 года, когда мне исполнилось 5 лет, бабушка приехала в Нальчик и увезла меня на время в Богдановку.

Немцы стремительно наступали на Кавказ. Я хорошо помню тот день, когда отец приехал за мной и умолял бабушку выехать из села. Но она была неумолима. Все собравшиеся родные прощались со мной и отцом, не зная, что мы в последний раз видим друг друга. Это было в конце августа 1942 года, а 15 сентября немцы заняли Богдановку, Гонштаковку, Менжинское.

Шла перепись населения. Для евреев и коммунистов были особые списки. Фашисты обещали райскую жизнь, обещали раздать все колхозные земли и скот. Кое-кто по простоте душевной им верил.

Работоспособных евреев отвезли за село, где был большой пустырь, дали им лопаты и заставили расширить уже выкопанную, якобы для склада, шахту. За непослушание расстреливали на месте. У людей не было выбора.

Потом всех евреев села собрали в помещении школы, предварительно конфисковав у них всё самое ценное (деньги, драгоценности). Среди них была беременная женщина. Когда у неё начались схватки, она закричала и попросила о помощи. Но фашисты под страхом смерти запретили к ней приближаться. Они стояли и любовались, как

еврейская женщина корчится в муках на грязном полу. Когда родился ребёнок, фашисты отдали приказ предателю полицаяу Способову уничтожить и роженицу и младенца. Женщина и младенец были расстреляны прямо в здании школы на глазах у всех.

Затем к школе подогна́ли грузовые машины, стали выводить узников по одному, сажать в машины и под сильной охраной увозили за село, где уже ждала расширенная шахта - могила, которую они выкопали сами для себя. На последней машине везли родню моего отца. Среди них была 15-ти летняя красавица Сара, которую мой отец из-за её красоты называл Царицей. Этим именем мы, оставшиеся в живых родственники, называем её и по сей день.

Отец Царицы был полковником, а она - его единственной дочерью. Уходя на фронт, он просил её в случае чего сказать, что она приёмная дочь в еврейской семье, что она вовсе не еврейка. Но её мать - сестра моей бабушки Хасибо, передовая колхозница, коммунистка, считала, что такое постыдное враньё совершенно ни к чему.

И вот 25 сентября 1942 года все машины с узниками подъехали к страшной громадной яме. До последней минуты люди надеялись на спасение, ждали помощи.

Но, увы! Раздавались выстрелы, были слышны крики: «Сталин, отомсти за нас!», и очередную партию уводили к яме.

Машина с моей роднёй к яме подъехала последней. Сначала были расстреляны бабушка Хасибо, ей было 55 лет, и бабушка Гугерчи, ей было 96. Я до сегодняшнего дня помню, как в свои 96 лет она поднимала меня на спину.

Потом расстреляли тётю Розу с детьми. Александру было 7 лет, а Олечке 3 года.

Потом расстреляли тётю Зою. Ей было 23 года.

Последними сняли с машины Царицу с матерью, и фашистские палачи удивились её дивной красоте. Они сказали: « Эта красавица - еврейка будет отправлена в Германию, как трофей для нашего фюрера». Девушка начала вырываться, до её ушей доносились крики матери, призывающей умереть вместе, но высвободиться ей оказалось не под силу.

Так 472 человека были погребены в общей могиле.

А Царица несколько дней не пила и не ела, желая умереть голодной смертью. К ней была приставлена русская женщина, работавшая на немцев. Ей было сказано: «Если хоть волосок упадёт с головы этой красавицы, ты будешь повешена на первом суку»! Поэтому девочку держали взаперти, и следили за каждым её шагом.

Мы не имели долгое время сведений о своих родных, потому что все дороги были перекрыты, связи не было никакой. Потом немцы заняли Нальчик, и у нас тоже было очень страшно. А когда в мае-

июне Нальчик освободили, мы получили известие о том, что произошло в Богдановке, и о том, что Царица жива. Отца мы тогда уже похоронили, поэтому мама сама поехала и привезла её к нам домой. Два месяца она жила с нами. Но ситуация у нас дома была очень тяжёлая: немцы, уходя, забирали у людей всё, до последней крошки. И из нашего дома вынесли абсолютно всё. Фашист забрал даже узелок с пелёнками, которые были приготовлены для стирки. Развернуть узелок и посмотреть, что в нём, у него не было времени.

Царица прожила с нами 2 месяца, но, видя тот голод и нищету, в которой находилась семья, она сказала моей матери: «Я не имею права сидеть на твоей шее, у тебя маленькие дети и старая мать. Я возвращаюсь в Богдановку».

Царице тогда уже исполнилось 16 лет. Она вернулась в Богдановку, скиталась из дома в дом. Но там ведь тоже был голод. Осенью после сбора урожая она пошла на поле, чтобы собрать оставшиеся колоски. Набрала, наверное, килограмма два. И её поймали. В результате она получила срок и отсидела 7 лет за расхищение колхозной собственности.

После выхода из заключения она уехала в Ворошиловградскую область, в город Красный Луч, где устроилась работать на шахту. Потом она уехала в Мурманск, вышла замуж, родила двоих детей. Встретились мы с ней в уже 1955 году, когда она приехала в Нальчик к родственникам. Я тогда уже закончила 10 класс. Меня поразило то, что от бывлой неземной красоты её не осталось и следа.

А в последний раз я видела её в 1991 году, когда мы все собрались в Богдановке на праздновании 46-й годовщины Великой Победы. Моя мама каждый год, начиная с 1950-го, 9 Мая ездила в Богдановку. А в 1991 туда приехала и Царица. Мы практически не узнали друг друга - ведь уже много лет прошло. Очень мне запомнились её скрюченные страшные руки. А в 1996 году я услышала от кого-то из наших горских, что она уехала в Америку».

Мария Ивановна Изъяева передала в редакцию, с просьбой сохранить и вернуть в целости, видеокассету с записью митинга в честь установления 9 мая 1991 года на месте холма, заросшего травой, памятника жертвам фашизма.

Вот такова подлинная история, произошедшая в селе Богдановка 25 сентября 1942 года. Мы сейчас абсолютно уверены, что в рассказ многоуважаемого Бориса Бакшиева вкралась ошибка. Его семья погибла не в Богдановке. А, значит, мы обязаны продолжать поиск и восстановить действительный ход событий. Этим мы сейчас и занимаемся, и о ходе журналистских поисков сообщим в следующем номере.

МЕНЖИНСКОЕ - СЕЛО, КОТОРОГО УЖЕ НЕТ НА КАРТЕ

Уважаемые читатели! Перед вами очередная статья из истории уничтожения фашистскими захватчиками горских евреев в Ставрополье. Это уже не первая публикация и, кто знает, последняя ли.

Напомню в двух словах, что всё началось с маленькой заметки об открытии в Америке памятника погибшим в селе Богдановка. На неё откликнулся Борис Яковлевич Бакшиев, поведавший нам страшную и необыкновенную историю своего спасения от гибели. Он был среди тех, кого вели на расстрел. Ему тогда было одиннадцать лет, и он ошибся, полагая, что их вели в Богдановку. Обнаружить эту ошибку помогла Мария Ивановна Изъяева. Отрывки из её дневника мы опубликовали в №32. Она же и направила нас к своим родственникам Раханаевым, чьи рассказы об истории села Менжинское, вы сможете прочитать сейчас.

Борису Яковлевичу Бакшиеву удалось чудом избежать участи всех тех, с кем его в одной колонне фашисты вели на гибель. Просто он был маленьким испуганным ребенком, и некоторые детали запомнил неправильно. Он всегда считал, что их вели в Богдановку, и что его дядя и брат, а также вся семья Нахшуна Соломонова похоронена там. Но это не так. Все они покоятся в другой могиле рядом с селом Менжинское, которого сегодня уже не найти на карте.

И ещё одна ошибка вкралась в рассказ Бориса Яковлевича. Полиций в Менжинском, предупредивший всех о надвигающейся беде, не был евреем. Он был армянином. Но нельзя винить одиннадцатилетнего ребёнка, тем более пережившего то, что пережил Борис Яковлевич Бакшиев, в каких-то неточностях и ошибках. Его

рассказ бесценен уже тем, что это рассказ очевидца. А детали и уточнения мы в него внесём сами.

О том, как горские евреи попали на Кавказ, доподлинно неизвестно. На этот счёт существует множество версий. А вот о том, как горские поселились в Ставрополье, нам рассказывает очевидец Данил Манахович (Михайлович) Раханаев. Он родился в 1918 году в Хасавюрте. Ныне проживает с детьми и внуками в Иерусалиме. Это удивительный человек: в своём весьма почтенном возрасте он сохранил в

памяти самые мельчайшие детали событий, произошедших 75-80 лет тому назад. С его помощью мы получили возможность познакомиться с историей зарождения поселений горских евреев в Ставропольском крае.

Итак, рассказывает Данил Раханаев (записывая его рассказ, я старалась сохранить и его стиль повествования).

«Я могу восстановить в памяти историю нашего села Менжинское, начиная с первого дня его существования и до того момента, когда в него вошли фашисты. Но начинать надо с 1918 года. В 1918 году в первый день Пейсаха на Хасавюрт напали чеченцы и практически полностью сожгли его. Все наши горские евреи, в том числе и мой дедушка, сложились деньгами, наняли товарный поезд и уехали оттуда. Но по дороге мы вновь подверглись нападению. На этот раз чеченцы напали на наш поезд. Им удалось отцепить несколько вагонов. Насколько я помню, там ехала часть семьи Юсуповых. Всех их сожгли.

А уцелевшие продолжили свой путь, но по дороге разделились: часть семей ушла в сторону Воронцовки, часть пошла в Ставрополь, а некоторые остались в Моздоке. Помню, что это были часть семьи Шубаевых, Бакшиевых и наша семья Раханаевых. Среди наших было много кожевников. Все начали как-то обустраиваться, пытаться начать работать. Вскоре мой отец решил перевезти свою семью в Ставрополь. Он устроился там работать в типографию, а также стал председателем продовольственной комиссии. Он ездил по сёлам и собирал для рабочих продукты. Жить в Ставрополе было очень страшно: город постоянно был в центре военных действий, его брали то «Зелёные банды», то Буденный, то Ворошилов, и наоборот. Прожили мы там до 1922 года и вернулись в Моздок. К тому моменту в этом городе собралось очень много наших горских, наверное, семей 200-300. Жизнь была очень тяжёлой. Промышленности в городе не было, а значит, и работы не было. Мой отец был грамотным, он закончил 5 классов, и поэтому ему удалось устроиться надзирателем в тюрьму. А были семьи, которые очень бедствовали. И вот в 1925 году в Ставропольском крае было организовано общество ОЗЕТ – Общество Землеустройства Еврейских Трудящихся. Руководили им европейские евреи: начальник управления всех северокавказских курортов Гондштат, профессор Ташинский и другие. Эти люди ещё до создания ОЗЕТа очень много помогали горским евреям, ездили по домам, собирали больных, устраивали их в больницы, а затем возникла идея создания Общества-товарищества. Идея заключалась в том, чтобы собрать в него горских евреев, найти для них землю и переселить их туда. Мой отец был одним из первых членов этого Общества.

Государственный банк выделил на каждое еврейское семейство 500 рублей в виде ссуды на 10 лет. Этих денег хватало на одну лошадь, одну корову и на построение саманного дома.

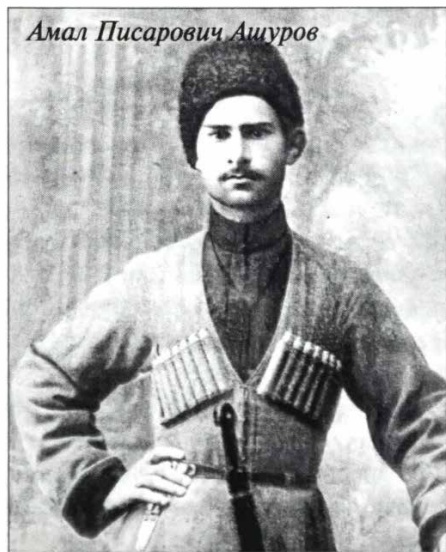
Начали искать землю. Наше Село Менжинское получило земли, принадлежавшие ранее помещику Арищенко. Ему принадлежали 800 гектаров леса, а за ним сенокосные луга и 4 тысячи гектаров земель, пригодных для сельского хозяйства. У помещика это всё отобрали и передали нам, переселенцам.

Переехали мы на эту землю, но жить-то негде. И люди начали копать землянки. Жили в них с маленькими детьми, женщинами, стариками, и потихоньку строили дома.

Но надо было обустройства не только жильё, необходимо было начинать работать. Всех переселенцев разделили на артели. Каждые десять дворов — артель. И так набралось 15 десятидворок. Каждая десятидворка получала земельный надел и государственное задание: кроме того, что жизненно важно было засеять зерновые, все обязаны были сеять лён, гардан, клещевину. Артели сдавали эту обязательную продукцию государству, а взамен получали подсолнечное масло, сахар и другие продукты питания. Такой обмен тогда назывался контрактацией.

К 1929 году все отстроились, организовалось настоящее село, где даже были две улицы. Одна из них — улица имени Гондштака, а вторая — Коминтерна.

А в 1931 году у нас началась коллективизация. Председателем колхоза стал Сеня Алхазов, а председателем сельсовета Раиса Соломоновна Ашурова.

Коллективизация проходила так же, как и везде: у людей начали забирать лошадей, коров, другую живность в пользу коллективного хозяйства.

В 1932 году была большая засуха. Урожая не было. А в 1933 урожай был хороший, но весь его подчистую забрали для государственных нужд. Семьи остались практически ни с чем. И в этот момент по всей округе открылись «Торгсины» - скупки. Государственный расчёт был очень прост: все знают, что у каждой еврейской женщины есть золо-

то, его-то и понесли колхозники в «Торгсины», чтобы обменять на продукты.

К 1935 году всё нормализовалось, жизнь налаживалась, колхоз богател. В 1932 году я уехал из села, приезжал туда только погостить и обо всех страшных событиях знаю только по рассказам родных и знакомых. От них я узнал о событиях осени 1942 года и о судьбе моих односельчан.

Надо сказать, что в Менжинском проживали не только горские евреи. Жили там и семьи европейских евреев, армяне и геры-цадики или субботники. Хочу сказать пару слов о том, как они к нам попали и какую роль некоторые из них сыграли в уничтожении еврейского населения села. Когда в 1931 году началась коллективизация некоторые семьи горских евреев уехали из села, а на их место пришли геры-цадики — русские люди, исповедовавшие иудаизм. Они поселились с нами, начали работать в колхозе.

Родные рассказывали мне, что когда в Менжинское вошли немцы, они переписали всё население для того, чтобы отделить евреев от неевреев, из числа которых был создан полицейский отряд. Но не все в этом полицейском отряде были одинаковы. К примеру, мне рассказывали, как сотрудничали с немцами дезертир Довка (Давид) Чернов и бригадир Пеньков, лесник Шамалонов. Они ходили с немцами по селу и показывали еврейские дома, чтобы их не спутали с домами, где жили геры. «Мы не евреи, мы русские», - доказывали они немцам. Противоположностью им был кузнец Давыдов, армянин, служивший в этом же отряде. Его в колхоз привёл в своё время мой отец. Так вот, он ночью прошёл по всем еврейским домам и предупредил, что утром будут всех евреев собирать и куда-то повезут. Благодаря этому, многие сумели ночью убежать в русский хутор, а утром ушли в Моздок.

Р. С. Ашурсова

Что я ещё могу сказать о моём селе? Его уже нет. Когда были уничтожены все евреи, там остались только армяне и геры, да и те начали потихоньку разъезжаться. Колхоз просуществовал ещё какое-то время, примерно, до 1949 года, а затем всё, что от него осталось было передано в ведение армянского колхоза имени Шаумяна».

А сейчас я хочу познакомить читателей поподробней с судьбой удивительной женщины - Раисы Соломоновны Ашуровой. О ней рассказала мне её дочь Анна Алексеевна Раханаева.

Председатель сельсовета Раиса (Ровке) Соломоновна Ашурова родилась в 1895 году в Хасавюрте. Волевая энергичная женщина, мать 12 детей, из которых Анна Алексеевна была самой младшей. Из всех её детей выжили только пятеро, остальные умерли в младенчестве. И это не удивительно после всего того, что мы узнали о тяготах тех лет.

Раисе Соломоновне удалось ещё в Хасавюрте закончить 7 классов. Невиданное дело по тем временам, когда даже её муж, Амал (Алексей) Писерович Ашуров, был совершенно неграмотным.

В 1925 году с мужем и маленькими детьми она приехала в Ставрополье, практически, поднимать целину. В 1931 стала председателем сельсовета. О ней вспоминают, как об очень честном, идейном человеке, коммунисте, искренне верящем в дело партии.

Основной продукцией, которую колхоз на тот момент поставляли государству, был хлопок. Анна Алексеевна вспоминает, что мама работала с утра и до ночи, но в доме была идеальная чистота. Все дети были ухожены, обстираны. Как она успевала? А ещё вспоминает, что иногда мама прибегала домой, быстро становилась готовить, печь хлеб и увозила всё это в поле, чтобы покормить рабочих.

Её уважали все от мала до велика. Если дети плохо себя вели, родители говорили: «Сейчас пойду и пожалуюсь Раисе Соломоновне», и этого хватало, чтобы их моментально успокоить.

Много лет Раиса Соломоновна работала без выходных. Её даже в отпуск никогда не отпускали. В конце 30-х годов ей было всего лишь чуть за сорок, а у неё уже развилась серьёзная болезнь сердца. Необходимо было забрать её из колхоза, чтобы сохранить ей жизнь. Этим занялся её старший сын Хаим. Он начал писать во все инстанции и, наконец, выхлопотал ей отпуск на 3 месяца и увёз всю семью в Дагестан. Это было незадолго до начала Великой Отечественной войны.

Таким образом, покинув по настоянию сына Менжинское, Раиса Соломоновна и её дети избежали участи своих земляков. Умерла она в 1965 году.

АКАДЕМИК ИЛИЗАРОВ – БОЛЬШОЙ УЧЁНЫЙ И БОЛЬШОЙ АВАНТЮРИСТ

15 июня 1921 года, 85 лет назад, родился Гавриил Абрамович Илизаров.

В 1951 году, 55 лет назад, он заявил о своём открытии и предложил способ лечения переломов (а затем и ортопедических заболеваний) при помощи созданного им аппарата.

А в 1971 году, 35 лет назад, в г. Курган был открыт научно-исследовательский институт – ныне Российский научный центр «Восстановительная травматология и ортопедия», который возглавил академик Г.А. Илизарова. Теперь центр носит его имя.

Вот этим трём юбилеям мы и посвящаем данную публикацию.

Гавриил Абрамович Илизаров – светило мировой медицины, гордость всего еврейского народа. Изобретение, навеки вписавшее в скрижали советской и мировой ортопедии и травматологии его имя, обогнало время не на один десяток лет. Фантастика, сложенная экспериментальным авантюризмом, фанатизмом и врождённой настырностью, поразили современников своей простотой и гениальностью. Догмы, проповедуемые годами, были нещадно низвергнуты. В некоторых публикациях утверждалось, что он действует и побеждает вопреки законам природы. Но это было вовсе не так. Именно следуя законам природы, он с помощью своего чудесного аппарата возвращал к полноценной жизни тех пациентов, от которых уже успели отказаться многие его коллеги. Он возвращал пациентам не только здоровье, он дарил им возможность «нормально жить». Большинству из нас – обладателей рук и ног обычной длины, невдомёк, какое это счастье – «нормально жить», «быть как все». А люди, исцелённые с помощью метода Илизарова, ценят это в полной мере.

Привлечь внимание к методу Илизарова в журналистских и научных кругах заставил случай с излечением олимпийского чемпиона и мирового рекордсмена по прыжкам в высоту Валерия Брумеля. И сам знаменитый пациент, и вся общественность были изумлены результатами лечения. Сам Валерий впоследствии, уйдя из большого спорта, даже написал об этом повесть.

Можно сказать, что вместе с искалеченным Валерием Брумелем в центр Илизарова пришла слава и известность. Именно с этого момента о нём заговорили и начали много писать. Во многих публикациях о Г.А. Илизарове писали как о волшебнике, а о его методе лечения — как о чуде. Так неправдоподобно всё выглядело со стороны. А в самом же медицинском центре чудо изо дня в день превращалось в обыденную реальность, сказка уступала место быти, а умелые руки врачей обыкновенным гаечным ключом и спицами из безнадёжных уродливых калек делали красавцев.

О Гаврииле Абрамовиче Илизарове написано много, но в основном не о нём, а о его методе лечения ортопедических заболеваний. Не будет преувеличением сказать, что из научных, околonaучных и научно-популярных работ по этой теме можно составить целую библиотеку.

Мы же попытаемся рассказать читателям немного о личности самого учёного, о том, что же это был за человек — академик Илизаров, которого сначала восхваляли и превозносили, потом несколько подзабыли, а сегодня его имя зазвучало с новой силой. Попробуем рассказать об Илизарове — человеке, с его пристрастиями и слабостями, свойственными каждому из нас, но, однако, не помешавшими, а возможно и способствовавшими тому, что он стал автором открытия мирового значения, создал и возглавил научно-медицинский центр, в котором лечатся сегодня пациенты из многих уголков земного шара.

А поможет нам в этом Владимир Иванович Шевцов, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент Российской Академии Медицинских Наук, вставший во главе центра после смерти Гавриила Абрамовича Илизаров и возглавляющий его по сей день.

Владимир Иванович 25 лет проработал с Илизаровым, сопровождал его во всех многочисленных международных поездках. Он ученик и преемник академика.

- Владимир Иванович, разрешите поздравить Вас с грядущими юбилейными датами! В центре намечаются какие-то праздничные мероприятия?

- Безусловно. В июне мы ждём гостей со всего мира. 14-16 июня мы проводим научно-практическую конференцию молодых ученых «Молодые ученые: новые идеи и открытия», по-

священную 85-летию со дня рождения академика Г.А. Илизарова и 35-летию Российского научного центра «Восстановительная травматология и ортопедия». Кстати, к нам приедут и представители из Израиля, из города Хайфа, если я не ошибаюсь.

- Вы работали с академиком Илизаровым бок о бок почти четверть века, вас называют его учеником и преемником. Поэтому именно к вам мы решили обратиться с просьбой рассказать о Гаврииле Абрамовиче, как о человеке. Что он любил, каков был в общении...

- Конечно, я могу многое вспомнить. После окончания института я работал по распределению в районной больнице, пока Гавриил Абрамович не пригласил меня к себе. И вот с 1969 по 1992 я работал под его руководством.

Это был уникальный, неординарный человек. Каков он был в общении? Ну, это зависело от ситуации. В бытовом общении он мог вести непринуждённую беседу, вернуть анекдот, пошутить, посмеяться. Огромной его страстью были карты. Обожа!л играть в подкидного дурака и никаких других игр не признавал. Мог сутками играть и получать от этого удовольствие. При этом он не просто играл, а как человек, склонный к авантюризму, постоянно мухлевал, жульничал и радовался как ребёнок, когда люди эти его трюки замечали и разоблачали его.

А ещё Гавриил Абрамович был настоящим фокусником-профессионалом. Всегда и везде он возил с собой кучу приспособлений и аксессуаров для демонстрации фокусов. Монеты, платочки и всякие другие вещицы всегда были при нём. И бывало неоднократно, что где-нибудь за рубежом во время званного обеда он рассказывал анекдоты и демонстрировал фокусы. Дело в том, что Илизаров очень быстро ел. Все ещё с первым не закончили, а он уже и чай попил. Вот тут-то он и начинал развлекать собравшихся. Публика всегда была в восторге, и он сам выходил из-за стола очень довольным.

- Лёгким он был человеком в общении?

- Далеко не всегда. Он был человеком очень эмоциональным, вспыльчивым, но отходчивым. Это в быту. А что касается работы, то здесь спуска не было никому. Он был очень строгим и требовательным. Особенно в тех случаях, когда его распоряжение вовремя не выполнялось. Тут уж «прощай, Родина»! Он мог выдать такую взбучку, да ещё и в таких закрученных выражениях, что у некоторых сотрудников дело доходило до предынфарктного состояния.

- Горячий кавказский мужчина!

- Да! Этого у него было не отнять! И в выражениях, и в темпераменте, и во многих житейских пристрастиях. Но что интересно: он

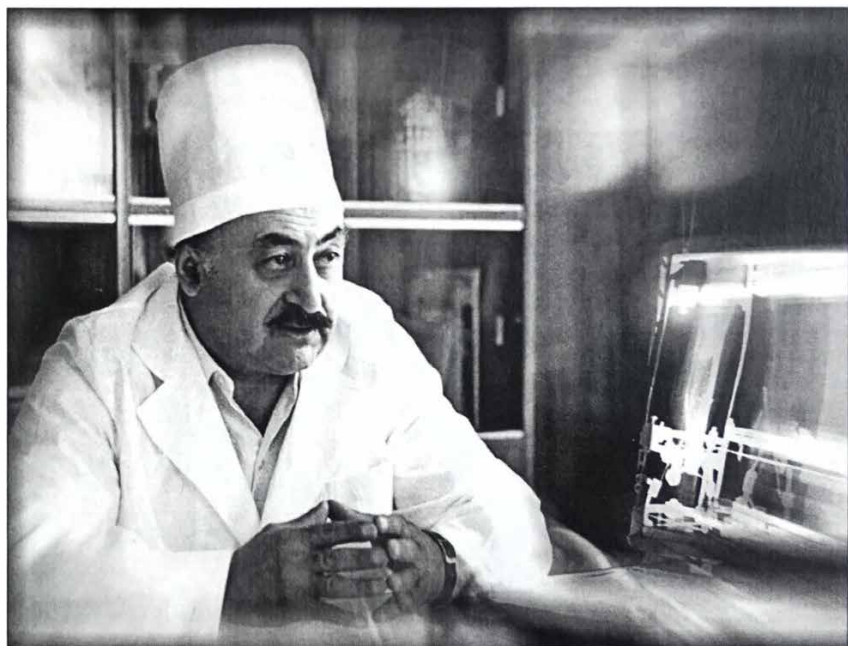
очень много лет прожил в Сибири, в Кургане, фактически, с момента окончания университета, но до последнего дня своей жизни остался кавказским мужчиной. Он очень любил все кавказские блюда. Зелень ел пучками. Любил выпить, но из всех напитков предпочитал чачу. Если на столе дорогой коньяк, виски, водка и чача, значит, он будет пить чачу.

Очень любил своих земляков. В нашей больнице, когда он был жив, лечилось очень много жителей кавказских республик.

Была у Гавриила Абрамовича ещё одна интересная черта: он не умел во время дискуссии или деловых встреч моментально выдать аргументированный ответ. Ему нужно было время на обдумывание. Поэтому иногда во время какой-нибудь встречи я замечал, что он начинал затягивать разговор, уводить в сторону, тянуть резину, а сам в это время обдумывал свой ответ и, в конце концов, грамотно и логично раскладывал перед собеседником всё по полочкам.

По этой же причине очень много времени у нас всегда занимало составление речей и докладов. Гавриил Абрамович долго обдумывал каждое предложение и добивался того, чтобы каждое слово имело только одно значение. Он не терпел подтекстов и иносказаний. Всё сказанное им должно было пониматься слушателями однозначно.

- Владимир Иванович, вы сказали, что Илизаров был человеком, склонным к авантюризму. В чём это проявлялось, кроме жульничества при игре в подкидного дурака?

- О! Эта его черта проявлялась очень ярко в профессиональных вопросах. Особенно в начале развития метода. К примеру, мы делаем операцию по исправлению деформации конечности, а он мог выйти из операционной и сказать, что мы исправили деформацию и удлиннили конечность на 5 см, хотя мы этого не делали. Или другой пример: пациент лежал у нас достаточно долго (на начальных этапах это было даже очень долго, доходило до года), а Илизаров заявлял прессе, что вот этот больной провёл у нас месяц, а результаты на лицо! И все в восторге, все удивлены. Он показывает им снимки до лечения и после лечения – вот каких результатов мы достигли с помощью нашего аппарата всего лишь за месяц.

- А для чего же он это делал?

- Как для чего? Для скорейшего развития центра, для привлечения внимания к нашему методу. Он мог заявить, что вот, мол, проведена операция, и пациент чуть ли не прямо из операционной ушёл здоровым, на своих ногах. Согласитесь, что во имя самой благой цели на такие фокусы не каждый мог бы решиться. А Илизаров мог! И это очень помогло развитию идеи, развитию центра, привлекло внимание общественности, специалистов. Ему верили. Одна журналистка так впечатлилась от разговора с ним, что, приехав домой в Норильск, опубликовала сенсационную статью: в Курганском центре люди излечиваются почти что моментально: входят хромые и калеки, а через несколько часов выходят полноценные здоровые люди!

Умение академика без зазрения совести уверенным голосом рассказывать небылицы было на тот момент мощным толчком, приведшим к открытию нашего центра. Но чего греха таить, был в этом и негативный момент: идею подхватили «на ура», и даже вышел приказ Министерства здравоохранения СССР о повсеместном внедрении метода Илизарова. А метод-то был ещё не до конца разработан, и большинство врачей на местах им не владели. Но приказ есть приказ. Внедрили и наделали кучу ошибок при лечении больных. Было получено большое количество отрицательных результатов, и народ охладел и к методу, и к самому Илизарову.

А нам нужно было всего лишь время, в течение которого метод дорабатывался, доводились до совершенства аппараты, определялись сроки и режимы работы. И сейчас наш метод стремятся освоить многие ортопеды страны и мира.

- На сегодняшний день те сказки, которые рассказывал академик Илизаров, уже стали былью?

- Ещё не совсем, но мы к этому приближаемся. Сегодня мы ещё не можем сказать пациенту, что в течение месяца его нога удлинится на 5 см, и он сразу же начнёт бегать. Но можем пообещать, что в течение 3-х месяцев удлиним его ногу на 10 см. Сразу после этого он, конечно, не побежит и штангу поднимать не сможет. 2-3 месяца ногу надо содержать в покое, пока не сформируется кость, и ещё минимум полгода соблюдать щадящий режим.

Но значительное сокращение сроков лечения, естественно, имеет место. Уже сегодня мы добились темпа роста кости на 1 мм в сутки.

Можно сказать, что благодаря авантюризму Илизарова был открыт наш центр, мы получили возможность работать, проводить исследования. Сам академик и его метод лечения получили огромную известность. Правда, как я уже говорил, на какое-то время шумиха поутихла, произошёл некоторый спад из-за обилия отрицательных результатов. Но сегодня имя Илизарова и нашего центра опять у всех на слуху.

Вспомните: в истории нашей медицины было 3 громких имени — Фёдоров — окулист и два ортопеда Калнберз и Илизаров. Фёдорова и Калнберза сегодня уже почти не вспоминают, а имя Илизарова гремит.

- Владимир Иванович, я, как и многие наши читатели, очень далека от вопросов ортопедии. Не могли бы Вы простым языком объяснить нам, в чём суть метода Илизарова?

- Суть метода Илизарова состоит в том, что он разработал совершенно новую технологию. Эта технология позволила хирургу целенаправленно управлять процессами, при которых формируется новая кость и мягкотканый компонент вокруг неё: мышцы, кожа, нервы, сосуды.

До Илизарова проводилось очень много опытов по удлинению конечностей, но все они оканчивались плачевно, т.е. ампутацией. Отличие нашего метода в том, что он повторяет естественные природные процессы роста кости. Как происходит в природе? Ребёнок рождается с ростом 50 см, а через 15-16 лет его рост уже 170см. Это нормально и естественно. Мы все так росли. И при этом у нас ничего не болело, мы процесс роста даже не чувствовали.

Именно на этом основан метод Илизарова: кость растёт, а кожа и мышцы не растягиваются, т.к. тоже растут вместе с костью. И самое главное, что выращенная конечность полностью выполняет все функции и выдерживает обычные динамические нагрузки.

- Какие заболевания лечат с помощью этого метода? Думаю, что с обычным переломом к вам в центр не обращаются?

- С травмами и переломами к нам обращаются жители нашего района. А жители других городов страны и многих стран мира обращаются к нам в случаях сильного укорочения конечности, полученного в результате травмы, и очень часто обращаются с врождёнными дефектами: тяжёлая аномалия развития скелета, врождённое укорочение или деформация конечностей, косолапость, косорукость и т.д. Пациенты к нам поступают, начиная с одного года. Это те детки, у которых дефекты видны сразу при рождении.

- А каково максимально возможное увеличение роста?

- Ограничений нет. Можно растить кость до какого угодно размера. Но надо понимать, что увеличение роста мы производим за счёт удлинения конечностей. У пациентов, как правило, туловище нормальное, пропорциональное. Диспропорция возникает из-за укороченных конечностей. Следовательно, увеличение роста происходит благодаря удлинению ног. Максимальное удлинение, которое мы проводили в нашей практике, составило 55 см. Это был пациент с врождённой аномалией — у него полностью отсутствовала бедренная кость. И нам удалось её вырастить. Это заняло очень

много времени, делалось в 23 этапа, но оно того стоило: человек поступил к нам с врождённым уродством, а после завершения длительного лечения уехал нормальным, полноценным человеком.

- А если уродства нет? Просто человек из косметических соображений хочет увеличить свой рост, например, мужчина с ростом 150-155 см. Такие пациенты к вам обращаются?

- Конечно, и очень часто. У таких пациентов обычно наблюдается диспропорция между длиной туловища и длиной конечностей. И мы увеличиваем их рост за счёт удлинения конечностей.

- Владимир Иванович, расскажите нашим читателям, что представляет из себя на сегодняшний день центр Илизарова?

- Центр наш – большое уважаемое учреждение, которое работает по 4 основным направлениям:

1. Научно-исследовательский отдел. 117 научных сотрудников и вспомогательный персонал. Всего 355 человек. Этот отдел занимается разработкой новых способов лечения и усовершенствованием уже существующих методик. Для их работы необходимы подопытные животные, поэтому мы содержим клинику животных, в которой 150 собак, крысы, кролики. На них моделируется и отрабатывается новый способ лечения заболеваний. И только после того, как всё отработано на животных, разработка передаётся в лечебный центр для адаптации к организму человека.

2. Лечебный центр. Он у нас достаточно большой. Его мощность – 800 коек и 1100 человек персонала, 18 специализированных отделений.

3. Центр подготовки специалистов. Это наш учебный центр, который имеет статус международного. Мы проводим много семинаров и курсов обучения методике. К нам приезжают врачи со всего мира, поэтому многие операции и процедуры на сегодняшний день пациенты уже могут получить в своей стране или в своём городе.

4. Наш завод по производству аппаратов Илизарова и другой мед. техники.

Вот такое у нас хозяйство, в котором работают в общей сложности 1500 сотрудников.

- Из каких стран к вам обращаются за помощью?

- Из многих. Из Америки, Австралии, из всех европейских стран. Бывают, кстати, пациенты из Израиля. У нас есть международный отдел и целый штат переводчиков с 14 языков мира.

- Есть переводчик с иврита?

- Вот чего нет, того нет. Никогда не испытывали в нём необходимости, нам с израильянами очень легко общаться, т.к. пол-Израиля говорит по-русски, а с теми, кто не говорит по-русски, без труда можно общаться на английском языке. В конце прошлого года мы проводили первую российско-израильскую конференцию и, практически, не прибегали к помощи переводчиков — большинство израильских гостей разговаривало с нами на чисто русском языке.

- Владимир Иванович, большое спасибо, что в суматошные предъюбилейные дни Вы смогли уделить нам время. От лица «Кавказской газеты» и наших читателей желаю центру Илизарова процветания и новых открытий.

ЛИСТАЯ ДЕДУШКИН АЛЬБОМ

Книг по истории горско-еврейской общины написано совсем немного. А о знатных и уважаемых семьях сведений и того меньше. Можно сказать, что буквально в последние десятилетия начали публиковаться некоторые архивные материалы, исторические справки и исследования, рассказывающие о семьях Дадашевых, Ханукаевых, а о роде Сабаевых не написано почти ничего. А между тем, этот род являлся одним из уважаемых и знатных родов на Кавказе.

К нам в редакцию попали фотографии из семейного архива представителей одной из ветвей рода Сабаевых — потомков Песаха Сабаева. Его внук, Илья Дадашев, проживает в Тель-Авиве, а племянница Роза Сабаева в г. Хадера.

В книге Б. Б. Маноаха «Пленники Салманасара» о Песахе Сабаеве мы можем прочитать следующее: «Среди приехавших в Палестину в начале века был один из богатейших людей Восточного Кавказа - Песах бен Элькана. В Палестине он приобрел цитрусовые плантации и дома, на свои средства начал строительство синагоги в Иерусалиме (в районе Бет-Исраэль), где селилось большинство кавказских евреев. Однако перед первой мировой войной он вернулся в Дербент вместе с женой и дочерью, чтобы распродать свое хозяйство. В Палестине он оставил доверенность на принадлежащее ему

имущество и на достройку синагоги. На Кавказе Песах застал войну, затем началась революция, потом гражданская война, потом на Кавказ пришла советская власть. Хозяйство Песаха было конфисковано, а он сам объявлен социально-опасным элементом. Живя на нелегальном положении, переезжая с места на место, он пытался пересечь границу и уехать в Палестину, но — безуспешно. В 30-х годах его арестовали в Дербенте, приговорили к десяти годам лишения свободы и этапировали в Сибирь, откуда он уже не возвратился».

А теперь позвольте вам изложить те сведения, которыми поделились с нами его потомки.

Песах бен Элькано Сабаев родился в 1865 году в семье зажиточного владельца виноградных плантаций Элькано Сабо, у которого было 7 душ детей. В своей семье Песах выделялся пристрастием к комфорту и шикарной жизни. Дом его поражал посетителей своей роскошью: шикарная мебель, рояль, дорогая посуда, серебро. Он первым среди горских евреев Дербента провёл себе в дом коммунальные удобства, электричество, телефон. Одевался Песах очень элегантно, в европейском стиле, носил шляпу и трость. Он очень любил путешествовать. Большая дружба связывала Песаха с богатым и именитым жителем Дербента Юсуфом Дадашевым. В конце 80-х годов 19 века Пейсах женился на родной сестре Юсуфа Дадашева красавице Шифро, которая родила ему единственную дочь Сару. А впоследствии Песах и Шифро выдают свою дочь за Нисона Дадашева, старшего сына Юсуфа, тем самым ещё больше укрепляя дружбу между семьями кровным родством.

В начале 20-го века Песах Сабаев вместе со своей женой Шифро посещает святыню мирового еврейства — Палестину. В Иерусалиме

Дочь и жена П.Сабаева

Кладбище в Иерусалиме. 1912 г. На самом верху - П.Сабаев

они покупают дом в надежде вернуться на землю предков вместе со всей семьёй. В настоящее время в этом доме расположена синагога с большой библиотекой, ешивой для мальчиков и девочек, а две комнаты отведены для приезжих или остроноуждающихся во временном жилье.

В 1912 году Песах с женой возвращаются в Россию, в Дербент. Семейные проблемы не позволяют им в последующие годы выехать в Палестину. Дело в том, что их единственная дочь Сара была уже более 5 лет замужем, а детей всё не было. Врачи рекомендуют молодой женщине отправиться на лечение в один из курортных центров, и в 1914 году Песах с женой и дочерью выезжает на курорт в Карловы Вары. Они путешествуют по странам Европы, посещают Польшу, Чехословакию, Австрию, Германию, где их и застаёт Первая Мировая война.

С большими трудностями им удаётся вернуться в Дербент. Настают смутные времена. Сначала война, затем революция. Официально выезд граждан России за границу был запрещён. Но Песах ждал и надеялся, что наступят более благоприятные времена, и он сможет вывезти семью в город своей мечты — Иерусалим. Но, к сожалению, мечта эта оказалась несбыточной ни для него, ни для его жены, ни для дочери.

В 1937 году Песаха, очевидно по доносу, арестовали. Никто из родных и близких его больше не видел. И только в 70-х годах прошлого столетия его внуку удалось выяснить, что дед без суда и следствия был расстрелян. Ему было 73 года. А основанием для ареста послужила фотография. На ней Песах Сабаев был запечатлён сидящим за одним столом с бывшим пред. Военкома г. Дербента Мамедбековым, который тоже был расстрелян в 1937 как враг народа. Песах отказался дать ложные показания на Мамедбекова, которого он уважал, несмотря на их политические разногласия. В последствии Мамедбеков был посмертно реабилитирован.

Несмотря на столь трагический финал, всё же можно сказать, что Песах Сабаев прожил счастливую жизнь. Он умел наслаждаться, любил родных и друзей, любил праздники и застолья, обожал своих внуков, которых всё-таки подарила ему единственная дочь. Он не дождался образования государства Израиль, так и не осуществил свою мечту — поселиться в Иерусалиме, но эту его мечту осуществил его внук, репатриировавшись в Израиль с тремя сыновьями.

*По материалам воспоминаний семей
Сабаевых - Дадашевых.*

ТРИ РАССКАЗА ОБ ОДНОЙ ИСТОРИИ

Не только в журналистской практике, но и в обычной жизни часто случается, что мы получаем сведения об одном и том же событии из разных источников. Сведения эти иногда противоречивы, порой в них не совпадают некоторые факты. В обычной жизни ничего страшного от этих несовпадений может и не произойти, а вот журналисту публиковать искажённую информацию нежелательно. Поэтому мы всегда стараемся проверять и перепроверять полученную информацию.

В материале, с которым вам сейчас предстоит познакомиться, мы несколько отступили от своих правил и соединили в нём три рассказа об одном и том же событии. Возможно, в чём-то они не совпадают, но не это главное. Важны теплота и искренность, которые содержатся в каждом из этих рассказов. А если кто-то из рассказчиков немного ошибся или перепутал даты, так ли уж это важно?

Ансамбль песни и танца Кабардино-Балкарии «Кабардинка» знают и любят многие выходцы из бывшего СССР. Как и у каждого прославленного коллектива у «Кабардинки» есть своя история. Моё знакомство с некоторыми её страничками произошло совсем недавно. В редакцию «КГ» пришло письмо от художника Семёна Ягудаева, уроженца г. Нальчик, в котором он рассказывал о некоем татском ансамбле из города Нальчик.

В конце 30-х годов татский ансамбль был приглашён в Москву для участия в концерте в Кремлёвском Дворце съездов. Концерт был очень ответственный, ведь в правительственной ложе сидел сам Иосиф Виссарионович Сталин.

Выступление прошло блестяще, зал стоя аплодировал артистам. А когда в финале на сцену вышла знаменитая танцовщица Ифранимова, которую называли «кавказской лебедушкой», и исполнила со своим партнёром два зажигательных грузинских танца, встали и зрители в правительственной ложе.

После концерта к гармонисту Хацерону Алхасову и зурнисту Танахуму Ашурову подошёл человек в штатском и пригласил их зайти в правительственную ложу, где их ожидал Сталин.

Сталин задал музыкантам несколько вопросов об ансамбле, а затем спросил, что бы они хотели получить на память об их встрече, в чём они нуждаются. Хацерон Алхасов попросил новую гармонь, т.к. старая почти пришла в негодность, а Танахум Ашуров сказал, что ему нужен костюм. Сталин распорядился выделить отрез на костюм и заказать на фабрике гармонь.

А через некоторое время Хацерон получил посылку, в которой была новенькая гармонь. На торце была табличка с надписью «На

память Хацерону Алхасову от И.В. Сталина», а с другой стороны были прикреплены фонарик и часы.

Вот такой интересный случай рассказал в своём письме художник Семён Ягудаев. Нам в редакции захотелось побольше узнать об этих музыкантах, об ансамбле, о том, что же это был за концерт и, возможно, у кого-нибудь из родственников найти фотографии Хацерона Алхасова и Танахума Ашурова.

Первой, к кому мы обратились за информацией, была Светлана Данилова, проживающая ныне в США, а до иммиграции жившая в Нальчике, многие годы возглавлявшая еврейскую общину города и также долгие годы занимавшаяся её историей. Через несколько дней после нашей телефонной беседы Светлана Ароновна прислала нам небольшую статью. Вот она.

ИГРАЙ И ПОЙ

Семью музыкантов Алхасовых в республике Кабардино-Балкария знают многие. Песню о Нальчике поют уже не только на горско-еврейском и русском, но и на кабардинском языке. С выездом евреев во многие страны мира она звучит в разных странах на всех торжествах. А написал ее заслуженный деятель республики Хацерон Алхасов, будучи во время войны в эвакуации в Ереване. Видимо потому, что написана песня на чужбине, в ней столько любви к родному городу, к родной земле.

Талантливый от Б-га, Хацерон Алхасов собирал и исполнял мелодии горских евреев и других народов Северного Кавказа. Он был народным композитором и гармонистом- виртуозом.

Хацерон, не имея музыкального образования, играл на нескольких инструментах, сочинял песни. До войны был издан сборник его песен. Позже, в 90- е годы, еврейский центр издал сборник произведений еврейских композиторов республики, в который вошли и песни Х.Алхасова.

В 1927 году при Кабардино-Балкарском радиокомитете он вместе с известным музыкантом Танахумом Ашуровым (сегодня в Нальчике есть улица имени Ашурова) и бубнистом Ароном Исаковым создал национальное трио. А в 30-е годы эти музыканты стали зачинателями государственного ансамбля музыки и танцев (ныне «Кабардинка»).

Из поколения в поколение рассказывают одну довольно интересную историю. В 1938 году в Москве проходил Всесоюзный фестиваль искусств, в котором участвовали и получили второе место наши музыканты. Сталин и Ворошилов сидели в ложе и можно представить, как сердца музыкантов бились от страха и вдохновения. Я думаю, что на сцене преобладало вдохновение. А после выступления музыкантов пригласили в ложу к вождям. Вот тут-то они испугались по-настоящему: почему их позвали, может быть, что-то не так...

А их, оказывается, решили наградить и позвали, чтобы спросить, что бы они хотели получить. Танахум Ашуров попросил бостонский костюм. Семья у него была большая, и сшить себе костюм для выступлений он не мог. А Хацерон Алхасов сказал, что его гармонь совсем уже старенькая и ему хотелось бы иметь новый инструмент. Через шесть месяцев он получил уникальный инструмент - гармонь, которую изготовили в Туле по специальному заказу.

На одной стороне гармони была лампочка, а на другой часы, но самое главное, была дарственная роспись Сталина. Конечно, музыкант был счастлив.

В музее изобразительных искусств в Нальчике есть скульптура трех музыкантов: бубниста А.Исакова, зурниста Т.Ашурова и гармониста Х.Алхасова. Но не только этим увековечена память о прекрасных музыкантах. Главное их наследие — дети и внуки, которые продолжают их беззаветную службу музыке.

Я хорошо знакома с семьёй Хацерона Алхасова. Его сын, внук, правнуки - все играют и поют. С 60-х годов я не раз организовывала их выступления на радио и телевидении. Также в их исполнении были записаны инструментальная музыка и песни Хацерона, их приглашают на свадьбы в Москву.

Осенью прошлого года я была в Нальчике, когда община праздновала прибытие из Иерусалима Свитка Торы. На этом празднике пел Шалуми - мальчик лет семи. Он пел прекрасно. Вы не поверите, но я сразу же узнала в нем Алхасова. «Ну, что ж, - подумала я, - значит, в очередной раз Всевышний дает шанс».

Очень хотелось бы, чтобы родители серьезно отнеслись к развитию способностей Шалуми. Мне сказали, что мальчика приняли в музыкальную школу. Предстоит тяжкий труд как родителям, так и талантливому потомку семьи Алхасовых. Будем надеяться, что он сможет стать достойным продолжателем музыкальных традиций своих предков.

Светлана Данилова

Мы были очень благодарны Светлане Ароновне за рассказ. Но как быть с фотографиями? Выручил Интернет. На сайте juhuro.com мы нашли две небольшие фотографии Хацерона Алхасова и ансамбля. Больше всего нас заинтересовали подписи к ним, сделанные Павлом Матаевым.

А поиски фотографии Танахума Ашурова привели нас к его внуку Эдику Ашурову, который живёт в Беер-Шеве. На многое мы не рассчитывали, так как не раз уже сталкивались с ситуацией, когда внуки почти ничего не знают о дедушках

и бабушках. Имя, фамилию, несколько фотографий из семейного альбома — вот, пожалуй, и всё, что мы обычно получаем от внуков наших героев.

Но в данном случае мы ошиблись. Эдик Ашуров оказался не только очень интересным человеком, но и скрупулезным собирателем и хранителем семейного архива. Эдик Ашуров сам профессиональный музыкант, и ему дорога каждая крупица воспоминаний, связанных с его дедом Танахумом Ашуровым и отцом Падацуром Ашуровым. В рамках одной газетной статьи невозможно уместить все интереснейшие сведения, которые содержались в его эмоциональном рассказе, поэтому мы ограничимся только его рассказом о зарождении ансамбля и о той легендарной встрече его деда со Сталиным.

Вот что рассказал нам Эдик Ашуров:

- В 1928 году в Нальчике был создан горско-еврейский ансамбль песни и танца. Я подчёркиваю - «горско-еврейский». «Татов» в то время в Нальчике не было, татами нас стали делать уже в 40-х. Этот горско-еврейский ансамбль возглавляли Народный артист РСФСР Танахум Ашуров — мой дедушка и заслуженный деятель искусств КБАССР Хац

рон Алхасов. Звания, конечно, они получили гораздо позже. А тогда они были молодыми музыкантами, влюблёнными в свою музыку.

В 1933 году этому ансамблю дали статус Государственного ансамбля песни и танца Кабардино-Балкарии. Некоторое время ансамбль продолжал оставаться горско-еврейским, хотя впоследствии в нём начали работать и кабардинцы, и балкарцы. В 1966 году ансамбль претерпел существенные изменения: из него убрали хор, передали его радиокомитету, а ансамбль превратился в ансамбль танца «Кабардинка».

Если вас интересует встреча со Сталиным, я расскажу её так, как рассказывал мой дед. Произошла она во время декады литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Москве в 1936 году. В рамках этой декады и проходил концерт, где присутствовали многие члены правительства. После концерта был банкет, на котором наши арти-

сты вновь танцевали для «царей». Там же на банкете Сталин подозвал Хацерона и спросил, в чём он нуждается и что бы хотел получить на память.

После этих выступлений Сталин дал распоряжение заказать партию гармошек для республики Кабарда, а одну из них с дарственной надписью сделали специально для Хацерона Алхасова. А всем остальным участникам ансамбля были сшиты бостоновые костюмы, т.к. Сталин сказал:

- Артисты не должны ходить в том, в чём выступают. Советские артисты должны ходить в европейских костюмах.

Это действительно было так: артисты и на сцене, и вне сцены ходили в одних и тех же костюмах (черкеска, кинжал). У ансамбля не было бюджета на костюмы, да и у людей не было возможности купить другую одежду.

Отдельно деду моему Сталин подарил кинжал, такой же кинжал он подарил Берману Шабаеву и кабардинцу Аслану-Гери. Зурну он деду подарить не мог, потому что дед играл на инструментах, сделанных своими руками. «Еврейская зурна» - так стал называться инструмент, который изобрёл мой дед. У неё особый строй, который очень хорошо сочетается с гармошкой.

Кинжал, который Сталин подарил моему деду, был украден немцами в 1942 году, а его зурна хранится у меня.

В ансамбле (в кабардинском ансамбле, который создали евреи) мой дед проработал до 1957 года. В 1964 году его не стало, и его именем названа улица в Нальчике.

Кстати, благодаря моему деду был создан Государственный радиокомитет Кабардино-Балкарии. Дед написал Сталину, что музыкантам негде записывать музыку, она пропадает, и Сталин помог.

На этом история со Сталиным, гармошкой и бостоновым костюмом заканчивается. Но не закончилась наша беседа с Эдиком Ашуровым. Мы с огромным интересом слушали удивительные истории из жизни его деда и отца, а когда пришло время прощаться, посоветовали: «Эдик, пишите книгу. Будет непростительной ошибкой, если всё то, что вы сейчас нам рассказали, не узнают люди!»

А вдруг и вправду напишет? Было бы здорово!

МОШЕ ДАДАШЕВ И ПИСЬМО ДАВИДА БЕН-ГУРИОНА

КО ДНЮ НЕЗАВИСИМОСТИ ИЗРАИЛЯ

В одном из февральских номеров ведущая израильская газета «Еди-от ахронот» опубликовала статью журналиста Нира Мана о молодом солдате Пальмах (Пальмах — отборные военные ударные части, сформированные в 1941 году), который в 1948 году послал поздравительную открытку к празднику Рош-а-Шана первому премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону.

В открытке, кроме обычного поздравительного текста, была ещё одна строчка, в которой солдат просил Бен-Гуриона не расформировывать Пальмах. В ответ на эту открытку премьер-министр написал солдату письмо на 11 страницах, но адресата помощники премьер-министра найти так и не смогли.

Этот факт сам по себе интересен, как одна из страничек истории создания независимого государства Израиль. Но нам он показался интересным ещё и тем, что солдатом, который написал эту открытку, был наш земляк 18-летний Моше Дадашев.

Мы побеседовали с журналистом Ниром Маном, с сыном Моше - Яиром Двиром, который сегодня руководит одной из израильских фирм, и решили рассказать нашим читателям об этой истории, как ещё об одном примере участия горских евреев в создании и становлении государства Израиль.

Одиннадцать страниц рукописного текста — ответ премьер-министра раненому 18-летнему солдату Пальмаха Моше Дадашеву не дошли до адресата в далёком 1948. Зато они дошли спустя 58 лет до его сына Яира Двира, который держит их в руках и не верит своим глазам.

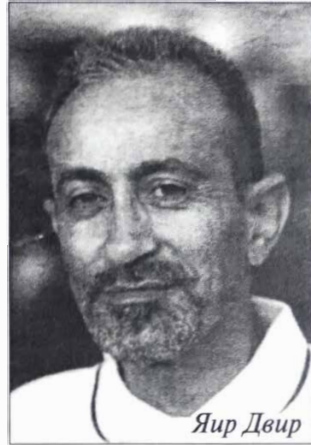
- Я слышу этот рассказ впервые, - говорит он, - и не могу понять, как лидер такого уровня, как Бен-Гурион, мог написать такое содержательное и хорошо выстроенное сочинение в ответ на простую открытку моего отца.

Да, эта открытка сыграла свою роль в истории Израиля. Не она сама, конечно, а ответное письмо главы государства, которое вызвало бурю откликов в израильских политических кругах.

Для того чтобы быть до конца честными, надо сказать, что в те дни в канцелярию премьер-министра поступали не сотни и не тысячи писем и открыток от граждан страны и солдат Пальмаха. Дело в том, что на тот момент шло формирование единой армии обороны Израиля ЦАХА-Ла, и должно было вступить в силу решение о расформировании ранее существовавших воинских подразделений, в том числе и Пальмаха. Во всех письмах и открытках, которые складывались секретарём сначала в стопки, а потом, когда их стало приходить всё больше и больше, - в мешки, содержались доводы и просьбы не расформировывать Пальмах — отборные и хорошо обученные части, не раз на деле доказавшие свою боеспособность и несокрушимость.

По свидетельству секретаря Бен-Гуриона Мины Дискин, бывшей тогда 18-летней солдаткой, он каждый день подходил к мешкам с письмами, вынимал 2-3 наугад и читал их. И в один из дней, 17 октября 1948 года, в руки ему попала простенькая открытка со следующим текстом: «Дорогому другу Давиду! Прими поздравления раненого пальмахника, находящегося в одном из военных госпиталей. Моше Дадашев». И ниже: «Пожалуйста, не расформировывай Пальмах!».

Бен-Гурион застыл на месте и несколько мгновений не мог вымолвить ни слова. Затем он опомнился, зашёл в свой кабинет и заперся. Более часа его не видели и не слышали. Было понятно, что его что-то очень сильно взволновало. А затем он начал передавать на печать клочки бумаги с текстом ответного письма солдату Дадашеву. (Писать на маленьких клочках бумаги было характерной особенностью Бен-Гуриона, столетие которого отмечается в этом году. На таких бумажках он писал все свои речи и доклады, а помощники потом их перепечатавали, приводили в порядок).

Яир Двир

Мина Дискин вспоминает, что письмо солдату Дадашеву она печатала с невероятной быстротой. Это письмо содержало объяснения «старика» (так они его между собой называли) того, почему он решил расформировать Пальмах.

Когда премьер-министр закончил проверку всего огромного письма, он позвал своего телохранителя Макса Рубинштейна и сказал ему: «Возьми это письмо, поезжай искать Дадашева по всем госпиталям страны и передай это письмо ему лично». Макс начал поиски с военной больницы Тель-а-Шомер. Вечером он вернулся и доложил Бен-Гуриону, что Дадашева не нашёл. Завтра и послезавтра его вновь и вновь отправляли на поиски по больницам, но всё было тщетно.

«Я думала про себя, - рассказывает Мина, - что Дадашева, возможно, уже нет в живых, но боялась произнести это вслух». Лишь по прошествии 3-х дней Бен-Гурион прекратил поиски, а поскольку раненый солдат найден не был, он распорядился отправить это письмо всем солдатам ЦАХАЛа.

Почему же из всех присланных писем Бен-Гурион выбрал простую открытку никому неизвестного солдата? И почему он решил ответить именно ему, а не более известным людям, обращавшимся к нему с той же просьбой? Возможно, он определил по имени написавшего, что это не стереотипный пальмахник, выходец из кибуца или интеллектуальной элиты. Возможно, этот юноша стал для него олицетворением образа солдата ЦАХАЛа — раненого солдата боевых частей, выходца с Кавказа, не боящегося высказывать своё мнение самому Бен-Гуриону.

Спустя много лет, когда Мина Дискин с мужем участвовали в церемонии открытия памятника бронетанковым войскам в Латруне, она вдруг увидела знакомое имя на плите памяти солдатам, павшим в Войне за независимость.

- Я стала дрожать от волнения и сказала своему мужу: «Смотри, вот тот солдат, которого Бен-Гурион не сумел найти». Я никогда не забуду строчку из его письма: «Пожалуйста, Бен-Гурион, не расформировывай Пальмах!».

На самом же деле, на той плите находилось имя Дадашева, но не Моше, а Аарона, погибшего в битве за Кастель. А следы Моше Дадашева были утеряны. Ни в записях Министерства внутренних дел и Министерства обороны, ни в интернет-сайтах не было его имени. Тем, кто его искал, иногда казалось, что такого солдата вообще никогда не существовало, а имя было вымышленным.

Так кто же он такой — Моше Дадашев? Выяснить это удалось только спустя много лет благодаря бывшим солдатам Пальмаха, узнавшим его на архивных фотографиях: «Так вот же он! Вот это и есть Моше Дадашев!»

Моше Дадашев родился в 1930 году. Он был старшим сыном Симхи

и Егуды Дадашевых, живших в кавказском квартале возле центральной автостанции Тель-Авива. После него в семье родились его сестра Шуламит и братья Шломо и Нисим.

Друг детства Яков Славин рассказывает, что у Моше было трудное детство, семья очень нуждалась. Муниципалитет Тель-Авива направил его сначала в интернат, а затем на обучение в сельскохозяйственную школу «Микве Исраэль» и дважды в год обеспечивал его одеждой.

В начале 1948 года Якова и Моше призвали на воинскую службу, и они вместе служили в Пальмахе. Во время атаки египетских самолётов в июне 1948 года Моше был ранен в руку, госпитализирован в тель-авивскую больницу Адаса, а оттуда отправлен на реабилитацию в Бейт-а-Бек в районе Нес-Ционы. Там он и был в то время, когда его разыскивал Бен-Гурион.

Жена Якова Славина вспоминает свадьбу Моше с его женой Сарой. Когда молодые люди решили пожениться, то все их друзья собрались в маленьком клубе кибуца Нир Баним, каждый принёс то, что у него было, накрыли стол. Так и отпраздновали их свадьбу.

В дальнейшем Моше Дадашев работал в различных кибуцах и всегда был в первых рядах «спасателей» - отправлялся в тот кибуц, которому нужна была срочная помощь. После нескольких лет работы в кибуцах Моше вернулся в Тель-Авив и приступил к работе в интернате для подростков, в котором когда-то воспитывался и сам.

К великому сожалению, он умер очень молодым, вскоре после их с Сарой свадьбы. Его сын Моше-Яир Дадашев-Двир отца не знал, т.к. родился уже после его смерти. Видимо поэтому письмо Бен-Гуриона было для него таким открытием.

А знал ли сам Моше о существовании письма? По свидетельству друзей, знал. Он получил его так же, как и все солдаты ЦАХАЛа, и понял по обращению в начале послания, что адресовано оно было именно ему.

Оригинал легендарной открытки хранится в доме-музее Бен-Гуриона в кибуце Сде Бокер, в котором жил первый премьер-министр независимого государства Израиль.

«ЭТА РАВНИНА БУДЕТ ПОКРЫТА ЕВРЕЙСКИМИ ПОСЕЛЕНИЯМИ»

Мы в редакции «КГ» находимся в постоянном поиске, беседуем со стариками, перечитываем горы литературы, перерабатываем поступающую корреспонденцию, чтобы найти что-то интересное и важное для наших публикаций. Но как порой бывает в жизни: едем за интересным материалом в другой конец страны, а о том, что находится в 10 минутах от нас, не знаем. Так случилось и на сей раз. Редакция газеты находится в Нетании, но мы и понятия не имели, что совсем рядом с нами, в «мошаве» Авихайль, расположенном в северной части города, стоит памятник горскому еврею, который погиб, защищая эту землю.

Огромная наша благодарность Александру Цадикову, который уже не в первый раз находит для газеты интересные факты. Он, большой знаток еврейской истории и собиратель книг по этой тематике на иврите, русском, английском, идиш, как-то наткнулся на имя горского еврея Йосефа Биньямини (скорее всего, изначально - Биньяминова), который погиб, защищая Эрец Исраэль в 30-х годах прошлого века. Зная, что «Кавказская газета» очень дорожит подобными материалами, Александр провёл настоящее расследование: ходил по архивам, искал в справочниках и энциклопедиях. И в «Энциклопедии Давида Тидхара» обнаружил следующее:

«Йосеф Биньямини (бен-Манувах)

Родился в Дербенте, на Кавказе, в 1879 году. Отец – раввин Симан-Тов Манувах (раввин общины Дербента). Мать – Ривка Ханукаева.

Получил традиционное еврейское воспитание и отличался среди горских евреев прилежанием в работе и храбростью. В 1906 году прибыл в Страну вместе со второй аией (1904-1914 гг.) Работал в виноградниках в Ришон ле-Ционе, а потом занимался мелкой торговлей в Иерусалиме. Женился на Ривке Алхадовой. Сын – Амирам.

В 1914 году вступил в партию «Поалей Цион». В том же году уехал в США, работал в городе Кливленде и там также был активистом партии. Был среди первых добровольцев американского полка Ев-

рейского легиона в составе британской армии, освободившей Палестину от турок. Принимал участие в захвате переправ через Иордан севернее Иерихона и в наступлении на населенный пункт э-Сальт (сегодня это в Иордании), отличался храбростью. После расформирования полка остался в Палестине, присоединился к партии «Ахдут ха-Авода» и к всеобщему Гистадруту. Был членом «Рабочих батальонов», руководил работой по прокладке дороги Афула — Назарет и затем руководил бюро труда в Иерусалиме.

Публиковал статьи в нью-йоркском «Форвертсе» и в «Даваре» в Эрец Исраэль.

Когда было заложено поселение Авихайль (сегодня это район на севере от Нетании) для демобилизованных солдат «Еврейского легиона», он был одним из организаторов заселения этого места. Для защиты этого пункта от нападений арабов вызвался охранять его. Спустя три недели он был убит бедуинами среди бела дня 22.02.1933».

Далее Александр отправился в Авихайль, надеясь обнаружить там ещё какие-нибудь сведения, и действительно их обнаружил. Оказывается, старейшая жительница «мошава» Рут Порат много лет собирала документы и фотографии, связанные с его историей. В 2002 году, к 70-летию своего посёлка, на их основе она издала книгу.

Редакция газеты искренне благодарит Рут Порат за предоставленные материалы. В её книге Александр обнаружил рассказ очевидца - Ицхака Минстера о дне гибели Йосефа Биньямини: «Зимой 1933 года (в Авихайль) прибыл президент общества «Пардэс ха-Глуд» г-н Джекобс. Он поселился в маленькой временной квартире, которую выстроили для него еще до его прибытия. Наше маленькое поселение было затеряно в дюнах, и товарищи жили сплоченной семьей, вместе отмечали все торжества и праздники. Г-н Джекобс решил выстроить себе дом на вершине холма у сосновой роши при въезде в Авихайль.

Однажды в начале января 1933 года (от ред.: рассказчик ошибся в дате, т.к. Биньямини погиб 25 числа еврейского месяца шват 5693 г., т.е. 22 февраля 1933г.) мы прервали работу, т.к. все были приглашены подняться на вершину холма и отметить закладку краеугольного камня в основании дома. Среди праздновавших был и Йосеф Биньямини, который помимо других работ, выполнял обязанности охранника. Охрана нам была необходима, так как было подозрение, что бедуины, жившие внизу, в «Вади Тиан» (сегодня это Нахаль Авихайль), попытаются овладеть высотой.

Тост, произнесённый Йосефом, был пророческим. Он сказал: «Вся эта распростертая перед нами равнина Эмэк Хэфэр будет покрыта еврейскими поселениями и расцветет в недалеком будущем».

Закончив свое слово, Йосеф возвратился на пост... А вскоре мы услышали о ранении нашего товарища Биньямини, и это поразило нас, как гром среди ясного неба.

Позже выяснилось, что во время отсутствия Биньямини на посту, бедуины взошли на землю Авихайль. Йосеф Биньямини и еще несколько товарищей из Авихайль попробовали изгнать их с участка. Началась драка, и наши ребята были ранены. Йосеф получил сильный удар глиняным горшком по голове. Его...хотели перевезти в Тель-Авив, но туда он не прибыл, так как в пути ослаб и умер. На-завтра хоронили Йосефа Биньямини на холме, где теперь школа. На похороны пришли все жители Авихайль..., присутствовали также британские полицейские, которые, как видно, следили, чтоб мы не отомстили бедуинам».

В своей книге Рут Порат поместила также отрывок из речи Ицхака Бен-Цви (в будущем второго президента Израиля) на траурном собрании в день похорон.

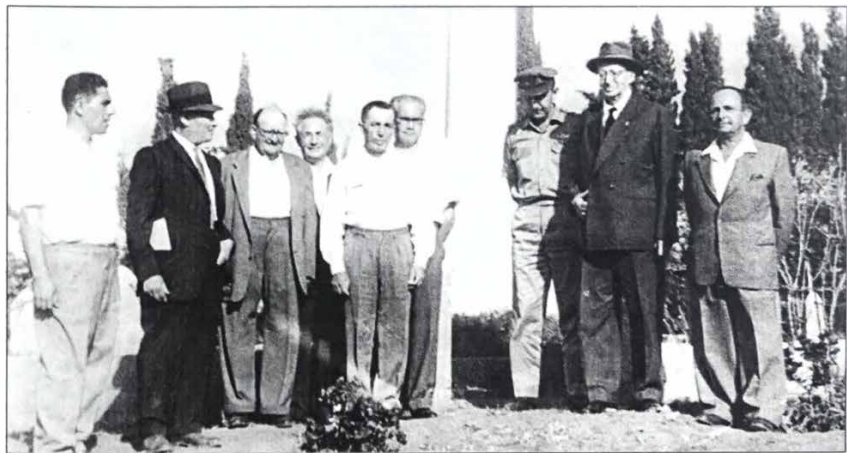
Ицхак Бен-Цви тогда сказал: «Йосеф Биньямини, дагестанец, уроженец Дербента, ...был молод и жил здесь в религиозной среде, где придерживались традиций. Я познакомился с ним, когда он работал торговцем в Иерусалиме. Ему было 20 лет, одет он был в восточную одежду, и его можно было принять за выходца из общин Востока. Однако Биньямини не остался иерусалимским торговцем. По случаю, его лавка находилась в том же месте, где располагалась

редакция «ха-Ахдут». Это был единственный уголок в Иерусалиме, из которого исходили лучи света, где зародилась идея сионистского социализма.

В 1910 году группа работников редакции и типографии была как одна маленькая семья, вокруг нее концентрировались жизнь рабочей партии «Поалей Цион» и первое ядро рабочей общественности в Иерусалиме. ...Под влиянием этой среды к нашей работе приобрели и Биньямини.

Смерть нашего товарища Иехезкеля Нисанова, одного из основателей «ха-Шомера», который пал на своем посту возле Бет-Дагана 25 числа месяца шват 5671 года (1911 г.), очень сильно повлияла на Биньямини, и он порвал со своей прежней жизнью. Возможно, сам факт, что Иехезкель был его земляком, уроженцем Дагестана, как и он, привел к этому... Биньямини изменился, влился в общество рабочих. Однако в один прекрасный день он исчез с нашего горизонта. Прошли годы, всвязи с известными событиями (Первая Мировая война) мы, Давид Бен-Гурион и я, были изгнаны из Эрец Исраэль турецкими властями, и в Кливленде, Огайо, неожиданно встретили нашего Йосефа в рядах членов партии «Поалей Цион» США. Это были дни мобилизации евреев-добровольцев в Еврейский легион в рамках британской армии (1918), и в первых рядах возвращающихся в Сион был Биньямини. Мы возвратились в военной форме, вместе сидели в палатках Тель-эль-Кабир и в песках пустыни, в местах, где родилась и закалилась идея создания «Ахдут ха-Авода».

Биньямини был активным борцом, участвовал в объединительном съезде в Петах-Тикве, не оставил свой лагерь в дни арестов, не оставил ряды трудового Израиля. До последнего своего дня стоял в рядах профсоюзного движения и в рядах нового объединения Ра-

бочей партии Эрец Исраэль (МА-ПАЙ). Как один из основателей союза демобилизованных солдат пришел первым к идее поселенческого движения, к заселению района Авихайль. И здесь пал на третьей неделе нашего пребывания на этой земле. Он оставил после себя жену и единственного сына.

*Опубликовано 26 швата 5693 г.
(23 февраля 1933)».*

Шли годы, и могила Йосефа Биньямини оказалась на территории школы «мошава» Авихайль. В 1961

году было решено на этом месте поставить памятник. На открытии памятника на могиле Йосефа Биньямини Моше Нельсон сказал: «В этот час мы стоим возле надгробного памятника нашему товарищу. Мы должны помнить, что он был одним из первых поселенцев в Авихайле. Он пролил свою кровь за нашу землю, на которой выросли не только деревья, но также наша прекрасная боевая молодежь.

Этот столб из римского 2000-летнего гранита, установленный здесь, привезен благодаря стараниям президента Израиля Ицхака Бен-Цви, который знал Йосефа Биньямини. Свет меноры, установленной на вершине памятника, призывает евреев диаспоры возвратиться в Сион...».

Памятник Йосефу Биньямини стоит во дворе школы и сегодня. Когда Александр Цадиков принёс в редакцию собранные им материалы, мы все вместе поехали в Авихайль, постояли возле памятника, сфотографировали его.

Хочется ещё раз от имени редакции и читателей «Кавказской газеты» поблагодарить Александра Цадикова и Рут Порат за ту огромную работу, которую они провели. Благодаря этому мы и наши читатели открыли для себя имя ещё одного земляка, сражавшегося за становление государства Израиль.

Уроки лидерства

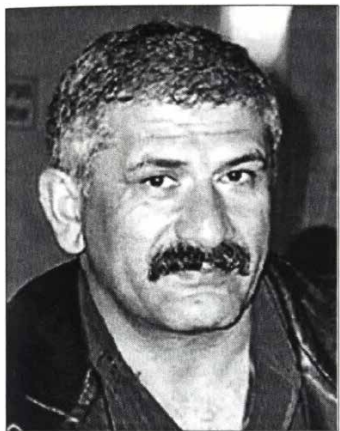
Раздел «Уроки лидерства», скорее всего, в пояснениях не нуждается. Совершенно очевидно, что здесь читатели ожидают встречи с общественными и политическими лидерами общины горских евреев, с которыми мне удалось встретиться, познакомиться и побеседовать за время моей работы в газете.

Надо сказать, что деление на «уроки» в моей книге получилось несколько вольным и весьма спорным. Некоторых героев, включенных мною в раздел «Уроки молодых», можно было поместить и в «Уроки лидерства». Кого-то из «Уроков жизни» можно было переместить в «Уроки творчества» и наоборот. Но не судите строго. Уж очень многогранны мои герои. Невозможно поставить их в одну шеренгу и скоординировать «По разделам рассчитайсь!»

ВАЖНЕЙ ВСЕГО ХОЗЯИН В ДОМЕ

Мы хотим вам рассказать об одном из самых больших кавказских центров страны в г. Беер-Шева.

Очерк о беершевской общине мы начнём с рассказа о её главе Ханухе Якубове. Всякий раз, приезжая в город, мы застаём его за работой в Кавказском центре. То он что-то красит, то ремонтирует, то возится с землёй во дворе. Когда слушаешь его, когда видишь то, что он сделал в общинном центре, то понимаешь: в этом доме есть хозяин. И это главное. Желание работать и помогать общине есть у многих. Но не каждый может достать, договориться, выбить, потребовать, а потом распорядиться всем этим по-хозяйски. Собрать людей, распределить обязанности, наладить работу... Для этого нужен организаторский талант и хозяйская хватка. Судя по проделанной работе, у Хануха Якубова есть и то, и другое.

Ханух родился в Дербенте. Семья была не богатая, не бедная. Обыкновенная семья горских евреев. В 1975 году вместе с родителями репатриировался в Израиль. Говорит, что был мальчишкой и очень жалел, что надо уезжать из Дербента. А сейчас жалеет, что не приехал в Израиль раньше. Служил в армии в легендарном подразделении «Голани» с 1977 до 1980. Участвовал в самых серьёзных армейских операциях, в том числе в Ливанской войне. После армии учился, получил специальность слесаря-сварщика и начал работать по специальности. В начале 80-ых вошёл в правление Кавказской общины. Даже когда строил дом, то место выбрал такое, где живёт самое большое количество выходцев с Кавказа. «Люблю я быть при общине, - говорит Ханух. - Даже когда за границу выезжаю, то чувствую, что без своих тяжело».

В 80-х годах община в Беер-Шеве была маленькая, но уже имела кавказский центр. Не такой, как сегодня, гораздо меньше. Мэрия и другие организации были не очень заинтересованы помогать, работа велась очень вяло, не складывалась, поэтому все потихоньку разошлись.

В 80-х годах община в Беер-Шеве была маленькая, но уже имела кавказский центр. Не такой, как сегодня, гораздо меньше. Мэрия и другие организации были не очень заинтересованы помогать, работа велась очень вяло, не складывалась, поэтому все потихоньку разошлись.

Когда в 1996 году Ханух услышал, что работа в центре возрождается, он сразу же пришёл туда и спросил, не нужна ли помощь. С тех пор его жизнь неразрывно связана с жизнью кавказского центра. Он был членом правления беершевского отделения и членом правления

Всеизраильского объединения. А последние 4 года возглавляет общину в Беер-Шеве.

- Для меня пост роли не играет, - говорит Ханух. - Назови меня председателем, назови заместителем, определи мою должность, как хочешь, а я как делал свою работу, так и буду делать. Не люблю болтовню. Я просто привык работать для общины. А как я это делаю, хорошо ли, плохо ли, судить будут там, наверху, где судят все дела наши. И, конечно же, судить будет сама община.

Став председателем, Ханух сумел собрать вокруг себя группу верных, надёжных людей, на которых и держится вся работа.

- Это такие люди, которые в случае необходимости моментально оказываются рядом, в любое время на помощь придут как минимум 10 человек. Хочу назвать людей, которые со мной вместе уже на протяжении многих лет поднимают работу в общине. Это Хиба Мардахаева, Наташа Гутман, Наташа Мататова, Белла Абрамова, Нюра Мишиева, Жанна Шмуэлова, Люда Ливиева, Света Исакова, замечательный фотограф Борис Исаков, наш аккордеонист Лёва Кардашов, Геула Давыдова - ответственная за работу со студентами, Гита Авшалумова, ответственная за проект «Эшель хайль», и многие другие.

Кроме того, хочется отметить нашего социального работника Хагит Гуэта. Она не горская еврейка, но очень помогает общине.

- Ханух, серию очерков о городских отделениях кавказской общины мы не случайно начали с Беер-Шевы. Если уж говорить о работе, то начинать надо с вас. У вас она ведётся по-настоящему. Сделано уже немало. Но давайте помечтаем и представим себе, что мы сейчас не в 2005, а в 2006 году. Что к этому моменту вы хотели бы увидеть свершившимся? То есть, что в ближайших планах, что задумано?

- Была у меня мечта. Хотел создать танцевальный ансамбль. Свершилось. У нас есть замечательный ансамбль «Асса». А сейчас мечтаю создать театр. В Израиле есть Кавказский театр. Мы его несколько раз к себе приглашали. Но это не мой театр. У них своё понимание, своё видение. А я хочу создать свой. Привлечь туда детей, молодёжь, и через театральные постановки выразить наши мысли, наши проблемы. Я бы мог им что-то рассказать о той жизни, которую они не знают, не помнят, что-то подсказать. Мне кажется, что людям это будет очень интересно. Я же вижу отношение общины к нашему ансамблю. Танцевальных ансамблей по стране очень много, и они прекрасные, но только к своему такое трепетное и душевное отношение.

И ещё в планах - расширение центра. Будем строить. Либо второй этаж, либо просто расширим то, что есть. Мэрия обещала помощь. Но, конечно же, как всегда будем обращаться к общине. Все вместе вытянем.

И ещё есть у меня одна задача: хочу в нашем центре сделать уго-

лок памяти жертвам Богдановки. Я не знал об этой трагедии. Но с тех пор, как мне об этом стало известно, не могу успокоиться, забыть.

Я хочу обратиться к нашим художникам, скульпторам с предложением присылать нам макеты, эскизы памятника или обелиска, который будет изготовлен и установлен в нашем центре.

- Ханух, а что бы вы хотели изменить в работе центра, что хотелось бы сделать по-другому?

- Сейчас в центре работают на 90% женщины. И среди тех, кто в центр обращается, тоже в основном женщины. Очень мало мужчин. А главное, что их мало среди активистов. Я считаю, что каждый горский еврей должен хоть чем-то помогать своей общине. Пусть редко, по мере возможностей, но помогать надо. Например, взять на обучение чему-то, чем он сам увлекается, группу детей, либо помочь в каких-то хозяйственных вопросах... Вокруг нашего центра большой двор. Чтобы его обустроить, много сил и времени потребуется. Вот где лишняя пара рук не помешает.

Мы же не можем добраться до каждого. Людям легче добраться до нас. Просто прийти и спросить: чем нужно помочь? Поинтересоваться: «Что у вас происходит интересного? Я тоже хочу поучаствовать».

И ещё. Раз уж мне представилась такая возможность, я очень хочу через газету обратиться к своему народу с призывом: не забывайте свою культуру. Нельзя отрываться от своих корней, от своей общины. Я очень горжусь той культурой, в атмосфере которой мы воспитывались, мечтаю издать словарь горско-еврейского языка. Очень обидно, что не только дети, но и многие взрослые не знают своего родного языка. Мы всегда были одной из немногих общин, которые сохранили свою культуру, свою историю на протяжении веков.

Очень хочется показать всем, что «кавказские» - это не тёмное пятно. У нас есть очень много того, чем можно гордиться.

Огромную помощь в этом нам всегда оказывала и, надеюсь, будет оказывать и впредь наша «Кавказская газета». Благодаря газете, мы сами и весь Израиль имеют возможность узнать много хорошего об общине.

Я хочу обратиться к руководителям городских отделений и наших амутот с призывом: давайте изыщем средства и поможем нашей «Кавказской газете». Она очень нужна общине. За то время, что газета не выходила, не было дня, чтобы кто-нибудь не спросил: «Где газета, что с газетой, когда её привезут?». Я очень хочу, чтобы газета жила и приносила нам радость ещё долгие-долгие годы.

В Беер-Шеве, по данным председателя общины, проживают приблизительно 15-16 тысяч выходцев с Кавказа. То есть, около 4 тысяч семей из Дагестана, Азербайджана, Чечено-Ингушетии. Раньше

жили компактно, теперь расселились по всему городу. Община здесь существует с 1975 года. Но работает она по-настоящему последние 8 лет. По началу центром и его работой представители кавказской общины города интересовались мало. Сейчас о его существовании знает каждый, большинство тем или иным образом принимает участие в работе.

А работа здесь ведётся огромная, направления её самые разнообразные: это и помощь малоимущим семьям, и работа в студенческом центре, экскурсии, поездки, концерты.

Достижения беершевской школы вольной борьбы известны всем. Её можно назвать кузницей чемпионов. «КГ» неоднократно писала, например, о чемпионах Израиля братьях Садыковых.

Работают два женских клуба. Один общий, а второй клуб «золотого возраста». Недавно открылась «Школа для родителей». Три раза в году община устраивает большие коллективные праздники. Это Ханука, Пурим и Гов-Гиль.

А о некоторых достижениях беершевского центра хочется рассказать подробнее.

СИНАГОГА

Синагога у общины одна. Она построена почти 2 года назад. Идея её построения принадлежит покойному Басандилию Юшваеву. Он и начал строительство, но, к сожалению, увидеть синагогу готовой ему было не суждено. Его дело было продолжено. Члены общины собрались и на свои деньги достроили синагогу. Открытие состоялось 25.08.03. На открытии присутствовали почти 300 человек. Ну, а теперь все желающие приезжают сюда с разных концов города.

КЛУБ

С построением новой синагоги, помещение старой превратили в клуб. Это большое помещение, в котором сейчас работают кружки: танцевальный, рисования, музыки, шахматный клуб. Полгода тому назад в центре открылась группа продлённого дня, которую ведут Акиваева Лиана и Якубова Кинерет. Дети приходят туда после школы, обедают, отдыхают, делают уроки. Стоит это семьям всего 50 шекелей в месяц. Детям нравится, и мамы могут работать.

В клубе ведётся работа не только с детьми. Здесь есть ульпан для взрослых. Алии сейчас почти нет, и пока набирается группа в ульпан от Министерства абсорбции проходит много времени. Люди не могут ждать, идут работать. Становится не до учёбы. В центре открываются группы для тех, кто хочет учить язык, но его олимовский срок уже

прошёл. Преподают в ульпане добровольцы. Кроме этого, есть компьютерные классы, в которых проводятся курсы обучения компьютерам для взрослых. Периодически здесь открываются профессиональные курсы парикмахеров, косметологов и другие. Выпускники получают дипломы, которые дают им право работать по приобретённой специальности.

Для того, чтобы как можно больше людей были вовлечены в работу общины, был открыт филиал центра в Нахаль Бека, в котором работает группа активистов под руководством Алексея Алхазова. Сейчас правление готовится к открытию ещё одного филиала в Нахаль Ашан.

«АССА»

Ещё в 1998 году начал свою работу танцевальный ансамбль «Асса» под руководством Сергея Манаширова. Со дня основания ансамбля в нём обучались танцу около 200 детей. Сейчас в ансамбле 60 танцоров. Невозможно перечислить название всех концертов, конкурсов и фестивалей, в которых «Асса» принимала участие. Ансамбль побывал с выступлениями во всех уголках страны.

ШАХМАТНЫЙ КЛУБ

Шахматный клуб был открыт в 1999 году. Руководит им очень талантливый педагог Лазарь Елизаров. Набирая детишек, которые вообще ничего не знают о шахматах, он за короткий срок поднимает их на достаточно высокий уровень. Его ученики выходят даже на международные соревнования. 4 года назад в Беер-Шеве силами кавказского центра был организован шахматный турнир памяти Йекутиэля Адама, в котором приняли участия все клубы города. Первое место на турнире завоевали ученики Лазаря Елизарова.

Мы благодарим Хануха Якубова за подробный рассказ о работе общины. Было бы здорово, если бы кому-нибудь данная информация пригодилась в работе.

НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ НА ДОСТИГНУТОМ

Что движет человеком, посвятившим большую часть своего времени общественной работе? Ведь на это может пойти далеко не каждый. Оно и понятно: работа очень тяжёлая, неоплачиваемая, отнимающая много сил. Есть, конечно, фактор морального удовлетворения. Но разве он всегда присутствует? Каждый из нас знает миллион примеров тому, как отвечают люди на сделанное им добро. Порой это добро остаётся незамеченным, а иногда возвращается чёрной неблагодарностью. И всё же есть люди, которые способны, невзирая на всё вышеперечисленное,

этой работой заниматься, потому что она нужна общине, нужна стране.

Сегодня я беседую с одним из таких энтузиастов.

Машлиах Имануэль. Родился в 1950 году в селе Хаджал-Кала в районе Дербента. Рос в семье инвалида Великой Отечественной войны. Впоследствии семья переехала в Дербент. В Израиле уже 28 лет. Член муниципалитета города Пардес-Хана-Каркур.

- Машлиах, для начала несколько слов о себе. Так сказать, краткая биографическая справка.

- После восьмого класса я пошёл в техникум, чтобы учиться и работать, помогать семье. Также поступил и мой старший брат. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что, наверное, поступил неправильно. Можно было потерпеть, доучиться. После армии я хотел поступить в инженерно — строительный институт. Но семья собралась уезжать, и в 1978 году я с моей женой Сарой и полугодовалым сыном, который на сегодняшний день заканчивает университет Бар-Илан, был уже в Израиле. А сегодня у меня есть ещё двое детей — дочь, которая закончила Хайфский Технион и работает экономистом, и младший сын. Он окончил школу и служит в войсках «Гивати».

- Почему вы начали заниматься в Израиле общественной работой?

- Знаете, а я ею всю жизнь занимался. И в школе, и на заводе, и в армии. Видимо, склад характера такой. Но в первые годы репатриации я решил, что в Израиле этим заниматься не буду. Это ведь наше государство, здесь не нужно бороться, не нужно отстаивать чьи-либо интересы, не нужно никого и ни от кого защищать. Я думал: буду работать, поднимать семью и раз в четыре года ходить голосовать, как любой сознательный гражданин. Но постепенно я стал замечать, что наши люди

(а тогда приехала немалая группа горских евреев, на мой взгляд, тысяч тридцать), которые занимали в Дербенте или в Баку видные посты, в Израиле потерялись, живут в отдалении от центра страны и не могут ничего добиться. А больше всего меня волновала судьба наших детей. Они начали идти явно по неправильному пути, не получали достойного воспитания, образования. Родители с утра до вечера работали, причём женщины работали даже больше, чем мужчины, потому что им легче было найти хоть какую-то работу. Рушился привычный уклад жизни. Дети были предоставлены сами себе. Их учёбу проконтролировать было некому, т.к. родители не знали языка. И дети оказывались вне учёбы, вне коллектива, а частенько — попросту на улице. Не хочу сказать, что подобные трудности не переживали выходцы из других общин, но у нас эти проблемы встали особенно остро, а государство не могло их решить, не умело ещё оказать своевременную помощь. И я осознал назревшую необходимость начать помогать общине.

Обстоятельства моей жизни складывались так, что некоторое время я не мог работать: сказались последствия травмы позвоночника, полученной на армейской службе. Травма привела к инвалидности. В течении нескольких лет я страдал от сильных болей. Но постепенно боль стала отступать, и я начал искать себе применение. К тому времени я уже неплохо знал иврит, и люди обращались ко мне за помощью. Ничего не обещая, я пытался вникнуть в суть проблемы и понять, каким образом её можно разрешить. Обращался в различные инстанции, министерства, муниципалитеты. Добивался, доказывал. Выяснилось, что у меня это неплохо получается.

С течением времени политические деятели начали обращать внимание на то, что наши люди селятся, как правило, компактно, все друг друга знают, а это очень удобно для агитационной работы во время выборов. Но надо понимать, что обещания перед выборами и фактические дела после них очень сильно друг от друга отличаются. И, как правило, после выборов, когда кандидат, которого мы поддерживали, занимал свой пост, снова начинались мои хождения по инстанциям и кабинетам. Я должен был его уговаривать выполнить предвыборные обещания. А у него на это не всегда «хватало времени».

- И тогда вы решили сами баллотироваться на выборах в муниципалитет?

- Да. Это было в 1988 году. Мы решили выдвинуть свой список на выборах в муниципалитет Пардес-Ханы. Наш список не набрал тогда нужного количества голосов. Надо сказать, что не все представители нашей общины нас поддержали. Кто-то вообще не пошёл голосовать, такие есть всегда. Кто-то имел другие приоритеты, например, голосовал за Ликуд, а кто-то не голосовал за нас, потому что не верил, что мы можем чего-то добиться. Не набрали мы нужного количества голосов и в 1993,

хотя шли уже не только кавказским, а смешанным списком. Но я не собирался опускать руки и решил продолжать. В 1998 список, в котором я тогда шёл на втором месте, взял 2 мандата. И я стал членом муниципалитета города.

На сегодняшний день я возглавляю комиссию по алии, абсорбции и социальному обеспечению, а также комиссию по скидкам в выплате городских налогов. Кроме того, занимаюсь различными проектами в районах города.

- И вот сейчас, когда власть в ваших руках, даёт ли это вам те возможности, на которые вы рассчитывали?

- Можно считать, что у меня в руках на сегодняшний день есть определённая власть. Этого я и добивался. Но для меня власть — это не самоцель. Власть — это ключ к решению многих и многих проблем, которые, не обладая ею, решить намного труднее. К примеру, лет десять тому назад по моей инициативе для репатриантов в Пардес-Хане был открыт клуб, но даже после открытия 5-6 лет он пустовал. Мы не имели возможность ничего там делать. Зато теперь клуб начал работать, и посещать его получили возможность более 300 человек. Здесь работают кружки и курсы, организовываются экскурсии. Клуб посещают не только дети из кавказских семей. У нас есть ансамбль кавказского танца, в котором занимаются дети выходцев из России, Украины и даже Северной Африки. И я считаю это достижением, началом интеграции.

А в разработке у меня ещё много проектов. Один из них — построение дороги в посёлке Неве-Ашер. В этом посёлке проживают почти 300 семей, в основном олимь. Когда-то и я там жил. Посёлок был построен, но не было улиц, дорог и тротуаров. Начато строительство дороги и по моему настоянию разрушен клуб, в котором даже находиться было опасно. Приглашённая мной комиссия вынесла решение, что это помещение непригодно к эксплуатации. Сейчас мы уже получили бюджет в миллион шекелей для постройки клуба на 350 квадратных метров.

- А как вы успеваете совмещать все обязанности, которые на себя взвалили? Вы перечислили огромное количество проектов.

- А, кроме того, я ещё работаю в отделении МАТИ в городе Хадера и возглавляю отдел по работе с выходцами с Кавказа и Бухары. И это тоже очень важный для меня фронт работы. Наша организация помогает подниматься и встать на ноги малым и средним бизнесам. А, следовательно, помогает в трудоустройстве не только хозяина, но и всех его работников. Вы же прекрасно понимаете, насколько остро стоит в Израиле проблема трудоустройства, а особенно в его периферийных городах.

- Как член муниципалитета, вы не можете действовать в интересах какой-то одной общины, и обязаны уделять равное внимание всем. Но я знаю, что как частное лицо, вы продолжаете предпринимать шаги, чтобы помочь своей общине в ряде вопросов.

- Нужно, безусловно, помогать своим, но я бы, к примеру, никогда не допустил, чтобы координатором по работе с эфиопской алиёй стал кавказский, или русский, или какой-нибудь другой. Эту вакантную должность должен занять репатриант из Эфиопии. Помогать своим нужно, но не все средства допустимы.

Но и для общины мне удаётся кое-чего добиться. Я всегда считал и считаю, что огромную роль в деле становления нашей общины играет образование. На сегодняшний день мы имеем около 3 тысяч человек, которые с начала 90-х годов в Израиле получили высшее образование или продолжают учёбу. А это большое достижение. Немаловажным фактором, сказавшимся на росте количества наших студентов, стали льготы в оплате за обучение. До недавнего времени эти льготы распространялись только на тех, кто проживает в стране менее 10 лет. И вот на сегодняшний день нам, инициативной группе, удалось добиться продления этих льгот до 12 лет. И вы можете со страниц «КГ» донести эту информацию до людей.

- Мацлиах, но вы же не собираетесь останавливаться на достигнутом? Не буду спрашивать в лоб: а нет ли у вас намерения баллотироваться в Кнессет? Спрошу по-другому: считаете ли вы возможным для общины выходцев с Кавказа иметь своего представителя в Кнессете Израиля.

- Людей, работающих на благо общины, немало. В разных городах есть люди, которые много для неё делают, некоторые из них занимают ответственные посты. Есть много выходцев из нашей общины, которые вполне достойны представлять интересы нашей общины в Кнессете. И, на мой взгляд, это возможно, но только в том случае, если на выборы идёт не одна личность, а группа, которая сложит свои интересы в общий котёл и будет действовать едино в интересах какого-то одного человека. Иначе ничего не получится. По одиночке мы ничего не достигнем. И то, что такие группы сейчас появляются, говорит о нашем постепенном взрослении.

Должен победить здравый смысл. Мы не сможем ничего добиться, если каждый будет пробиваться самостоятельно. Нам нужно не конкурировать друг с другом, а объединиться. И если говорить образно, нужно взять шапку, сложить в неё все наши «Я», раскрутить, вытянуть кого-то одного и действовать всем вместе в его интересах. Уже есть несколько личностей, которые готовы на это пойти, готовы объединиться. Но проблема в том, что даже этой группе придётся конкурировать с остальными лидерами, которые решили пробиваться в одиночку. А это, на мой взгляд, не правильно.

50 ЛЕТ – ЭТО ЮНОСТЬ ПОЛИТИКА

У людей, занимающих видные общественные и политические посты, времени всегда в обрез. Совещания, заседания, рейды. Чтобы взять интервью у мэра Ор-Акивы Симхи Ёсипова, мне пришлось в буквальном смысле слова выкрасть его с заседания. Дело в том, что мы несколько раз договаривались о встрече, и всякий раз она откладывалась по независящим от него причинам. Но на сей раз, интервью должно было состояться во что бы то ни стало: у первого представителя общины, ставшего в Израиле мэром города, 50-летний юбилей, и «Кавказская газета» обязательно должна об этом написать.

И вот мы беседуем с Симхой в его кабинете, а за стеной в зале заседаний кипят нешуточные страсти. Кто-то с кем-то спорит, что-то доказывает, а мы пытаемся не обращать на это внимания и спокойно беседовать, потому что понимаем — другой случай может представиться ещё не скоро.

- Симха! Прежде всего, позвольте поздравить Вас с юбилеем, пожелать здоровья и исполнения всех планов и задумок. Община с гордостью следит за Вашим продвижением и успехами. Нам стало известно, что у Вас ещё один юбилей: именно в эти дни исполняется ровно 20 лет с того момента, как Вы начали работать в мэрии сначала в должности зам. мэра, а теперь уже и мэра города.

- Большое спасибо за поздравления и за то, что приехали к нам в Ор-Акиву. Про свой день рождения я и забыл, а вот 20-летие в мэрии — огромный праздник. 1 февраля 1986 года меня впервые избрали в мэрию, и с того момента моя жизнь и мои успехи неотделимы от жизни и успехов Ор-Акивы. А, кроме того, я с гордостью могу сказать, что я первый «кавказский» и второй, после мэра Бней-Аиша, русскоязычный мэр в Израиле.

- Могу констатировать: за те 15 лет, что я живу в Израиле, Ваш город изменился до неузнаваемости! Он расцвёл!

- Безусловно! Прежде всего, город вырос. 20 лет назад он была одним из самых маленьких городов страны с населением 6 тыс. жителей, а сегодня здесь проживает уже более 20 тыс. человек. И рост продолжается.

Город находится в прекрасном месте между двух центральных трасс — второй и четвёртой, и между двух больших городов — Тель-Авивом и Хайфой. Он расположен очень близко к морю и к древней Кейсари. Всё это даёт возможность Ор-Акиве со временем превратиться в прекрасный, богатый и успешный город.

- Симха, из 20 лет работы в мэрии - 17 Вы проработали в должности зам. мэра. И вот почти 3 года Вы мэр. Почему Вы не выставляли свою кандидатуру раньше?

- Я никогда не спешил. У меня был мой мэр, которого я уважал и с которым шёл. А, кроме того, у меня было множество других дел и обязательств. Я почти 8 лет возглавлял Объединение выходцев с Кавказа и очень много работал на благо своей общины. Занимался студентами. По моей инициативе было организовано Объединение студентов — выходцев с Кавказа, первым председателем которого был ваш главный редактор Йонатан Мишиев, добивался льгот и стипендий для наших студентов. Это всё требует невероятных усилий и огромных затрат времени.

- И вот 3 года назад Вы были избраны на должность мэра города. Что изменилось?

- По большому счёту ничего. Как работал сутками, так и работаю. Разве что взял на себя больше ответственности, и появилось больше проблем.

Когда я был избран на должность мэра, на плечи нового муниципалитета лег огромный долг - дефицит городского бюджета в 24 млн. шек., который нужно было ликвидировать, чтобы двигаться вперед. Кроме того, бюджет Ор-Акивы был сокращен правительством на 11,5 млн. шек. Мы разработали «Оздоровительную программу», которой неуклонно следовали. И вот сегодня, подводя итоги работы, проделанной за 2004-2005гг., я могу сказать, что мы вывели город из кризисного экономического положения. А в будущем году дефицит бюджета будет полностью аннулирован! Согласитесь, это огромное достижение.

Также к числу своих достижений я отношу резкий подъём уровня образования среди населения города. Вопрос образования для меня всегда был на первом месте, какой бы пост я не занимал.

На сегодняшний день уровень образования в городе Ор-Акива — один из самых высоких в стране. Наша школа «Атидим» - одна из самых лучших школ в Израиле. В этой школе 100% выпускников получают «багрут». Такого нет ни в одной школе страны! Если брать все школы города, то в среднем «багрут» получают 60% выпускников, а это гораздо выше, чем в среднем по стране. Но нам этого не достаточно, и мы продолжаем повышать уровень, выделяя на образование 30% городского бюджета.

- Это же огромный процент! Получается, что треть своего бюджета город выделяет детям и подросткам!

- А что тут удивительного? Это же будущее нашего города! Со всем недавно были построены 2 новые школы, 4 детских сада, центр для детей ясельного возраста. Очень скоро у нас открывается молодёжный центр, который будут посещать молодёжь и подростки от 12 до 30 лет. Там будет всё: группа продлённого дня для самых юных, где им будут помогать делать уроки, Интернет-кафе, спортивный клуб, молодёжный клуб. А также в этом молодёжном центре будет работать «Центр помощи», где квалифицированные специалисты — социологи, психологи помогут решить проблемы и подросткам, попавшим в трудную ситуацию, и солдатам, и студентам и молодым семьям. Кстати, этих специалистов мы набираем из числа жителей Ор-Акивы, которые уже выучились, получили дипломы и теперь могут свои знания направить на благо родного города.

Расходы на эти цели уменьшать нельзя. Их нужно увеличивать. Мы, к примеру, уже в 2006г. мы планируем начать выдачу стипендий из бюджета мэрии студентам, проживающим в Ор-Акиве.

Думаю, что любой здравомыслящий человек понимает — дети и подростки, которые не учатся, или те, которым нечего делать после уроков, — лёгкая добыча для всего негативного, что есть в современном мире. Нам совершенно ясно — наилучший метод борьбы с преступностью, наркоманией, пьянством — ежедневная работа с молодёжью.

- И у вас уже есть в этом плане конкретные результаты?

- Конечно! По официальным сведениям из полиции, количество случаев по нарушению закона и хулиганству в городе за последние 3 года уменьшилось на 50%.

- Симха, несколько лет назад в одном из Ваших интервью вы говорили о планах расширения территории города за счёт присоединения участков Кейсарии. Удалось ли Вам чего-то добиться в этом направлении?

- Да! Мы получили те территории, за которые несколько лет боролись, и это тоже внесло свою лепту в оздоровление городского бюджета. Поступления в казну увеличились. Одна только электростанция, которая раньше принадлежала Кейсарии, а теперь относится к Ор-Акиве, принесла городу 3,675 млн. шек. за счёт налогов, которые платит городу «Хеврат-а Хашмаль».

А сейчас мы ведём подготовительную работу для полного объединения с Кейсарией в одну муниципальную единицу. Может быть, не сегодня, не завтра, но это будет. Мы находимся очень близко друг к другу, можно сказать, что живём вместе, их дети ходят в наши школы, жители Кейсарии пользуются услугами больничных касс и дру-

гих учреждений на территории Ор-Акивы, поэтому, я считаю, будет разумно с государственной точки зрения и с точки зрения городских властей, нас объединить.

- И традиционный вопрос: Ваши планы на будущее?

- Планов много. Во-первых, нужно завершить начатое: в городе ведётся большое строительство, работы по улучшению дорог, асфальтовых покрытий, замена труб водоснабжения, особенно в старых районах города. А, кроме того, интенсивно развиваются новые районы: продолжается строительство нового района «Орот Ерука», где введено 500 единиц жилья, там же началась продажа 220 единиц земельных участков для частного строительства.

Началось строительство новых предприятий и цехов в северном промышленном районе города, в которых по договоренности с руководителями предприятий 60% работающих будут жители Ор-Акивы.

А параллельно с работой по уже начатым проектам мы планируем свою жизнь на ближайшее будущее: в скором времени начнется строительство развязки дорог со 2-й трассы. Уже завершена работа над макетом нового центра города, который предусматривает строительство напротив нашего концертного зала шести 20-этажных зданий, торгового центра и здания новой мэрии.

И ещё я хочу решить один очень важный вопрос: переместить железнодорожную станцию из Беньямины к нам. В Беньямине она мешает, т.к. разделяет город на 2 части. И я выступил с предложением: перенести этот участок железной дороги вместе со станцией на территорию Ор-Акивы параллельно с четвёртой трассой. Предложение моё было принято с интересом и, я надеюсь, в скором времени это будет возможно осуществить.

- Планы в отношении развития города огромные! А что же с Вашими личными планами? Ведь 50-лет — это юность политика. Не думаете идти дальше? Может быть, именно вы можете стать представителем общины горских евреев в Кнессете?

- Я думаю, что для осуществления всего намеченного, мне нужна как минимум ещё одна каденция в должности мэра. А вот потом, скорее всего, буду выдвигать свою кандидатуру в Кнессет. Надеюсь, что и в Кнессете я смогу многое сделать на благо своего народа и всего Израиля.

ГОРСКИЕ В ПИТЕРЕ

Знакомьтесь, пожалуйста! Абаев Бахши Михайлович, заместитель председателя общины горских евреев Санкт-Петербурга. Бизнесмен, владелец строительной компании и ресторана «Дербент».

- Бахши Михайлович, честно говоря, мы очень мало знаем о Вашей общине.

- В этом нет ничего удивительного, наша община ещё очень молода. Решение о том, что нам нужно попытаться объединить горских евреев Санкт-Петербурга, было принято около 3 лет тому назад, а 6 июня 2004 года в Сефардском центре состоялось её торжественное открытие. Председателем нашей общины является Севи Нахшунов, а я — заместитель председателя.

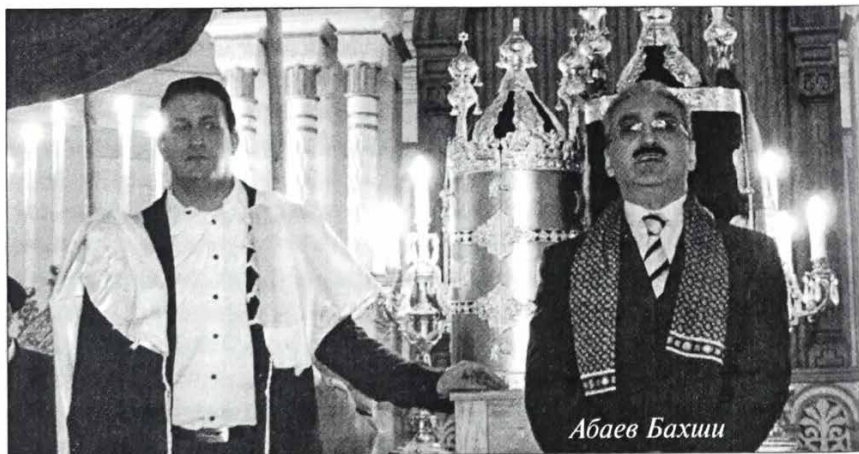
- В Санкт-Петербурге много горских евреев?

- Гораздо меньше, чем в Москве, но и не так уж мало. В Санкт-Петербурге проживает около 500 горских евреев. Мы со многими из них установили контакт, стараемся как можно больше наших людей привлечь к работе в общине. Активисты общины, нас человек 10, своими силами организовываем встречи и праздничные мероприятия, проводим бармицвы, организовываем помощь малоимущим семьям, продовольственные наборы к праздникам. В прошлом году организовали отправку партии мацы к Песаху евреям Дербента.

Ясно, что всё не делается в один день, что люди должны поверить в нас, понять, что всё серьёзно. Уже сегодня нам удаётся собрать на праздники до 50 человек, и с каждым днём их число увеличивается.

- Где вы базируетесь? Пришлось арендовать помещение или удалось получить его от властей города?

- Наша община обрела свой дом в здании Сефардского центра. Это здание выделила нам в безвозмездное пользование мэрия. Пре-

Абаев Бахши

красное, просторное старинное здание, принадлежавшее до революции еврейской общине Санкт-Петербурга. Это исторический памятник, охраняемый государством. Не могу точно сказать, сколько ему лет, знаю только, что более ста! О его почтенном возрасте могу судить только по деревянным перекрытиям. Таких уже очень много лет не делают. Трогать фасад здания нам запрещено, а внутри мы потихоньку его ремонтируем. Уже привели в порядок первый этаж, скоро займёмся вторым. Открыли молитвенную комнату, а в прошлом году в нашей общине произошло большое событие — мы получили в дар Сефер Тора. Этот бесценный дар мы получили от жителя Америки Девида Двика. Церемония дарования состоялась в Большой хоральной синагоге, а затем мы пешком через весь город пронесли Сефер Тора до нашего центра. Это было уникальное событие в жизни нашего города.

- А когда горские евреи поселились в Питере? Тоже на волнах массовой иммиграции 90-х?

- Вовсе нет. Многие наши люди проживают в городе давно. Есть семьи, которые поселились здесь ещё до Великой Отечественной войны. Я сам живу в Санкт-Петербурге уже почти 30 лет. Наш председатель и многие активисты общины тоже живут здесь помногу лет.

- В таком случае, логично поинтересоваться: почему же вы начали собирать общину только сейчас?

- Были времена, когда этого просто нельзя было сделать. Затем, когда пришли гласность и демократия, мы занимались совершенно другими делами. Надо было налаживать новую жизнь, строить своё будущее, бизнес... А вот теперь, когда мы все, в общем-то, благополучные, состоявшиеся люди, мы почувствовали острую необхо-

димось в общении друг с другом. И возраст, скорее всего, сыграл свою роль. Знаете, когда переваливает за 50, совершенно по-другому начинаешь смотреть на вещи, начинаешь переоценивать ценности. Гораздо острее чувствуешь ностальгию и желание обратиться к корням, к истокам.

Вот поэтому мы и решили создать общину, начали собираться каждую пятницу, встречать вместе приход шабата. Мы очень хотим привлечь к нашей работе молодежь, хотим, чтобы наши дети знакомились, дружили. А если вдруг поженим какую-нибудь пару, то будем считать это большим успехом.

- Вы говорите, что в Санкт-Петербурге проживают около 500 горских евреев. Приглашения на мероприятия получают все, а приходят человек 40-50. А почему остальные не идут?

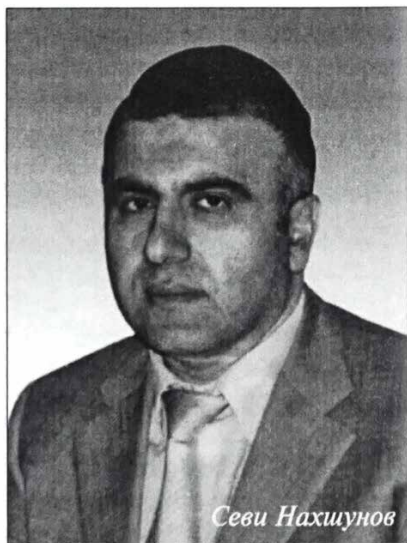
- Надо знать наших людей! Кто-то не верит, некоторые считают, что мы хотим с них что-то получить. Другим кажется, что наше общение строится только на почве религии, и мотивируют свой отказ тем, что они атеисты.

Меня всё это не удивляет, поэтому мы не стараемся с ними спорить и что-то доказывать на словах, мы хотим убедить их делами. И когда они поймут, что община ничего не хочет взять, ничего не собирается навязывать, а, наоборот, может помочь, они придут.

Что же касается религиозности... Мы очень гордимся тем, что в такой молодой общине, как наша, уже есть своя Сефер Тора, одним из первых наших дел была организация молельной комнаты. Религия это то, что объединяет весь еврейский народ, не даёт ему исчезнуть, держит его на плаву. И всё же не могу сказать, что наша молодая община была создана на чисто религиозной почве. Мы строим культурный центр горских евреев, а религия — это неотъемлемая часть нашего культурного наследия.

- А как вы думаете, ваши дети, рождённые не на Кавказе, чувствуют себя горскими евреями, интересуются своими корнями?

- Они знают, кто они, иногда интересуются, расспрашивают, но глубоко вникать в культуру, истоки сейчас им ещё не очень хочется. Их время, наверное, ещё не пришло. Но обязательно придёт, а наша задача — сохранить

Севи Нахшунов

для них то, что оставили нам наши предки, не дать этому наследию пропасть, раствориться.

- Бахши Михайлович, что в планах, что мечтаете претворить в жизнь?

- Я уже вкратце рассказал о том, что мы сделали, а хочется сделать ещё больше. Община молодая, но о нас уже начали писать. Были статьи в местных газетах, в газете «Ватан» в Дербенте. Значит, уже есть о чём писать.

К Новому 5767 году выпустили большой красочный календарь, в котором много фотографий и информации о нас, а презентации этой огромной работы ещё не было. Обязательно нужно её провести. Идут самые главные еврейские праздники, их организацией мы займёмся сразу же после приезда из отпусков. Это, так сказать, текущие дела, а вообще планов много: хотим издать и переиздать некоторые книги по истории нашей общины, хотим расширить связи с другими общинами во всём мире, в самом нашем общинном центре есть ещё много работы.

А главное, мы хотим, чтобы широкая общественность узнала о существовании общины в Санкт-Петербурге и получила информацию об историческом и культурном наследии нашего маленького народа.

АРИЭЛЬ ИЛАЗАРОВ - ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОРОСКО-ЕВРЕЙСКОЙ СИНАГОГИ Г. НЬЮ-ЙОРКА

- Ариэль, Вы приехали в гости, а попали в водоворот военных действий. Не страшно?

- Абсолютно не страшно. Я же не гость в Израиле. Израиль - моя страна. Я был участником Первой ливанской компании в 1982. Тогда, в конце 70-х - начале 80-х нас всех, кто приехал в возрасте до 40 лет, призывали на службу резервистов, в «милуим». В 1981 я прошёл 3 месячную армейскую подготовку. А в 1982 я вновь пошёл на учения, и тут началась война. В первые же часы войны мы были переброшены на границу и вошли в Ливан, а действующие части ЦАХАЛа к тому моменту были уже в Бейруте. Я пробыл в Ливане 42 дня.

Но та война была совсем другой. Тогда у бандитов не было возможности бомбить наши города. Да и ливанцы относились к нам по-другому, сотрудничали, помогали. И во главе армии стоял Ариэль Шарон, что немаловажно (это уже многие сейчас понимают).

- Вы с такой любовью говорите об Израиле. Как же случилось, что Вы оказались в Америке?

- Я приехал в Израиль в 1979, жил в Нацрат-Илите. Купил квартиру, машину, работал на военном заводе, получал хорошую зарплату. И вдруг завод закрыли, а я остался без работы. Целый год не мог устроиться.

Я очень любил и люблю Израиль. Мне здесь было хорошо. Но без денег, без работы долго не проживёшь. Брат моей жены жил на тот момент в Америке. Он долго нас уговаривал: приезжайте, посмотрите. Мы не хотели ехать, а особенно жена. Но обстоятельства вынудили, и в 1987 году я поехал один, на разведку, а семья присоединилась ко мне потом.

- Вы мужественный человек! Пережить вторую иммиграцию...

- Пережить вторую иммиграцию было очень тяжело. 8 лет я был без документов, нелегал. Как говорится, каждую собаку боялся. Проблемы это создавало ужасные, в том числе с медицинским обслуживанием. Мне помогли хасиды, у которых я проработал в общей сложности 14 лет. Они дали мне гарант на «Грин-карт».

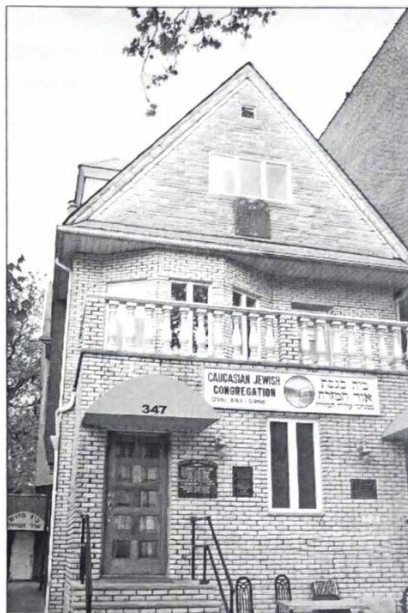
Первое, что я сделал, когда получил документы в 1995 году – приехал в Израиль. И с тех пор приезжаю каждый год. Я очень скучаю по Израилю, даже больше, чем по Баку.

Сейчас, слава Б-гу, всё наладилось. Я работаю водителем такси, а всё моё свободное время посвящено нашей синагоге.

- Как получилось, что Вы занялись общественной деятельностью, синагогой? И это при тех проблемах, которые на Вас навелись в Америке?

- Я никогда раньше ни в Баку, ни в Израиле не занимался общественной работой. А в Америке мне очень захотелось организовать нашу синагогу. Может быть, сказалась ностальгия, оторванность от родных...

Когда я приехал в Америку в 1987 году, наших там было ещё очень мало. Мы предпринимали слабые попытки что-то сделать, собрать людей, но из этого ничего не вышло. А осуществиться моей мечте было суждено только в 1994 году. Мы начали собирать деньги, каждый давал сколько мог. И так случилось, наверное, судьба так распорядилась, что недалеко от того места, где мы жили, один марокканский еврей открыл синагогу. Открыть-то он её открыл, но миньян собрать не мог – марокканцы в этом районе не жили. Он предложил сдать нам эту синагогу в аренду, и мы с радостью согла-

сились. Шальми Биньяминов стал председателем синагоги, я его заместителем, выбрали шамаша, а раввином у нас был марокканский еврей. Он замечательно вошел в нашу общину, очень уважительно к нам относился, прежде всего, потому, что мы 70 лет были оторваны от веры и, тем не менее, её сохранили. Он нам очень помогал, подправлял, терпеливо учил. Многие ведь читать не умели. Нас, приехавших из Израиля, было всего человек пять, а остальные были из бывшего Советского Союза. Конечно, им было трудно, и он помогал.

Потом наш марокканский раввин уехал во Флориду, и у нас появился московский раввин, хабадник. Он до сегодняшнего дня работает у нас.

- Насколько я знаю, сегодня вы уже не арендуете чужие дома! Сегодня у вас есть своя собственная «жилплощадь».

- Да! Сегодня уже всё по-другому! Какое-то время мы арендовали помещение под синагогу, но прошло несколько лет, нас стало больше, мы стали сильнее, у нас появился свой небольшой денежный фонд. И мы начали искать место для собственной синагоги. Долго искали, в конце концов, в 2002 году купили дом и были счастливы, хотя и представляли, сколько нам ещё потребуется вложить сил и денег, чтобы превратить его в общинный центр.

Очень большая проблема была — привести его в соответствие со стандартами, предъявляемыми к общественному заведению. Жилой дом — это одно, а место публичного посещения — другое, и по требованиям городских властей, нужно было делать большие переделки.

Нам очень хотелось привести все в порядок к празднику Рош-а-Шана, а денег не хватало. Тогда я сказал нашим активистам: «Давайте обратимся к людям». Мы организовали большое собрание, рассказали людям о планах, о нуждах. И вы не поверите, да я и сам поверить не мог — очередь стояла, чтобы дать пожертвования! Я когда это увидел, буквально прослезился.

Мы собрали большую сумму. Кто-то давал 5 долларов, кто-то 5 тысяч долларов — кто сколько мог, а недостающие деньги добавил Тельман Исмаилов, наш уважаемый меценат, которому мы очень благодарны.

Мы очень хотели, чтобы он навестил нас, посмотрел, что мы построили с его помощью, но у него всё времени не было. А год назад он нас всё же навестил, и, по-моему, остался доволен.

- Кто посещает центр? В основном, люди старшего поколения, или есть и молодёжь?

- Ошибаетесь! В основном — молодёжь! Привлечь молодёжь к работе в центре было изначально моей большой мечтой. Нашим старикам уже очень трудно, мало кто из них приходит в синагогу. Вся надежда была на молодое поколение. И нам удалось сколотить молодёжный актив, человек 25-30, который сегодня и ведёт всю работу.

Сейчас наш общинный центр работает по двум направлениям — синагога и культурный центр. Проводим религиозные праздники, культурный центр делает выставки, различные мероприятия. Выпускаем газету «Новый рубеж», главный редактор которой Норберт Евдаев.

- Америка — не Израиль, там другие расстояния. В Израиле горские евреи селятся компактно в тех городах, где есть община. А как эту проблему вы решаете в Америке?

- А мы и в Америке живём компактно. Менталитет у нас такой — любим вместе жить. Селимся все в районе Бруклина, и наш общинный центр «Ор а-Мизрах» находится, практически, в центре района. Так что, всем удобно.

Но есть семьи, которые живут далеко от синагоги и всё равно приезжают. А уж если, не дай Б-г, несчастье, похороны, то это — обязательно через нашу синагогу, где бы люди ни жили. У нас есть подвальное помещение, где мы проводим бармицвы, брит-мила, поминки. Всё, как положено.

- Так Вы считаете, что нынешней молодёжи, почти американцам, нужна горско-еврейская синагога или общинный центр?

- Нужна! И нужна в Америке даже больше, чем в Израиле. Вдалеке от своих корней начинаешь их больше ценить!

СДЕРОТ - ЖЕРТВА ИЛИ ЗАЛОЖНИК?

Почти ежедневно на протяжении нескольких лет в израильских сводках новостей звучат слова: «произведён очередной обстрел Сдерота», «ракета «Кассам» упала на...», «разрушений и пострадавших нет» или «есть пострадавшие». Очень страшно констатировать тот факт, что многие из нас почти привыкли к этому. Мы огорчаемся, конечно, когда слышим, что есть жертвы, ну, а если нет, то информация проходит не вызывая сильных эмоций, мол, что уж поделаешь, там всегда стреляют. А ещё страшнее, что с этой ситуацией свыкаются сами жители Сдерота, для которых частые обстрелы превратились в обстоятельства, к которым надо приспособиться. Ведь живут же люди неподалёку от вулканов. Знают, что в любой момент может «заработать», и всё равно живут. Кому придёт в голову жаловаться на вулкан?!

Но, в отличии от вулкана, соседствующая со Сдеротом Газа — не природная стихия, а вполне управляемая населённая территория. И в зависимости от того, кто и как будет ею управлять, она будет вести себя тем или иным образом. Поэтому сам собой напрашивается вопрос: «Если до сих пор не предпринято каких-то кардинальных мер по решению «сдеротской проблемы», не означает ли это, что кому-то такая ситуация выгодна?» И как долго в таком случае население целого города будет оставаться заложником политических игр? Заложником — это в лучшем случае. В худшем случае — жертвой.

А в городе Сдерот продолжают шутить, что у них не жизнь, а игра. Игра в «Русскую рулетку», потому что никто не знает, на чей дом (двор, завод, магазин) упадёт «Кассам» сегодня, а на чей — завтра.

Я беседую с заместителем мэра города Сдерот Анатолием Нахшуновым у него в кабинете. А этажом выше, в зале заседаний, находится стенд (меня пригласили его осмотреть, как только я приехала в город). Перед стендом установлен большой осколок ракеты «Кассам», а на стенде — фотографии взрослых и детей, убитых родными братьями этого железного чудовища.

- Вот здесь они все. Все наши погибшие земляки, кроме последних,

погибших несколько дней назад. Не успели ещё добавить их фотографии, - поясняет заместитель мэра.

- Анатолий, я ехала на встречу с Вами, внимательно осматривала улицы города, и хочу отметить, что Сдерот не имеет вида населённого пункта, находящегося под постоянным обстрелом. Может быть, я проезжала по безопасному району?

- В Сдероте нет более опасного и менее опасного района. Кассам может попасть в любую точку города. А то, что город выглядит нормально — это комплимент мэрии. Спасибо. Мы стараемся максимально быстро уничтожать следы разрушений, чтобы не усугублять и без того напряжённую обстановку.

- В какое время суток чаще всего можно ожидать сирены?

- Чаще всего нас обстреливают утром, часов с шести. Вот такой своеобразный «боксер тов» мы получаем от соседей.

- А что с объявленным Ольмертом соглашением о прекращении огня?

- Мы и не бомбим! Но нас-то продолжают обстреливать! Правда, немного меньше, чем раньше. Всего 4-5 ракет в день («всего» - это мой собеседник грустно пошутил).

- А тот факт, что нынешний министр обороны — Амир Перец — житель Сдерота, городу никак не помогает?

- Абсолютно. Да у нас в городе за него и голосовало очень мало избирателей, несмотря на то, что он бывший мэр города, и всё его семейство проживает в Сдероте. Его сторонниками была проведена широкая предвыборная компания, но город дал ему всего около 25% своих голосов. Это очень мало для бывшего мэра.

- Анатолий, Вы много лет живёте в Сдероте и помните спокойные времена без обстрелов. Изменились ли люди, их настроения и обстановка в городе за последнее время.

- Всё очень изменилось. Город не может жить нормальной жизнью. Мы живём по графику, навязанному нам обстрелами. Многие уезжают, и я их прекрасно понимаю.

Очень упал уровень жизни. На днях мною было организовано собрание бизнесменов города с участием членов правительства. Речь шла о материальной помощи владельцам бизнеса в Сдероте, и я надеюсь, что помощь будет оказана, в противном случае многим грозит разорение. Я очень часто выхожу в город, захожу в магазины, в кафе и вижу своими глазами, до какой степени у них снизились доходы.

Очень сильно упала стоимость квартир. Люди, купившие когда-то квартиру за 90 тысяч долларов, сегодня не могут продать её и за 30: с одной стороны нет покупателей, а с другой — продав её за такие деньги, они даже ипотечную ссуду - «машканту» не перекроют.

- А как реагируют на сложившуюся ситуацию сами жители? Я на-

помню Вам случай, который произошёл в Хадере, в зале торжеств, где кавказские евреи праздновали бар-мицу и сумели сами за себя постоять, обезоружив ворвавшегося террориста. В Сдероте почти треть населения — кавказские евреи. Община специфическая, люди горячие. Нет ли попыток самостоятельно решить проблему?

- От населения города в данной ситуации почти ничего не зависит. Мы не можем сами за себя постоять. А если бы даже и попытались, первым, кто нам противостоял бы, было бы наше правительство.

Единственное, что в данной ситуации можно предпринять, это акции протеста, которые неоднократно организовывались. Но надо вам сказать, что их нельзя было назвать всеобщими или многолюдными. Население города неохотно принимало участие в этих мероприятиях. Люди уже не верят ни во что и никому и надеются только на Б-га.

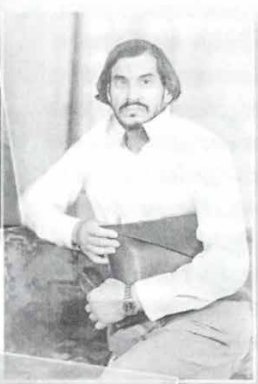
А вы знаете, что является нашей самой большой проблемой? Наше израильское телевидение. Противникам даже разведка не нужна. Им достаточно посмотреть нашу программу новостей. Там всё расскажут и покажут, куда попал «Кассам», какой силы было произведено разрушение. Просто учебное пособие какое-то для стреляющих!

Вообще, моё твёрдое убеждение: если бы нас хотели защитить, то для этого давно нашлись бы и деньги, и возможности, и технологии. Просто это никому не нужно.

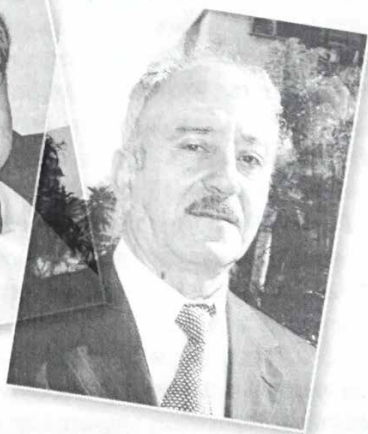
И это не моё личное мнение. Так думают все жители города.

- Анатолий, я, конечно, не надеюсь, что публикация в «Кавказской газете» что-то существенно изменит в вашей ситуации. Но пресса может всколыхнуть общественность. А общественность — это большая сила. Нельзя привыкать к проблеме, с проблемой нужно бороться всеми возможными средствами!

Желаю Вам и Вашему городу обрести, наконец, покой и вернуться к нормальному образу жизни.

Уроки творчества

Это один из самых любимых моих «уроков». Речь здесь пойдёт о прекрасном: о поэзии, музыке, танце... Не раздел, а именины сердца! Жаль только, что о художниках мне не доводилось писать. Этим в нашей редакции занимается профессионал. Но зато от остальной творческой братии удовольствие получала именно я. Не скажу, что являюсь особо классным специалистом в области литературы и искусства. Просто я узурпировала право писать о творческой интеллигенции, потому что получала от общения с её представителями огромный заряд энергии. После такого общения хочется дерзать и творить, дерзать и творить!!!

Вот так используют служебное положение в корыстных целях.

ЖИЗНЬ МОЯ, ЛЮБОВЬ МОЯ – ТАНЕЦ

Для настоящего мужчины 65 лет — это не возраст. А тем более, для творческой личности. В 65 всё только начинается, всё впереди. Вот совсем недавно по телевидению транслировался концерт, посвящённый 90-летию Владимира Зельдина. Мы увидели на сцене Владимира Михайловича Зельдина — молодого, красивого, жизнерадостного. Мы увидели отрывки из его последних театральных работ. Зритель был, как всегда, очарован его лучезарной улыбкой. Перед нами предстал всё тот же красавец-горец из фильма «Свинарка и пастух», только поседевший.

К чему это я? Да к тому, что мы сегодня поздравляем с днём рождения Иосифа Матаева. А рассказ о юбилее Зельдина — это пожелание. Давайте настоящие празднества и помпезные речи отложим на четверть века. А то, что отмечалось в этом месяце, назовём простым днём рождения и пожелаем имениннику через 25 лет порадовать зрителя своей новой работой! А дальше пожелаем ему ещё 25, и потребуем отчёт о проделанном за это период, потому что жизнь артиста — это постоянный отчёт перед зрителем!

Интервью с Народным артистом Российской Федерации и Дагестана, лауреатом Государственной премии им. Гамзата Цадасы Иосифом Самуиловичем Матаевым я решила озаглавить строчкой из его книги. Она очень ёмко включила в себя все темы, затронутые в нашей беседе. Ничего лучшего мне просто придумать не удалось.

- Иосиф Самуилович, Ваше имя неразрывно связывают с ансамблем «Лезгинка», и об этом написано очень много. А мне бы хотелось, чтобы Вы рассказали о других страницах Вашей жизни. И, если можно, с самого детства. Я читала, что танцевать вы начали с пяти лет. А почему родители решили обучать Вас танцам? Ведь это так не характерно для горских евреев. Спорт — это я понимаю...

- Они и не решали. Я сам всё решил. Мы жили в Махачкале рядом с Дворцом пионеров. И его окна выходили к нам во двор. Я брал табуретку, залезал на неё и внимательно следил за репетициями танцевального кружка. Поразительные были танцы, зажигательные. Руководитель показывал ребятам различные движения, и я их

тоже запоминал. Потом самостоятельно пошёл на занятие, продемонстрировал всё, что запомнил, и меня взяли. А когда я начал там заниматься, за мной увязался мой младший брат. Идёт занятие, а он дверь открывает и подсматривает. Руководитель кричит: «Немедленно закройте дверь! Кто там мешает?» Он закрывает, а потом опять открывает. Я стыдился, что он за мной ходит, гонял его. Но ничего не помогло. Тоже стал хореографом.

- Вы руководили ансамблем «Лезгинка» с 1982 по 1995, до отъезда в Израиль. А чем занимались до этого?

- Работал в том же ансамбле со дня его основания. Был солистом балета, помощником Танхо Израилова, ассистентом балетмейстера. Но свою профессиональную деятельность я начал в 15 лет в Государственном ансамбле песни и танца Дагестана. Мне, в качестве балетмейстера и постановщика танцев, довелось поработать с разными коллективами: с Бакинским ансамблем ПВО, с азербайджанским ансамблем народного танца. Работал в Каракалпакии, Карачаево-Черкесии, Чечено-Ингушетии и в других.

- В ансамбле «Лезгинка» большинство танцев, насколько я помню, были сюжетные, то есть на драматургической основе...

- А вы знаете, что это самое трудное?! Для хореографа нет ничего проще, чем поставить просто синхронные движения под музыку. Но это же не танец. Это аэробика. А вот придумать сюжет и воплотить его на сцене... У режиссёра в театре, к примеру, есть текст, у дирижёра за пультом есть ноты и музыкальные инструменты, а у хореографа нет ничего. Он должен так выверить каждое движение

танцора, чтобы до зрителя дошёл смысл задуманного им сюжета. Иногда бывает: придумываешь, ставишь, и ничего не получается. Не смотрится. Невозможно языком танца реализовать задуманное. Но когда получается - это счастье. Ведь язык танца универсален. Если всё воплощено точно и верно, то понять это может зритель в любой стране. И переводчик не нужен. Зрителя не обманешь. Он всё видит. И если он становится участником того, что происходит на сцене, если он сопереживает, это не может оставить его равнодушным. Танцы драматические, когда у зрителя мурашки бегут по коже, когда слеза наворачивается, танцы юмористические, когда зал хохочет. Юмористический танец поставить даже сложнее, чем любой другой.

Мы однажды отбирали программу для гастролей в Америке, и я решил, что юмористические танцы не пойдут, не будут понятны, не надо их брать. К примеру, танец, в котором 3 старика-аксакала влюбляются в молоденькую девушку и начинают перед ней выплясывать, чтобы её к себе расположить. Один танцует лезгинку, другой - танго, третий вообще пытается изобразить в что-то в современных ритмах, но девушка уходит, а они все остаются с носом. Я решил, что зритель не поймёт, а импресарио из Америки, напротив, очень захотел взять его. И он действительно оказался прав.

Коллектив объехал полмира. Нас понимали везде.

- Я не могу забыть «Думы матери». Потрясающая работа!

- За эту балетную сюиту я получил звание лауреата Государственной премии. Рассказ о матери, потерявшей на войне семерых своих сыновей - очень серьёзная работа. Каждый год она приходит в День Победы к обелиску и приносит цветы. Но однажды в один из таких майских дней ей кажется, что её дети живы и все семеро идут к ней. Мать бросается к ним на встречу! Но это всего лишь мираж. Этому номеру зрители всегда очень горячо сопереживают.

- Говорят, талантливый человек талантлив во всём. Ваш пример тому подтверждение. Это я о книге. Очень интересная, и написана прекрасным, образным языком. И грустно, и смешно, особенно когда речь идёт о гастрольной жизни, о Вашем общении с чиновниками и власть имущими товарищами.

Я прочитала с огромным удовольствием. Как случилось, что хореограф начал писать?

- Попросили. Министр культуры Дагестана попросил: «Дайте что-нибудь о «Лезгинке», что-нибудь напишите». Да всё как-то времени не было. Но вот к 40-летию коллектива я всё-таки решил. Собрал воедино все свои воспоминания, и получилась книга «Лезгинка». Годы, прожитые вместе».

- Простите, затрону болезную тему. Что случилось с Вашим из-

раильским ансамблем? Почему он распался? Не хотите ли попробовать ещё раз?

- Очень сложная и тяжёлая история. Я много сил отдал созданию этого коллектива. Да и не только я. Моя жена была и костюмером, и завхозом, и прачкой, и матерью для всех танцоров. Молодые ребята ездили на репетиции со всех концов страны после работы и учёбы. Так она одной рукой на них костюмы примеряет, другой бутерброды мажет... Перед выступлениями ребята переодевались у нас дома. Вы представьте себе только - это 40 человек!

А костюмы! Мы потратили на них около 60 тысяч долларов из своих денег. Так нам эти костюмы даже хранить было негде. Их же очень много. Нужно было помещение для репетиции, помещение для хранения костюмов. Про зарплаты я уже не говорю.

Нас приютила горско-еврейская синагога. Начали репетировать там. Потолок низкий. Если танцор подпрыгнет, вполне может разбить себе голову. Пол бетонный. На нём вообще танцевать нельзя. И, тем не менее, за 8 месяцев мы из совершенно неподготовленных юношей и девушек создали полупрофессиональный коллектив. Я, конечно, ходил, просил, добивался, но наткнулся везде на стену равнодушия. Помните, у Расула Гамзатова:

Проклятье трусу в дни обычные,
Проклятье дважды - на войне.
Вам, алчные, вам, безразличные,
Проклятье с трусом наравне.

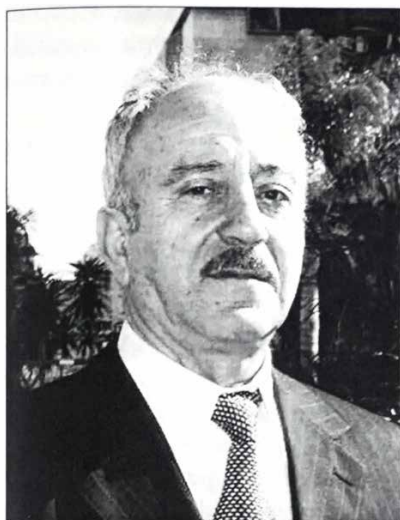
Мне никто из чиновников не отказал. Мэр города даже сказал: «Конечно, я помогу, это моя обязанность вам помочь!» Но когда? Когда будет возможность? Может через год, может через пять...

- Иосиф Самуилович, ну а если бы была такая возможность, начали бы снова? Или обиделись?

- Есть ещё порох в пороховницах. Но очень много существует «но». Это же не простой коллектив. Ему нужны условия.

- Хотелось бы верить, что наш с Вами разговор будет прочитан не только зрителями и почитателями. Надеюсь, что газета попадёт в руки тем, кто реально может и должен создать Вам все условия для творчества. Да и не только Вам, а многим нашим талантливым детям, которые мечтают у Вас учиться.

МИХАИЛ ДАДАШЕВ. В ГОСТЯХ У «КАВКАЗСКОЙ ГАЗЕТЫ»

К нам в редакцию ненадолго заглянул московский гость — писатель Михаил Дадашев. Предполагаемый краткий визит не удался, а проще говоря, продлился много часов. Уж очень интересной получилась у нас беседа. Вообще-то назвать происходившее «беседой» нельзя. Гость рассказывал, а мы, затаив дыхание, слушали. Михаил Борисович оказался великолепным рассказчиком. Речь его текла плавно, завораживающе. Я уже много лет не получала такого удовольствия от «процесса слушанья».

Мы не собирались интервьюировать нашего гостя. Всё вышло спонтанно. «А вы разрешите нам опубликовать, то о чём вы сегодня рассказывали?» - спросила я у него. «Если нашли что-то для себя интересное в моих байках, печатайте на здоровье», - последовал его ответ.

И я решила передать читателю всё, как было: короткий вопрос и полный ответ.

- Михаил Борисович, вы писатель по профессии или по призванию?

- Трудно дать однозначный ответ. Пишу и публикую свои произведения я с юности. Но у моих родителей были насчёт меня другие планы. Они считали, что я должен приобрести «нормальную» профессию, мечтали видеть меня кожевником или меховщиком. И вот я еду в Москву и поступаю в текстильный институт на химико-технологический факультет по химической обработке кожи и меха. Окончил первый курс, и меня призвали в армию.

4 года я служил в Кронштадте, был военным моряком. Там я окончил школу военных корреспондентов, был освобождённым секретарём комсомольской организации дивизиона катерников, в которой было 26 тысяч комсомольцев.

Во время службы я начал печататься в «Ленинградской правде», в «Кронштадтской правде». Окончил университет марксизма-ленинизма и по окончании службы получил направление для поступления в Московский университет международных отношений. Поехал в

Москву, подал документы и позвонил домой. Надо сказать, что семья моя жила очень бедно, отец болел. Мама выслушала меня и сказала: «Если ты хочешь, чтобы мы ходили с протянутой рукой, то можешь оставаться». И я забрал документы, отнёс их в университет им. Ломоносова на заочное отделение экономического факультета, вернулся в Дербент и начал работать в газете «Знамя коммунизма». А затем меня избрали первым секретарём дербентского райкома комсомола.

Через пару лет, когда моя учёба уже почти подходила к концу, меня назначили на должность заведующего финансовым отделом горисполкома, которую я занимал 20 лет. А потом мне предложили должность начальника налоговой службы Дербентского района. В 2002 году я переехал в Москву и поступил на службу в Министерство по налогам и сборам.

Как видите, карьера у меня отнюдь не поэтическая, но в течение всего этого времени я писал. Написал 5 сборников рассказов, 2 романа, 3 повести, пьесы, за одну из которых «Званный обед» получил республиканскую премию. Писал на родном языке, на русском языке. Выпустил мою любимую книгу притчей «Суета сует». Последняя книга - «Маковый след». В неё вошёл одноимённый роман, рассказы и притчи. Был членом правления литфонда СССР.

Заслуженный экономист Дагестана, заслуженный экономист Российской Федерации, защитил кандидатскую диссертацию.

По существу, всю мою жизнь писательская работа шла параллельно с финансовой. Несовместимые вещи, говорите вы мне? Но, как видите, мне удалось их совместить

- А вы помните, как начали писать?

- Конечно, помню. Начало моей писательской жизни положила Лидия Тимофеевна Фёдорова, преподаватель русского языка и литературы. Она пришла к нам, когда я учился в 5 классе школы №8 города Дербента. Ничем не примечательное событие — у класса новый учитель русского языка. А для меня — это начало новой жизни. Надо сказать, что учился я в школе очень хорошо. По всем предметам у меня были пятёрки, а по русскому языку двойки и редкие тройки. Русский язык мне давался крайне трудно. Дома не говорили по-русски, только на родном языке. Нас стала обучать Лидия Тимофеевна, и это перевернуло мою жизнь.

Всё началось с изложения на заданную тему. На двух листах изложения я сделал более 100 ошибок. Но учительница умудрилась увидеть что-то интересное в том, как я, хоть и с невероятным количеством ошибок, передал материал. Она обратила внимание на стиль письма и сказала: «А знаешь ли ты, что у тебя очень интересный литературный стиль. Тебе обязательно надо заниматься языком и литературой». И начала со мной заниматься индивидуально. Во-первых,

она давала мне книги, которые подбирала по определённой системе, и велела мне читать вслух. Во-вторых, она занималась моей речью и произношением.

Моя учительница выбрала очень правильный ход, она не заставляла меня с первой минуты зубрить правила. Почувствовав мою индивидуальность, она пошла к языку от литературы. Поскольку, я начал много читать, то мой лексикон обогатился, я стал правильнее и грамотнее говорить, а как следствие — грамотнее писать. С двоек по русскому языку я перешёл на тройки, потом на четвёрки, а сочинение на аттестат зрелости в десятом классе написал на пятёрку. В то же время вышел в свет мой первый рассказ, который был опубликован в «Комсомольце Дагестана». Перед тем, как отправлять рассказ в газету, я показал его Лидии Тимофеевне, она его подправила и одобрила.

Я всю жизнь с благодарностью и любовью вспоминаю свою учительницу. Когда она пришла к нам, то была уже старенькой. А через несколько лет после моего выпуска из школы, она решилась оставить работу и переехать к сыну в Якутию. Ещё через несколько лет я написал рассказ, который начинался со слов: «Здравствуйте, Лидия Тимофеевна!» Это были воспоминания о том, каким я был мальчишкой, как она меня учила, воспитывала. Это была песня об учительнице. К сожалению, прочитать этот рассказ она уже не смогла. Рассказ был опубликован в «Дагестанской правде». Один экземпляр газеты я отправил в Якутию на адрес её сына. И он мне ответил: «Спасибо за то, что вы помните мою маму. Она тоже о вас всегда вспоминала и говорила, что воспитала писателя».

- А ваши параллельные профессии, вопреки законам геометрии, никогда не пересекались?

- О! На эту тему я вам очень интересную историю расскажу. У меня есть маленький рассказ, который называется «Решка». Начинается он с того, что в кабинете заведующей финансовым отделом раздаётся стук «негромкий, но требовательный», а затем в дверь просовывается голова. Глаза настороженно смотрят налево, потом направо, и только потом прямо на заведующую.

- Вы знаете, так неудобно, так неудобно, - заискивающим голосом начал человек, - я вот пришёл! Вы же видите, я сам пришёл! Я занимаюсь фотографированием, и пришёл получить патент. А вот есть же у нас такие несознательные граждане, которые патент получать не хотят. Работают, а государству платить не желают.

И он начал выдавать одного за другим всех, кто ему мешали. Он без зазрения совести сдал всех конкурентов.

Я описал его жутким негодяем, который в трудную минуту может продать не только друзей, как он это сделал сейчас, но и Родину с лёгкостью продаст. Лишь бы ему было хорошо.

После опубликования этого рассказа в «Дагестанской правде» наш министр финансов меня спросил: «Михаил Борисович! Я одного не пойму: вы что осуждаете этого человека? Или вы его хвалите? Он у вас получился совершеннейшим негодяем. А ведь человек хорошее и законное дело сделал: заклеил всех тех, кто не платит налоги!»

И знаете, что я ему ответил? Я сказал: «Я, как финансист, должен был его благодарить, но, как человек, я не мог остаться равнодушным к его предательству.

Всё дело в том, что история эта не выдуманная. Такой человек действительно приходил ко мне. Я проверял сведения, которые он дал, такова моя служба. И выяснилось, что он ещё больший мерзавец, чем показался на первый взгляд. Он выдавал всех без разбора. Среди тех, кого он назвал, был, к примеру, инвалид войны, который с детей вообще денег не брал, а фотографировал их бесплатно, ради своего удовольствия, и чтобы детишкам сделать приятное. Но для доносчика он был конкурентом со своим бесплатным фотографированием».

Долго мой министр думал, а потом сказал: «Видимо, ты прав. Писатели, наверное, как-то по-другому смотрят на жизнь».

Что скажете, пересеклись параллели? Работа финансиста дала мне прекрасный, пронзительный сюжет для рассказа. И не для одного. Я заметил, что когда люди решают какие-то финансовые вопросы, вылезает наружу всё их нутро, их легко прочитать. И это даёт мне пищу для творческих раздумий.

- А историей своей фамилии вы никогда не занимались?

- Ну, как же, занимался и занимаюсь, собираю материалы и хочу впоследствии написать. Факты, которые мне удалось собрать, чрезвычайно интересные. А вы знаете, откуда взялась фамилия Дадашевых? В 1830–32 году комендантом города Дербента был некий Коломизов. Говорят, что он был наполовину азербайджанец, наполовину армянин. Это очень редкое сочетание, т.к. азербайджанцы — мусульмане, а армяне — христиане. Так вот, этот комендант объявил по всем сёлам, расположенным в радиусе 30–40 км от Дербента, о том, что всем богачам, желающим построить дома в Дербенте, он бесплатно выделяет землю, но с условием, что они берут на себя обязательство благоустроить один квадратный километр площади города вокруг своего дома. Дело в том, что Дербент на тот момент представлял собой сырое, грязное малярийное место. Маленький городок между крепостными стенами. На мой взгляд, Коломизов принял гениальное решение — раздать бесплатно землю в обмен на её благоустройство. И в Дербент потянулись богачи, в том числе мой пра-пра-пра-прадед. Его звали Рувин. Он был жителем села Мюшкюр (ныне Ньюги), что расположено почти на границе между Азербайджаном и Дагестаном. Его отцом был Авшалум. И если от них начинать наш род, то

фамилию мы должны были бы иметь Рувиновы или Авшалумовы. Но мы Дадашевы и вот почему: деда Рувина в селе звали «Ага-дадаш». В переводе с азербайджанского «ага» - господин, а «дадашем» - называли человека богатого и уважаемого, коим он и являлся. Разбогател Рувин на выращивании марены. Из корня марены добывали красящее вещество, которое шло на окраску шерсти для ковров и прочих изделий. Продавал он эту краску и само растение на ярмарках в Новгороде, Астрахани, где она пользовалась очень большим спросом. Приезжал мой дед всегда с большими деньгами.

У деда Рувина было 8 сыновей и одна дочь, поэтому хозяйствовало они своими силами, наёмных рабочих не брали. Так и разбогатели.

Когда мой дед услышал о приглашении коменданта строиться в Дербенте, он решил туда поехать. Приехал в город, встретился с Коломизовым, и на вопрос: «как тебя зовут?», ответил: «Ага-дадаш». «Ну, значит, с сегодняшнего дня будешь Дадашев», - постановил комендант. Так мы и стали Дадашевыми.

Мой дед Рувин взялся за строительство не одного дома, а сразу девяти — по дому каждому сыну, и один себе. А, следовательно, взял на себя обязательство благоустроить девять квадратных километров городской площади.

Дадашевы и в Дербенте были очень богатыми людьми. Им принадлежали до революции почти 800 гектаров виноградников, 2 рыбных промысла и первый коньячный комбинат в России. Обратите внимание - первый в России! Его основателем был Манашир-Ого Дадашев в 1873 году. Когда Дюма-отец, проездом в Персию, посетил Дербент, он из рук Манашир-Ого Дадашева пил этот коньяк. Именно с этого события я начинаю мой новый роман о семье Дадашевых.

Думаю, наш замечательный род заслужил, чтобы о нём писали романы. Наш род без единого выстрела, к великому сожалению, добровольно отдал советской власти всё своё богатство. А потом наши же поэты, например мой дядя Манувах Дадашев, воспевали советскую власть.

Это только малая часть того, что рассказал нам в тот день удивительный человек, исследователь, писатель и финансист Михаил Борисович Дадашев. Когда разговор был окончен, и наш гость ушёл, я с жадностью бросилась читать книгу «Маковый след», которую получила от него в подарок. Удивительная книга, должна я вам признаться. Если не читали, найдите и прочтите обязательно.

Я РЕШИЛСЯ СДЕЛАТЬ ПЕРВЫЙ ШАГ

*Всякое начало трудно - эта истина
 справедлива для каждой науки*
К. Маркс

В начале марта 2006 года вышла в свет уникальная книга «Краткая энциклопедия горских евреев». Идея создания такой энциклопедии витала в воздухе, и к её созданию приступили или собирались приступить несколько авторов. Возможно, их работы мы тоже когда-нибудь увидим, а энциклопедия Хананила Изроевича Абрамова уже существует, с чем мы вас, уважаемые читатели, и поздравляем. Абсолютно естественным желанием журналиста было встре-

титься и побеседовать с автором этой книги, который только-только окончил свой многолетний труд.

С первых минут беседы у меня сложилось такое впечатление, что наше интервью получится таким же кратким и лаконичным, как статьи в энциклопедии Хананила Абрамова. Без лирики и сантиментов, строго и чётко, по-научному. Но, слово за слово, разговорились. Помог разрядить обстановку и традиционный кавказский стол, накрытый милой и гостеприимной женой Хананила Изроевича. В итоге у нас получилась очень, на мой взгляд, интересная и познавательная беседа.

- Хананил Изроевич, прежде всего, поздравляю с выходом энциклопедии! Не удивлюсь, если Вы скажете, что рождалась она в муках.

- Да, далась она мне нелегко. И с технической точки зрения (я ведь всю её переписал несколько раз от руки) и с точки зрения информативной. Думаю, что моим последователям будет легче, т.к. я разрешаю всем пользоваться моей работой и сведениями, мною собранными. Надеюсь только на их порядочность, надеюсь, что не забудут сослаться на мою книгу, как и я не забыл указать все источники, которыми пользовался. Кстати, в мою энциклопедию включен ряд сведений, почерпнутых из «Кавказской газеты». У меня есть вся ваша подписка с первого номера до последнего.

Моя «Краткая энциклопедия горских евреев» первая в своём роде. Считаю её основой для будущей полной энциклопедии. Я собрал в своей книжке то, что смог, и ничуть не сомневаюсь, что не вошло огромное количество сведений. Но это уже дело не одного человека. Над полной

энциклопедией должен работать целый коллектив. Это очень тяжёлая и кропотливая работа. В предисловии к своей энциклопедии я писал, что над выходящей ныне православной энциклопедией трудятся более тысячи человек. А у нас, к сожалению, все много говорили и продолжают говорить, что НАДО писать! А я рискнул сделать первый шаг.

Мне очень хочется со страниц «КГ» поблагодарить Фриду Юсуфову за огромную помощь, которую она оказала мне при работе над выпуском словаря. И отдельно, я хочу выразить благодарность Герману Захарьеву. Без его финансовой поддержки книга не вышла бы в свет.

- Что побудило Вас взяться за это нелёгкое дело?

- Обидно бывает, когда о моём народе судят по нашим пожилым женщинам, многие из которых, по объективным причинам, безграмотные или малограмотные. А ещё по кучке мужчин, главным делом которых является игра в нарды. Очень обидно, когда, глядя на них, говорят, что мы отсталый народ. Но если взять то количество кандидатов и докторов наук, крупных военных и политических деятелей, работников искусства и просвещения, которые есть у нас, и сделать пересчёт на душу населения, то уверяю вас — в процентном отношении мы стоим на уровне самых передовых и развитых народов мира. Все эти мысли и побудили меня начать работу над энциклопедией. Хотелось показать миру, да и моим соплеменникам в том числе, что у нас есть много братьев, которыми можно гордиться и на которых нужно равняться.

- А Вы не боитесь, что сейчас начнутся разговоры: почему того записал, а этого не записал? Пойдёт критика, начнутся споры.

- Нет, не боюсь! Это же прекрасно, если начнутся споры и разговоры! Значит, всё-таки я что-то сделал. Книга, которую не ругают — плохая книга. Кроме того, я и сам знаю, что многое можно было сделать по-другому. Помешали мой преклонный возраст, элементарное отсутствие денежных средств и нежелание некоторых людей сотрудничать. Бывали случаи, когда я обращался к человеку, о котором считал нужным написать, с просьбой предоставить мне данные. Не могу этого объяснить, но данных я не получал. Кто-то просто говорил: «Не надо обо мне писать!» А некоторые, видимо, считали, что я должен к ним приехать за материалами, что ниже их достоинства прислать что-то или же самим приехать ко мне. Я ездил, конечно, по мере сил, но ко всем приехать не мог.

- А по каким критериям Вы отбирали кандидатов в энциклопедию? Я смотрю, что здесь нет ни одного нашего израильского политического или общественного деятеля. Ни мэра, ни зам. мэров, ни членов муниципалитетов.

- Я исходил из того, что мэр — должность временная. Сегодня он мэр, а завтра нет. А вот степень доктора наук или звание заслуженного мастера спорта — они пожизненные.

- А почему же вы включили в энциклопедию тех, кто занимал такие же должности, но в диаспоре?

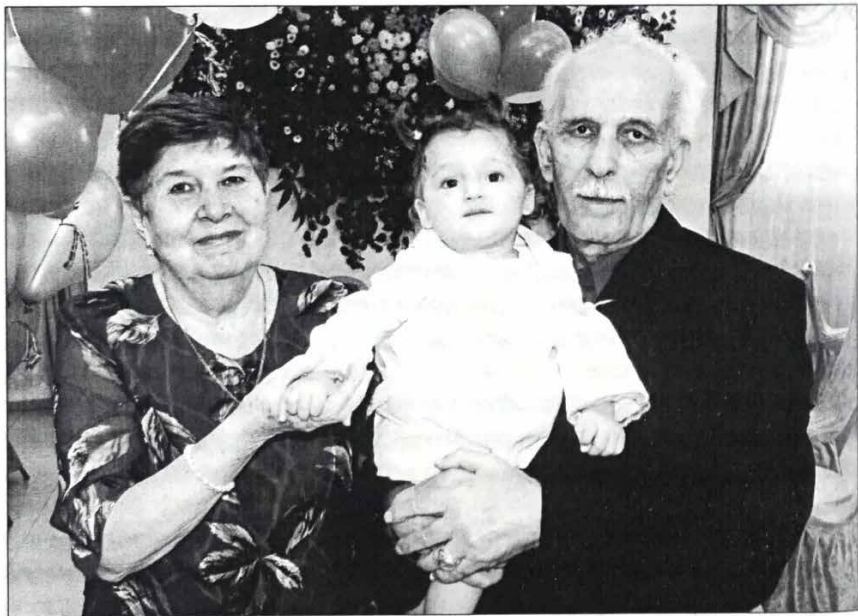
- Потому что это, на мой взгляд, было выдающимся достижением, исходя из того, как трудно там всё горским евреям давалось.

- Хананил Изроевич, для своих книг вы изначально выбрали форму справочника. Это не литературные, а скорее исторические научно-исследовательские произведения. Вы по профессии историк?

- В какой-то степени. Я заканчивал факультет истории и теории изобразительного искусства Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. По специальности я искусствовед. Но, в принципе, это достаточно близкие области знаний. Общепринято, что есть науки гуманитарные и точные. А ещё есть одна наука «очень неточная» - это история. Каждый трактует её по-своему. На нашем веку её даже переписывали неоднократно. Зная это, я стараюсь в своих книгах быть максимально точным, выверять все факты.

- Вы много написали о других, а вот про Вас почти ничего не написано. Может быть, немного расскажете о себе нашим читателям?

- Я о себе не люблю рассказывать. Ничего выдающегося я в жизни не совершил. В предисловии к энциклопедии я коротенько написал, что родился в 1930 году в Красной слободе, работать начал в 17 лет инструктором по авиамоделизму, потом 4 года работал зав. орготделом райкома комсомола. Затем 11 лет был директором районного и городского Дома Культуры. 16 лет я был директором Кубинского филиала Центрального Государственного архива Азербайджана. 3 года

был председателем исполкома поселкового совета Красной Слободы, а последние 4 года был заведующим общим отделом Кубинского горисполкома.

В 1990 переехал в Израиль. Вот и всё.

- Всё, что вы перечислили — серьёзные административные должности. Администратор — это человек с командным голосом, умеющий руководить подчинёнными. И на листе бумаги он чаще пишет цифры, а не слова. При чём тут искусство, творчество?

- А разве умение общаться с людьми это не творчество? Работа с людьми — самая тяжёлая работа, которую только можно придумать. Камни таскать легче. Но это и искусство одновременно. Могу признаться, что я этим искусством овладел очень хорошо. Я коммуникабельный, терпеливый, люблю общаться с людьми и не люблю читать нотации.

- В таком случае, откройте секрет: что, по Вашему мнению, главное в овладении этим искусством?

- Нужно научиться слушать. Это самое главное. Меньше говори сам, больше слушай собеседника. И он откроется перед тобой во всей своей красе. Тебе легко будет его понять и подобрать к нему ключик. Это всегда мне помогало в работе.

- Хочу задать Вам вопрос, имеющий косвенное отношение к Вашей энциклопедии. Вам по работе приходилось общаться с людьми разных национальностей. Вы имели возможность изучить характерные особенности, ментальность разных народов. Какова национальная особенность общины горских евреев на Ваш взгляд?

- У моего народа есть несколько очень ярких черт, характерных особенностей. Но они каким-то удивительным образом у одних проявляются со знаком плюс, а у других — со знаком минус. Одна и та же черта, а её проявления абсолютно разные.

- Объясните, пожалуйста, что Вы имеете в виду?

- Наши люди очень требовательные. Порой они даже слишком много требуют. Но у этого качества есть как положительная сторона, так и отрицательная. Если наш человек много требует от себя самого, то в результате о нём пишут в газетах, книгах, говорят по радио и телевидению. Именно о таких людях я пишу в энциклопедии. А вот если это качество проявляется со знаком минус, то человек слишком много требует не от себя, а для себя у всех остальных. И с такими людьми очень тяжело жить.

Или, к примеру, зависть. Тоже очень характерная черта для нашего народа. Но и зависть бывает разная — чёрная и белая. Если завидуют кому-то по-белому, то радуются за него и говорят: «Ну, надо же чего он смог добиться! Но если он смог, то и я смогу. Надо попробовать». А другие тоже завидуют, но по-чёрному: «Смотрите, куда полез! Да кто

он вообще такой?! Что он про себя возомнил?!». Это чаще всего происходит от лени. Ведь гораздо проще, сидя у себя дома, перемывать кому-то кости, чем встать и сделать серьёзный шаг.

- А почему такая разница, чем она вызвана? Материальными, нравственными, образовательными причинами?

- Скорее, социальными. В диаспоре горские евреи занимали не то положение, которое могли бы. Не могу сказать, что на бытовом уровне был антисемитизм, но с национализмом на государственном уровне мы всегда встречались. Добиться чего-нибудь было очень сложно. В моей жизни, к примеру, был случай, когда мою кандидатуру собирались выдвинуть на должность 1-го секретаря райкома комсомола. Но не случилось, потому что было указание «хозяина» (Сталина) — евреев не выдвигать. И всё равно, пробивались, добивались, но, естественно не все. Отсюда и зависть.

И ещё есть одна черта, на мой взгляд, очень отрицательная — мы не можем объединиться, мы не ценим и не уважаем своих авторитетных людей. Допустим, нужно от общины выдвинуть кандидатуру в Кнессет. Чью бы кандидатуру вы не предложили, один будет за него, а другой обязательно скажет: а почему он, кто он вообще такой, что он такого сделал, чтобы его выдвигать? И это плохо. Очень плохо.

- Ох, ну Вы и высказались! Нет опасения, что на нас с Вами обидятся?

- А пусть мне кто-нибудь возразит. Пусть скажет, что это не так. И, кроме того, я ругаю, любя. Я очень люблю свой народ и стараюсь сделать для него то, что в моих силах.

- Хананил Изроевич, что планируете на будущее? Собираетесь ли продолжать работу над энциклопедией? Дополнять, расширять?

- Нет. Это мне уже не под силу. Я своё сделал. Пусть молодёжь подхватывает. Но без дела я сидеть не могу. Жена всё время говорит: хватит тебе писать, отдохни, а я пишу. Очень хочется принести пользу моему маленькому, но очень талантливому народу.

Сейчас я работаю над новой книгой. Может быть, она заинтересует и израильтян, но основными её читателями будут жители диаспоры. Это книга на религиозную тему. Сведения, которые в ней будут излагаться, большинство израильтян знают, а вот жителям диаспоры они очень нужны. И теперь уже речь не идёт только о горско-еврейском читателе, которому была адресована моя предыдущая книга. Моя новая книга предназначена для всех евреев и для читателей других национальностей, которые интересуются иудаизмом. Написана она будет в виде словаря или справочника. Если мне Б-г даст здоровья, и мне удастся завершить задуманное, то должна получиться интересная и нужная книжка.

ИЗРАИЛЬ, ГДЕ СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ

В конце прошлого года на одном из самых престижных кинофестивалей в Венеции большого успеха добился фильм «Темная ночь» израильского режиссера, репатрианта Леонида Прудовского, студента факультета кино и телевидения Тель-Авивского университета. Фильм Леонида Прудовского был единственным израильским фильмом, отобранным для конкурсной программы 62-го Венецианского кинофестиваля, и удостоился специального приза в номинации короткометражных фильмов.

Но это не единственная награда, которой удостоен фильм. Он получил специальный приз в разделе «Драма» на Иерусалимском международном кинофестивале, номинировался на студенческий «Оскар» в Лос-Анджелесе в номинации лучший зарубежный короткометражный фильм, и был признан одной из пяти лучших студенческих киноработ мира, а также получил приз за лучший сценарий на фестивале «DaKino» в Бухаресте, первый приз «Золотая лошадь» на фестивале в Греции.

В получасовом фильме удивительным образом переплелись «русская», израильская и палестинская темы. Роль «русского» солдата сыграл артист Пини Тавгер. Женскую роль исполнила популярная актриса и телеведущая Елена Яралова. В фильме также участвовал арабский артист Джонни Арбид.

Музыку к этому фильму написал композитор Габриэль Бен Поде, но недавно мы совершенно случайно узнали, что это псевдоним композитора Гарика Канаева, хорошо известного многим махачкалинцам.

Выпускник Московской Государственной консерватории им. Чайковского, дипломант Всесоюзного конкурса, музыкант, композитор Гарик Канаев репатриировался из Махачкалы в 2001 году. За четыре с половиной года своей жизни в Израиле он уже многое успел сделать. Но лучше будет, если о своей жизни в Израиле и до него Гарик расскажет сам.

- Гарик! Разрешите, хоть и с опозданием, поздравить Вас с огромным количеством наград, которых удостоился Ваш фильм. Мне, безусловно,

хочется начать прямо с разговора о нём, но давайте всё же по порядку. В начале, как принято, познакомим читателей с Вами, с вехами творческой биографии. И, прежде всего, почему Бен Поде?

- Потому что Поде — это имя моего отца, а раз я его сын, то и выходит - Бен Поде. Не такой уж это и псевдоним. Кстати, именно отцу я обязан тем, что начал заниматься музыкой. Однажды отец пришёл домой и заявил маме: «Я купил пианино». Мама возмутилась, ведь деньги папе были выделены на покупку телевизора, но когда она через несколько дней пришла домой, увидела в подъезде обломки упаковки, а дома пианино, на котором уже что-то непонятное играет её пятилетний сын, она изумилась и смягчилась.

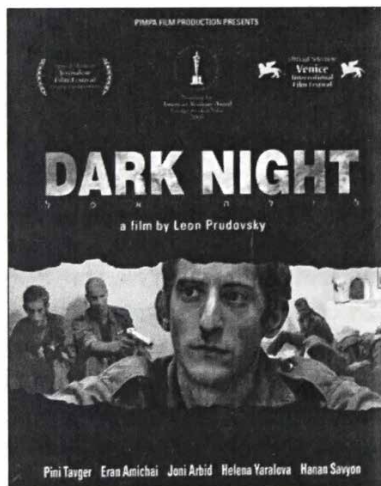
Затем я, как все еврейские дети, поступил в музыкальную школу, где мне, как любому нормальному ребёнку, было скучно и неинтересно. И только к концу обучения я неожиданно для самого себя написал фортепианную пьесу. Мне повезло, я случайно познакомился с великолепным музыкантом, музыковедом Манаширом Абрамовичем Якубовым и показал ему свою пьесу. Можно сказать, что эта встреча решила мою дальнейшую судьбу. Мастер посмотрел моё сочинение и сказал, что мне есть смысл продолжать занятия музыкой. До вступительных экзаменов в музучилище оставалась всего неделя, но я мобилизовался, подготовился и поступил.

Учился в махачкалинском музыкальном училище, затем поступил на факультет романо-германских языков университета и в консерваторию, где обучался по классу композиции.

Преподавал в махачкалинском педагогическом университете на музыкально- педагогическом факультете.

- Как получилось, что молодой режиссер Леонид Прудовский именно к Вам обратился для написания музыки к фильму?

- Если Вы говорите о фильме «Тёмная ночь», то это уже не первая наша с ним совместная работа. До этого мы сделали фильм «Местами дожди». А познакомились мы следующим образом: я учился на курсах в академии Рупина, решил ко всем своим образованиям добавить ещё и израильское. Я на тот момент был в стране совсем немного, ивритом владел плохо. И вот однажды, выйдя с лекции, случайно подошёл к доске объявлений, к которой никогда не подходил, потому что все они писались на иврите. А в этот день для чего-то подошёл и увидел

среди всех больших объявлений на иврите одно маленькое на русском языке. Там было написано, что кому-то требуется композитор для записи музыки к фильму.

Это была моя мечта. Я всю жизнь мечтал писать музыку к кинофильмам, а, прочитав объявление, не поверил. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Телефон, на всякий случай, списал, а позвонить себя заставил только через несколько дней.

Мне ответил очень приятный голос. Встретились, поговорили, я показал некоторые свои сочинения, и мы приступили к работе.

После первого фильма мы не виделись года два, пока Леонид вновь не разыскал меня и не предложил поработать в его новом фильме. Результаты выхода нашей второй работы — фильма «Тёмная ночь» вы знаете. Об этом много писалось в прессе. Конкурсы, фестивали, призы, победы. А на днях режиссёр летит с нашим фильмом в Бельгию.

- Расскажите нашим читателям, которые не видели фильма, о чём в нём идёт речь. Чем он так подкупает жюри на фестивалях?

- Прежде всего, это очень хорошая профессиональная работа всего творческого коллектива. И тема для сценария выбрана благодатная и актуальная. Израильский джип, патрулирующий на территориях, подбивается на mine. Двое бойцов, один из которых — «русский», пытаясь избежать линчевания, врываются в один из домов, где живут молодой палестинец и его беременная жена, как впоследствии выясняется — русская девушка, на которой палестинец женился во время учебы в России.

Начинаются роды, и перед солдатами встает дилемма: вызвать скорую помощь — значит, раскрыть разъяренной толпе свое местонахождение, не вызвать ...сами понимаете. Вот такая сложная моральная ситуация.

Музыку к фильму написал я, но лейтмотивом через весь фильм проходит знаменитая песня Никиты Богословского «Темная ночь». Вот такое режиссёрское решение.

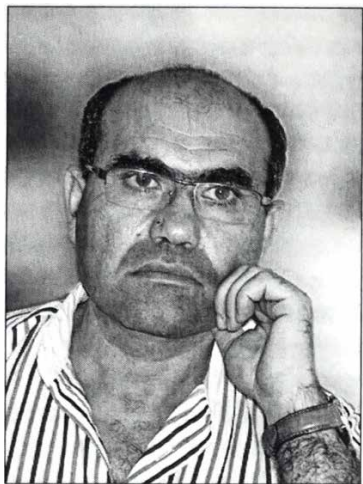
- А до репатриации Вы писали музыку к фильмам?

- Нет, никогда. У меня было немало композиторских работ, но не в кино. Я же говорю — мечта всей жизни. До приезда в Израиль я её уже похоронил, считал несбыточной. И вот — подарок судьбы.

- Ну, и по-традиции: каковы Ваши дальнейшие творческие планы?

- Планов множество, хочется сделать уйму прекрасных и интересных вещей, хотя мы с Вами понимаем, что в Израиле человеку искусства что-либо планировать очень сложно. Не всё зависит от меня. Для того, чтобы жить нормально, мне приходится работать на совсем нетворческой работе, испытывать немало трудностей. И всё равно, я очень рад, что решил репатриироваться. Это страна, которая даёт тебе шанс, на который ты и не рассчитывал. И в этой стране всё возможно. Надо толь-

БОРИС ХАНУКАЕВ: «Я ЧЕЛОВЕК КАМЕРНЫЙ»

Основной массе наших читателей Бориса Ханукаева представлять не надо. А вот я с ним знакома не была. Так уж сложилось.

И вот такая интересная история: до личного знакомства с ним я была убеждена, что в Израиле есть два Бориса Ханукаева. Один — романтик, мечтатель, бунтарь. Я читала его стихи, слышала песни, тексты которых написал он. В них мне виделся вольный художник, не вписывающийся ни в какие рамки, разноплановый, с тонким чувством юмора. Ну, к примеру:

Иврит — моя мечта, моя судьба.
И всё же в нём не шествую я чинно.
И вместо робкого «тогда» раба
Вношу в язык «тода», но господина.

Или:

Ты не поймёшь меня. Как эта мысль горька!
Не ты меня поймёшь. Что может горше быть?
Что ж я не уйду? Ведь чувствую: тонка
Запутавшихся душ связующая нить.

Каково, а? Он играет словами в пинг-понг. Он ими жонглирует. Прочитав его стихи, хочется немедленно взять ручку и тоже попытаться, как он — легко, воздушно, тонко... Но, увы!

А второго Бориса Ханукаева я видела пару раз на семинарах и форумах, на которых рассматривались различные аспекты израильской жизни кавказской общины. По первому впечатлению — очень серьёзный, до суровости, и очень занятой человек, находящийся в постоянном движении. Он, как представитель Министерства абсорбции, организовывал эти важные мероприятия, поэтому от их первой и до последней минуты был чрезвычайно занят.

И вот именно у этого, второго Бориса, мне по заданию редакции и предстояло взять интервью, хотя я бы, честно сказать, с гораздо большим удовольствием побеседовала с первым.

В назначенный день Борис Михайлович переступил порог редакции.

- О чём будем беседовать? — спросил меня он.

Я внутренне усмехнулась — ну, о чём мы с ним будем беседовать? Как будто есть варианты! О Министерстве абсорбции, конечно. О проблемах и задачах, которые стоят перед общиной. О наших трудностях и о том, как мы с ними боремся.

- Если хотите поговорить о творчестве, то я захватил с собой книги.

О каком творчестве? О чём творчестве?

Я почувствовала себя школьницей, перепутавшей расписание. Помните, как в детстве: вызубрил физику, заходишь в класс, а там история! Хорошо, что у нас в редакции есть чайник, можно пойти его включить, а по дороге собраться с мыслями.

Итак, что мы имеем? Я была готова к беседе с чиновником, а передо мной — поэт. Значит, мне придётся отбросить все домашние заготовки и импровизировать на ходу, чтобы совместить в одном интервью две грани личности собеседника. Интересно! Ну, поехали!

- Борис Михайлович, о вас часто пишут?

- Не сказал бы. Я человек камерный. Спокойно работаю, делаю своё дело, под объективы фотокамер не лезу.

- Вы на сегодняшний день — единственное должностное лицо, которое в Министерстве абсорбции занимается непосредственно горскими евреями.

- Да, это так. Несколько лет назад нас было двое — я и Яков Бар-Шимон, и между нами были поделены сферы деятельности, а сегодня я один, и все вопросы, связанные с абсорбцией горских евреев проходят через меня.

- Ну, в таком случае, Вы должны быть одновременно и педагогом, и психологом, и социальным работником, и хорошим администратором... Кто же вы по образованию?

- Моё первое образование — учитель музыки, дирижер хора с уклоном в композицию. Много лет работал завучем. Затем я окончил институт культуры в Краснодаре по методике и организации культурно-воспитательной работы и Хайфский университет по специальности социальный работник. Так что, как видите, всё, перечисленное Вами, присутствует.

- Как вам удаётся совмещать работу министерского чиновника и творчество? Проекты, администрирование, деньги, проблемы.... И поэзия.

- Но я ведь поэтом стал задолго до того, как занялся администрированием. Стихи я пишу с юности. У меня вышли три книги.

- Борис Михайлович, вашу личную абсорбцию я назвала бы очень удачной. Получили в Израиле ещё одно высшее образование, работаете в министерстве, имеете возможность многое сделать для общины, помочь людям. Как Вы считаете, почему у одних получается, а у других нет?

- Вы нарисовали очень радужную и безоблачную картину. У меня всё тоже не сложилось в один день. Было и есть немало трудностей и проблем. Но я считаю, что всё зависит, во-первых, от терпения и упорства, а, во-вторых, от правильного подхода к ситуации. Я приехал в Израиль в декабре 1991, в самый разгар алии 90-х, и так же, как и все, прошёл и периоды изнурительной и не самой престижной работы, и совмещение работы с учёбой, и безработицу, но не переставал удивляться, когда в разговорах со многими русскоговорящими репатриантами слышал только жалобы и недовольства. Мол, всё плохо, очень трудно, государство нам даёт очень мало. Откуда такие несправедливые требования? Нас приняли, дали возможность бесплатно учить язык, дали деньги на обустройство, хотя мы сами для этой страны ещё ничего не сделали!

Я считал, что нам помогли вполне достаточно, а теперь уже мы сами должны идти вперёд, обустраиваться и, кстати, подумать, чем сами можем быть полезны этой стране.

Эта мысль: что я могу сделать, чем могу помочь стране и людям, не давала мне покоя. Я начал анализировать. Что я умею? Преподавать. А что я могу преподавать в Израиле? Иврит. Он пошёл у меня очень неплохо. Не могу сказать, что на тот момент я знал его в совершенстве, но ведь были люди, особенно люди преклонного возраста, которые не знали языка вообще. И я решил, что нужно помочь пенсионерам в освоении элементарного иврита. Эти знания облегчат им жизнь, помогут общаться в магазине, поликлинике, сделают их не такими беспомощными.

И в 1993 году я организовал ульпан для пенсионеров. Он существует и по сей день. Некоторые мои ученики ходят на уроки годами. Кого-то из первых уже нет в живых.

Сейчас я отчётливо понимаю: старики ходили и ходят в этот ульпан не только для изучения иврита. Им необходимо внимание, терпение, понимание, именно это я и стараюсь им дать.

- Среди Ваших пожилых учеников много выходцев с Кавказа?

- Нет, сегодня уже нет ни одного. Мои ученики — репатрианты из других регионов бывшего СССР. Наши старики, по ряду причин, в этом плане не слишком активны.

- Если ульпан — это хобби, то в своей профессиональной деятельности Вы работаете именно с выходцами с Кавказа. И именно Вы один из немногих, имеющих возможность увидеть ситуацию и извне, и изнутри. Что, по вашему мнению, на сегодняшний день происходит с кавказской общиной в Израиле?

- На мой взгляд, за 16 лет, я имею ввиду годы, прошедшие с начала массовой алии 90-х, община учится приспособливаться к израильской жизни. Неплохо адаптировались наши дети, со взрослыми,

конечно, сложнее. Некоторые ещё продолжают руководствоваться теми жизненными устоями, которые были когда-то, не могут или не хотят перестраиваться в новых условиях. Хорошо это или плохо — это вопрос философский, но ясно, что это очень осложняет их жизнь. И одна из главных проблем, с которой нам приходится сталкиваться в настоящее время, — это с каждым днём нарастающая разобщённость поколений, разобщённость во взглядах, мировоззрениях отцов и детей. Наша общая первоочередная задача — сделать всё для того, чтобы эта разобщённость не превратилась в пропасть. Я решение этой задачи ставлю в ряд самых необходимых дел. Абсолютно ясно, что если этому процессу не противостоять, то он приведёт к расколу внутри семьи, к непониманию, к тяжелым конфликтам.

А конфликты, они уже есть. Часто встречаются семьи, где серьёзная конфликтная ситуация назрела между дочерьми и матерями. Девочки, выросшие в Израиле, смотрят на мир глазами израильтянок, и требования, которые к ним предъявляют матери, кажутся им необоснованными придирками, пережитками прошлой жизни.

Уже нередки случаи, когда девочка, желая вести нормальный для Израиля образ жизни, уходит из дома, поселяется отдельно. Для родителей такая ситуация совершенно неприемлема, расценивается как позор, разврат, а для израильской действительности это вполне нормальная ситуация.

Мне очень часто, как Вы сказали, приходится брать на себя функции социального работника и вести длинные беседы с девочками, выслушивать их и убеждать не доводить ситуацию до окончательного разрыва.

- Возможно, в данной ситуации надо беседовать не столько с детьми, сколько с родителями, советовать им мудрее относиться к сложившимся жизненным обстоятельствам.

- С родителями работать нужно, но по моему опыту размеры конфликта зависят от того, насколько мягко и тактично девочка может убедить родителей не препятствовать ей в её стремлениях, например, пойти служить в армию.

- Многие наши читатели знакомы с проектами Министерства абсорбции, которые работали, продолжают работать и приносят огромную пользу. Но по большому счёту, все эти проекты разработаны в помощь молодёжи, начиная с младшего школьного возраста и до армии, до поступления в университет. И прогресс, действительно, налицо. Дети пошли вперёд, учатся, служат, многие прекрасно адаптировались в израильском обществе. А как помочь их родителям?

- Совершенно верно. Для того, чтобы перебороть все эти трудно-

сти, мы создали специальную программу «Орут ве мишпах» - «Родительская миссия и семья». В рамках этого проекта мы вместе с Джойнтом провели два двухгодичных курса в колледже «Семинар а-кибуцим», где обучались руководители «родительских» групп. На этих курсах обучались представители всех городов компактного проживания горских евреев. И теперь наши выпускники в своих городах создают родительские группы и работают с ними. Основное направление работы - помочь нашему старшему поколению понять, что, оставляя всё лучшее, что было в кавказской общине, мы должны находить то хорошее, что есть в израильской действительности. До сознания родителей нужно донести, что борьба «отцы и дети» никогда не может закончиться чьей-то победой. Нужно научиться приходить к компромиссу, т.к. молодёжь по природе своей идёт по течению развития общества, а среднее и старшее поколение, препятствуя ей, идут против течения, следовательно, всегда окажутся в проигрыше. Вот этому и учат родителей наши бывшие студенты: стараться понять молодого человека и помочь ему двигаться вперёд.

- Какие проекты Министерства абсорбции, по Вашему мнению, особо повлияли на интеграцию кавказских евреев в израильское общество?

- На мой взгляд, три проекта, словно три кита, стали базой интеграции горских евреев в израильскую действительность, катализатором абсорбции. Первый и самый мощный проект — «Пеле» (Чудо) в помощь ученикам старших классов для успешного получения аттестата зрелости. Второй — оплата обучения студентов в ВУЗах посредством управления по делам студентов (минхаль а студентим). И третий — внедрение в отделы по трудоустройству (лишкат авода) представителей общины в качестве координаторов по поиску работы в таких городах, как Сдерот, Беэр-Шева, Кирьят Гат, Ашдод, Хадера, Хайфа, Нацрат Илит.

- Борис Михайлович, простите, что перескакиваю с темы на тему, но вот сейчас, я слушала Ваш рассказ о работе, об очень серьёзных вещах, которыми Вы занимаетесь изо дня в день, и не могла отделиться от мысли: неужели у Вас есть время, а главное, есть желание писать?

- Я очень много времени нахожусь в дороге. Живу в Ор-Акиве, Министерство в Иерусалиме, кроме того, много других поездок по долгу службы. Вот эти часы я и использую для поэзии. Получается не так уж и мало. Помогает то, что я всегда свои стихи сочинял в уме, а только потом переносил на бумагу. Поэтому я могу одновременно вести машину и сочинять стихи. Иногда даже сама дорога навеивает темы для стихов. Однажды в дороге я обратил внимание на то, как

ведут себя различные машины, «Мерседес», к примеру, и сравнил их поведение с манерами людей. У меня возникла мысль написать песню для израильских водителей, и написал песню на иврите. Я сейчас вообще много пишу на иврите.

- Но русский же гораздо более певучий язык!

- Я бы так не сказал. У меня даже есть стихи на эту тему:

Божественно звучит певучий наш иврит.
И не поддавшись интересам узким,
Не спорит он с английским или русским:
На нём Всевышний с миром говорит.

- А кто пишет музыку к Вашим песням?

- И музыку я пишу сам. И сам иногда исполняю, но для друзей.

- А у Вас есть какая-то излюбленная тема, как для Пушкина — осень?

- Сложно сказать. Я могу прочитать стихотворение, оно написано у меня на трёх языках: русском, горском и на иврите. Видимо, эта тема мне близка, поэтому и захотелось её выразить на трёх языках:

Что в прошлое ушло,
то не забыто.
Но что ушло,
теперь не так остро.
Воспрянув не из пепла,
а из быта,
Я вновь в мажор
макну своё перо.

Мне нравится,
что время счёт свой знает
И, птицей залетев
однажды в дом,
Одним крылом
нам слёзы утирает
И радости
приносит на другом.

Есть и ещё одно стихотворение, которое я считаю очень важным в своём творчестве. Оно было написано в тот период, когда я окончил Хайфский университет. Мне начали поступать предложения, как фигуре в общине достаточно заметной, заняться политикой. И я отказался.

- А почему? Насколько я знаю, многие о таких предложениях мечтают!

- Я человек другой породы. Я считаю, что или ты профессионал в какой-то области, или ты политик. Вместе это не идёт. Можно, конечно, оставить всё и профессионально заниматься политикой, но это не для меня. Поэтому я отказался. Мой отказ был воспринят некоей влиятельной персоной очень болезненно. Мне заявили, практически, следующее: моего влияния хватит, чтобы закрыть тебе все пути.

И действительно, я довольно долго после окончания университета искал работу и никуда не мог устроиться. Но, слава Богу, по-

явилась вакансия в Министерстве абсорбции, всё наладилось. Вот в этот период моей жизни и родилось стихотворение «Арена»:

И вот я прибыл в цирк.
Освоить надо трюки.
И клоун Мордехай
мне говорит: «Сынок,
ты голову припрячь
и демонстрируй руки,
а иначе беда
преподнесёт урок».

Не знает Мордехай,
что дух противоречья,
господствуя во мне,
не даст освоить трюк.
И голова гудит
от первого увечья,
и боль сидит в костях
бескомпромиссных рук.

А я иду, как шёл.
Я в цирке, как вне цирка.
Массивный, словно слон,
мне молвит Соломон:
«Я - дрессировщик львов,
но приручил и тигра.
И ты теперь ко мне
прибудешь на поклон».

Отведал Соломон,
что дух противоречья
во мне, как сталь, кипит,
что не боюсь угроз,

хоть голова гудит
от нового увечья,
и боль в руках сидит
и мучает до слез.

Я на канат шагнул
под куполом высоким.
С тревогой говорит
мне Бенья - акробат:
«Ещё не изучил
ты главные уроки,
тебе ещё нельзя
раскачивать канат».
Не знает акробат,
что дух противоречья
мне крылья подарил
десятки лет назад;
что предок мой во мне
живёт тысячелетья,
и любим мы порой
раскачивать канат.

И замирает зал,
ведь я в прыжке
под купол.
В улыбке Мордехай.
В поклоне Соломон.
А Бенья к небу вновь
воздел с мольбою руки.
Я с высоты рукой
машу - таков закон!

- Борис Михайлович, огромное Вам спасибо за интересную беседу, за стихи. Позвольте Вам пожелать успехов во всех делах, а, прежде всего, в творчестве - новых стихов, новых песен. И приходите к нам ещё. С вами интересно.

Интервью окончено, выключен диктофон, но не закончилась наша беседа. Мы ещё долго разговаривали, читали стихи, обсуждали насущные проблемы...

Позже, готовя интервью к печати, я подумала: дать оценку рабо-

Борис Ханукаев и Арье Корат

те министерского чиновника могут все. Поэтому и я могу рискнуть, высказав своё мнение, что общине повезло, т.к. в самом главном для репатриантов Министерстве её делами занимается именно Борис Ханукаев.

А вот анализировать и оценивать творчество поэта, должны специалисты. Я в их число не вхожу. Но даже мне понятно: если автор в числе наиболее для него важных представил именно стихотворение «Арена», то это говорит, прежде всего, о его Человеческих качествах.

«ПО СКАЗКЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ, А СЕРДИТЬСЯ НА НЕЕ ТЕМ БОЛЕЕ»

Амалдан Кукуллу (Кукулиев Аамал Данилович) — мыслитель, поэт, сказочник, самобытный философ, автор множества книг, изданных на горско-еврейском и русском языках. Писатель родился 3 января 1935 г. в Хасавюрте (Дагестан), умер 25 мая 2000 г. и похоронен на Востряковском кладбище в Москве.

В 2005 году в честь 70-летия Амалдана Кукуллу его сыном Даниилом Амаловичем Кукулиевым был начат проект «Золотой сундук Амалдана Кукуллу», в рамках которого предполагается выпустить в свет собранные с 1955 по 1995 гг. Амалданом Кукуллу фольклорные и исследовательские материалы. На сегодняшний день издана первая книга — сборник горско-еврейских сказок «Сказки древнего народа».

С большой радостью мы в редакции восприняли известие о том, что сын Амалдана Кукуллу находится в Израиле, и есть возможность взять у него интервью. И вот мы уже беседуем с Даниилом Амаловичем Кукулиевым — генеральным директором московского издательства «Амалданик» в квартире его родственников, у которых он гостит в Израиле. Что символично — беседуем на кухне, как в прежние советские времена. Приятно вспомнить, сколько мы все провели посиделок на кухнях, сколько сокровенных и душевных бесед там прошло.

Конечно, современная израильская кухня ни капли не похожа на те, советские, но и здесь нам было спокойно, уютно попивать чаёк и вести неспешный разговор. Передо мной лежит бесценное сокровище — только что подаренная мне книга сказок. У неё такая красивая, похожая на кавказский ковёр, обложка, что всё время хочется дотронуться рукой.

— Даниил, это же безумно дорогое удовольствие! Сегодня многие издатели стараются на обложке, бумаге, оформлении сэкономить, а тут... Ты не погорячился?

— Мне это многие говорят. И перед изданием советовали выпустить что-нибудь подешевле и попроще, но я решил на качестве не экономить. Сказки нельзя издавать по-другому. Книга сказок должна быть красивой и праздничной. Тем более, что отец мечтал о красивой книге.

- Но она же не одна! Проект предполагает выпуск ещё нескольких томов! Значит, они должны быть точно такого же качества?

- Правильно. Я надеюсь осилить издание ещё, как минимум, 6 книг. Не все сразу, постепенно, но планку опускать нельзя, это точно.

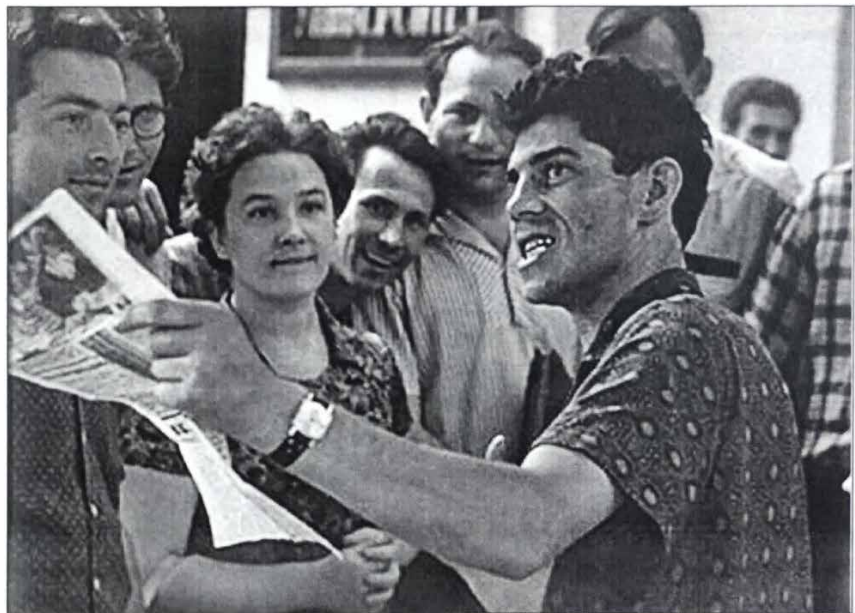
- И все 6 томов – сказки?

- Нет. Сказок, подготовленных отцом к печати, хватит ещё на 2 тома. Затем пойдут 2 тома пословиц, поговорок, проклятий, прибауток и т.п. Далее – том стихов и том воспоминаний отца о том, как собирался фольклор, его исследования и философские рассуждения.

Кстати, многие друзья отца мне говорят: «Зачем ты занялся изданием сказок? Надо было, прежде всего, издать стихи. Это такая поэзия! В литературе нашего народа такое редко встретишь». Но, я думаю, отец бы начал со сказок, поэтому и я начал с них. Дело в том, что сказки нашего народа уже никто никогда не издаст, потому, что их просто уже нет. В тех местах, где отец эти сказки собирал, уже осталось пол-еврея, да и те ничего не помнят. А в Москве, в Израиле, в Америке, где живут сейчас горские евреи, тот непередаваемый колорит, который был на Кавказе, отсутствует, народ начинает растворяться.

- Получается, что все собранные материалы Амадан Кукуллу успел сам подготовить к печати, а издать не успел?

- Что ты! Не все, далеко не все материалы, собранные отцом, подготовлены. Он очень торопился перед смертью, хотел подготовить как можно больше, но не успел. Обработана лишь часть. Огромное количество материалов находится ещё на магнитофонных лентах, которые

он привозил из своих экспедиций. Многие годы отец ездил по аулам и записывал фольклор. Я помню, как он таскал на себе магнитофон - совершенно неподъёмную бандуру, но на тот момент самый крутой, купленный за деньги, которые несколько лет копились на телевизор.

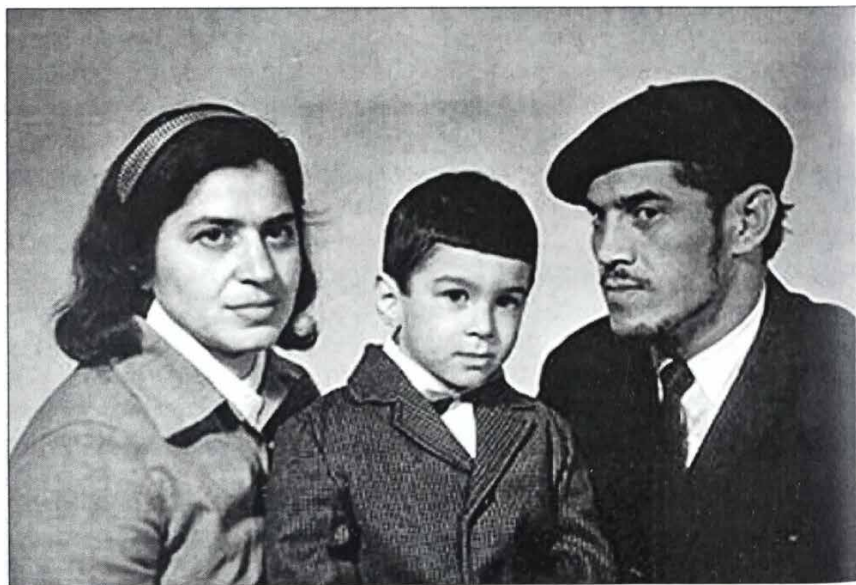
Так вот, эти самые плёнки нам ещё предстоит обрабатывать. Надеюсь, что до них дойдёт очередь. У меня всё время руки чешутся залезть в этот магнитофонный архив и узнать, что же там ещё записано, но пока времени не хватает. Обработать бы то, что уже на бумаге.

- Знаешь, когда я поняла, что Амалдан Кукуллу — это псевдоним, я даже немножко расстроилась. Это имя так красиво звучит! Хотелось, чтобы оно было настоящим. А почему он выбрал именно такой псевдоним?

- Видимо, он подбирал, искал, т.к. каждая часть этого псевдонима имеет какой-то смысл. Насколько я знаю, «амал» — мудрый, хитрый, «дан» - знающий, «кук» — сын, «уллу» — почтительного. Отец рассказывал, что наш род издавна назывался родом Кукуллу, а Кукулиев — принадлежащий к роду Кукуллу. Отец знал свой род до седьмого колена. Его предок седьмого колена был писарем при багдадском халифате. А фамилия Кукулиев появилась только в начале прошлого века, когда все должны были записаться под какими-нибудь фамилиями.

- Ты никогда не задумывался, почему Амалдан Кукуллу — талантливый поэт и журналист вместо того, чтобы заниматься продвижением своих произведений, занялся собиранием сказок?

- Я думал об этом. Для моего отца, по большому счёту, самым главным в жизни был его народ и та работа, которую он для него делал.

А поскольку, всё, что он делал, он делал искренне и с любовью, то и работе по собиранию фольклора он был предан фанатично, выполнял её добросовестно и абсолютно бескорыстно. Отец считал горско-еврейский фольклор уникальным, видел, как он постепенно исчезает, забывается, и старался его сохранить для потомков.

Чем интересен этот фольклор? В нём очень интересный замес исконного иудаизма, восточного колорита (всякие роскошества, как в «Тысяча и одной ночи») и суровый, до жестокости, дух Кавказа. Поэтому эти сказки и читаются так интересно.

Есть в них и ещё одна характерная особенность: горско-еврейские сказки изначально жестокие. Поэтому отец собирал их особым способом: слушал одну и ту же сказку в исполнении нескольких сказителей, потом выбирал из всех повествований лучшее — у одного этот эпизод лучше, у другого тот, складывал все лучшие эпизоды в единую сказку и творчески их дорабатывал. Получается, что в книге собраны не чисто фольклорные сказки, а сказки Амалдана Куккулу.

- Но почему его работа сопровождалась такими трудностями, вложением последних денег? Насколько я помню, собирание фольклора в Советском Союзе было делом государственным. Я сама выезжала в студенческие годы в фольклорные экспедиции по русским деревням.

- Но он-то собирал горско-еврейский фольклор! И это в то время, когда в государстве пытались забыть о существовании такой национальности, тем более, о её культурном наследии. Ты, наверное, знаешь, что в 1974 году отцу удалось издать книгу сказок «Золотой сундук». Он пробивал это много лет. В 1969 году ему удалось заключить договор с издательством «Наука». После этого в течение 5 лет он ходил в издательство ежедневно, как на работу, и пробивал исполнение договора. В 1974 году книга была подписана к печати, но в исковерканном варианте. Из неё было вырезано всё, что касалось иудаизма.

У отца тогда было 2 пути: или издавать «Золотой сундук» в таком урезанном виде, либо не издавать вообще. И он решил издать хотя бы что-то.

После того, как книжка вышла в свет, отца перестали печатать. Он попал в разряд людей неугодных советской власти. Его не приняли в Союз писателей, хотя до этой книги им были изданы уже 9 книг.

Но автор не может писать в стол, ему нужен читатель. Так и возник самиздат «Амалданик».

- И это, я понимаю, попахивало антисоветчиной и диссидентством.

- Отец по сути своей диссидентом не был. Ему было только важно, чтобы дали высказаться. Но ведь не давали же! Анатолий Сенин, его друг и соратник, с которым отец подружился, перебравшись в Москву, вот тот был диссидентом. Он категорически не принимал существующий режим, не желал на него работать, бунтовал.

А отец просто был очень добрым и отзывчивым человеком. Не мог спокойно наблюдать за творящейся несправедливостью. Участвовал во многих акциях, например в защиту священника отца Дмитрия Дудко, и, естественно, за это тоже попал в списки неугодных.

Связавшись с самыздатом, отец сильно рисковал, но в то время творческая интеллигенция этими самыздатовскими изданиями жила, это была отдушина, окно к правде, свободе. А сейчас, когда у нас гласность и «всё можно», что-то ушло, уже нет той остроты, тех чувств. Сейчас обо всём можно прочитывать в газетах, в Интернете, услышать на лекции. И многие творческие люди в эпоху гласности потерялись. Но тогда самая малая возможность напечатать или прочитывать что-то неполноценное была счастьем.

И отец начал издавать альманах, стихи, фольклорные произведения. Почётным членом редколлегии самыздатовского альманаха был академик Сахаров.

Отца много раз предупреждали, забирали, и в какой-то момент за всю эту «антисоветскую» деятельность его посадили. Но суда никакого не было, отец отсидел около года, и его отпустили.

- Надо сказать, что у тебя было непростое детство и непростой папа.

- Папа, как папа. Я не видел в нашей жизни ничего особенного или из ряда вон выходящего. Мне приходилось общаться со многими людьми из отцовского окружения, и я видел, что другие живут точно так же, как мой отец, поэтому считал нашу жизнь нормальной.

А интересное было время, и жизнь была интересная. Конспиративные квартиры, где собирались поэты и писатели. Каждый готовил какие-то доклады, обсуждались какие-то запрещённые темы.

Ходили по одному, с перерывами в 5-10 минут, встречались тайно около метро. Я помню, как заманчиво для меня всё это выглядело, мне казалось, что это увлекательная детская игра. Отец иногда говорил мне: «Пойдём со мной, с тобой не заберут».

Или вот такая нормальная для любого мальчишки история — пришёл из школы и забыл записать домашнее задание. Надо позвонить кому-нибудь и узнать. Поднимаю трубку, а там цикает что-то — телефон на прослушке.

Был период, когда отец работал педагогом в общежитии. Это было прекрасное время, эта служба позволяла ему работать творчески. Он мог общаться, писать и исписал бесчисленное количество амбарных тетрадей. Но по прошествии какого-то времени его на такую работу уже не брали, а в советское время не работать было нельзя, можно было сесть в тюрьму за тунеядство. И он устраивался туда, куда брали: кочегаром, грузчиком, сторожем и был под постоянным наблюдением. Помню, мы с отцом ходили в ЖЭК, где с отцом беседовал строгий

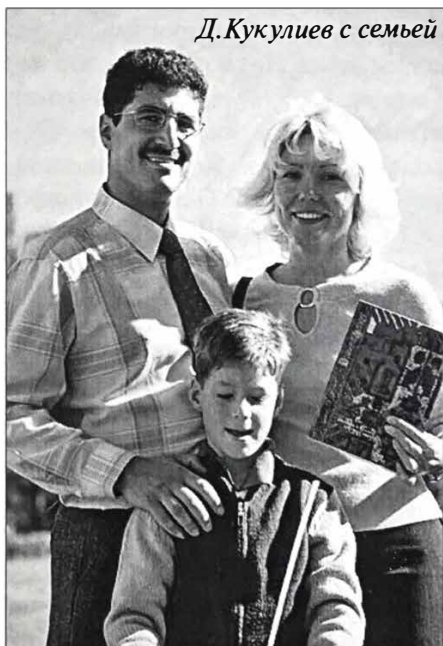
дядечка, который ему внушал: это нехорошо, вы ведёте неправильный образ жизни, у вас растёт ребёнок, какой вы показываете ему пример и т.д., и т.п. Я слушал всё это, и у меня не было ни тени сомнения, что папа прав, а дядька - зануда.

- А как реагировала на всё происходящее мама?

- Бывало по-разному: в чём-то поддерживала, иногда скандалила. Конечно, ей было нелегко, она сама вела всё хозяйство, на её плечи выпала нелёгкая ноша. Но, несмотря на все бытовые трудности, она старалась отцу помочь, верила в него. Мама, библиотекарь по профессии, помогала с рукописями, переписывала, вычитывала.

Понимаешь, отец был необыкновенным человеком. Он был очень светлым, иногда по-детски наивным, может быть поэтому, он обожал общаться с детьми. Когда к нам в дом попадали дети родственников, они от него не отходили. Уже, будучи взрослым, я с удовольствием наблюдал, как он играл с моими детьми, его внуками: он рассказывал им сказки, показывал фокусы, или вдруг начинал сочинять вместе с ними новую сказку. Вообще, отец обожал рассказывать. Он без этого жить не мог. Если находился человек, готовый слушать, если он видел внимательные глаза, то рассказывать мог часами.

Я всегда поражался его усидчивости, его упорству. Он всю жизнь бил в одну точку, но благодаря этому после него осталось колоссальное наследие, остались уникальные материалы, имеющие и художественную, и научную, и общечеловеческую ценность.

Д. Кукулиев с семьей

Он был человеком невероятной работоспособности и целеустремлённости. Взять хотя бы его работу в самыздате. Книги в самыздате издавались с огромным трудом, но при этом очень плохого качества. Не было ни ксероксов, ни компьютеров. Каждая страница перепечатывалась на машинке (которую потом при обыске конфисковали). 5-6 экземпляров под копирку, поэтому последние экземпляры были практически нечитабельными. И тогда за какие-то немыслимые деньги (а в доме на тот момент нечего было есть) отец где-то приобрел наборную машинку с буквами, как в газетах. Это была под-

польная, нигде не зарегистрированная машинка. Как он её раздобыл — неизвестно. Но с её помощью книги выпускать было легче.

- Получается, что тот «Амалданик», который ты сейчас возглавляешь — прямой наследник своего нелегального предка?

- Нет. Он уже при отце стал легальным. Как только в 1991 году появилась возможность из самыздата перейти к легальной работе, он тут же зарегистрировал издательство «Амалданик», а я параллельно организовал типографию. Он, естественно, не начал сразу же зарабатывать, но, по крайней мере, получил возможность издаваться официально.

После смерти отца я слил эти 2 предприятия и продолжил и издательскую и полиграфическую деятельность. «Амалданик» сегодня работает по трём разным направлениям — издательство, типография и рекламное агентство.

- Значит, у тебя в юности вопрос с выбором профессии не возникал?

- История с получением мною образования достаточно простая. После окончания 8 класса мне надо было решить, что делать. В 9-10 меня не брали, места для меня не нашлось. И мы решили: в семье есть писатель, есть библиотекарь, значит должен быть издатель, и я пошел в полиграфическое училище, а потом окончил и полиграфический институт...

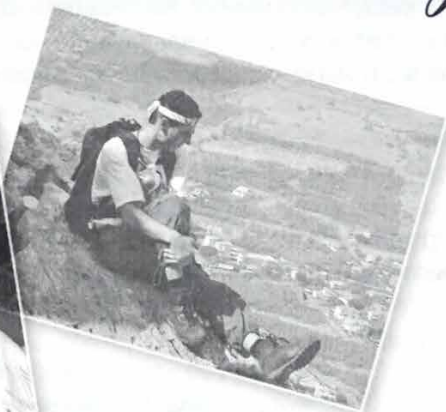
- И теперь ты можешь претворить в жизнь мечту Амалдана Кукуллу и издать его книги! Первый том перед нами, каковы дальнейшие планы?

- Второй том подготовлен, хоть завтра сдавай в типографию, осталось, как всегда, решить лишь вопрос денег. Но, я надеюсь, это не за горами. А дальше — как Бог даст. Главное, что мы решились начать этот тяжёлый проект, и теперь отступать некуда.

- Даниил! То что ты делаешь... Нет, не верно — то что вы делаете, я знаю, что тебе всегда и во всём помогает твоя жена Ольга, - это огромное дело всенародной важности. Я от себя, от нашей газеты, от всех её читателей желаю вам успеха.

Уроки молодых

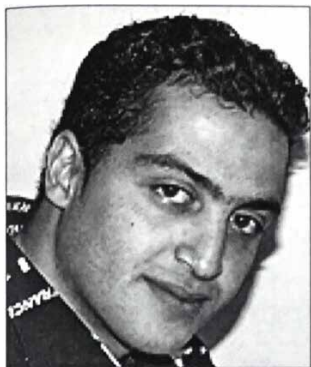

Статьи из этого раздела можно было бы спокойно распределить по другим «урокам» (за исключением «Урока истории», разумеется). А вот включить в него персонажей других разделов, к сожалению, невозможно. Главное качество, объединяющее всех тех, о ком вы читаете в «Уроках молодых», - отсутствие груза прожитых лет. Прожили они действительно ещё не так много, но уже кое-чему у них можно научиться.

Я очень горжусь каждым героем этого раздела, ведь они строят не только своё будущее, но и будущее своей общины. На них, с надеждой на всё доброе и светлое, смотрят представители старшего поколения.

Так пусть дерзают! Уверена, мы ещё услышим об их политических, общественных и творческих победах.

О ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ

Писать о поэзии сухим языком прозы — дело неблагодарное. Как уйти от банальных фраз, как не повторить всего того, что обычно пишут в предисловиях к поэтическим сборникам? Наверное, надо постараться быть такой же честной и искренней, как те стихи, что вам предстоит сейчас прочитать, а точнее, как их автор.

В чём моя задача? Коротко рассказать тебе, читатель, о книге «Недопетые песни мои...» и поделиться своим мнением о ней. Но моё мнение не может быть объективным, я всего лишь человек. Человек, которому по воле профессионального долга довелось редактировать стихи Дмитрия Раханаева. И вот теперь мне предстоит донести до читателя в небольшой статье все те чувства и эмоции, которые они во мне всколыхнули.

Что меня подкупило в его стихах? Прежде всего, страстность, напор и энергия.

Смычком и кистью будет мне перо служить покорно;
Вот звуком сочно-сладостным ложатся строчки вровень,
И струны трепетной души слегка аккордом тронув,
Изобразу я лиры лик горячей краской — кровью.

Вот так. Не больше и не меньше. Смесь кавказского темперамента с врождённой эмоциональностью сделали своё дело. Его строчки порой звучат несколько самонадеянно, но я не берусь его за это осуждать. Он молод, энергичен, в нём кипят страсти, и всё это отражается в его стихах.

А ещё я нашла в них океан нерастраченных чувств, предвкушение грядущей любви, тогда как в других его стихах чувства совершенно противоположные — шемящая грусть, боль, обида. И это показалось мне таким настоящим, таким честным и ненаигранным. В его стихах нет позёрства, театральной показухи. Все чувства здесь настоящие и стопроцентные.

Коль любится, любите без остатка,
Любите кровью и душой, и телом.
Любите полноценно, коль вам сладко,
Любите, не боясь, любите смело.

Здесь нет надуманности. Стихи отражают переживания поэта, его мысли, чувства, его понимание или философское осмысление самых различных аспектов жизни, хотя я не всегда согласна с его философскими рассуждениями и с теми выводами, которые на основании этих рассуждений он делает в своих стихах. И это моё несогласие порождало в процессе работы над книгой бурные (и интересные!) дискуссии.

Да что там философия! Порой из-за какой-нибудь спорной рифмы или придуманного Димой «неологизма» мы вступали в жаркие перепалки, по-настоящему ссорились и обижались друг на друга, точнее, я на него. Вот, к примеру:

Голубеет небо,
Лучезреет день.
Я встречаю негу,
Погружаюсь в тень.

С небом, которое «голубеет», я ещё как-то смирилась, но, объясните мне, что это такое «лучезреет»? Этого я пережить уж никак не могла и начала искать «неудобному» слову подходящую замену. Что он имел в виду, когда писал «лучезреет день»?

Раннее утро, восход солнца освещает погружённую в сон землю. Его лучики пробираются в каждую щёлку, заглядывают под каждую былинку и травинку. И всё наполняется радостью. Радость переполняет сердце человека, встречающего лучезарный, яркий, блестящий, новый день.

Ну, и как всё это передать одним словом, да ещё так, чтобы читатель понял и прочувствовал это состояние так, как я его поняла? А никак. Лучезреет день, и всё тут.

А если я отвлекусь от своих «редакторских страданий», то, как читатель, смогу сказать: мне очень близко и понятно всё, о чём пишет Дмитрий Раханаев. А ещё я могу поделиться своим маленьким секретом: в минуты грусти, в минуты усталости и набежавшего пессимизма я заставляю себя несколько раз подряд повторить вот эти строчки:

Жизнь, тебя полюбил
Я очень.
Изю всех своих сил.
И очи
Светят сотней светил.

Очень рекомендую попробовать. Честное слово, помогает!

МНЕ ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ПОМОЧЬ МОЕЙ ОБЩИНЕ!

Сложно разговаривать с молодёжью, тем более с молодёжью сегодняшней. Даже, если это наши дети. Мы, воспитанные советской школой, одни. А они, разболтанные школой израильской, другие. Это общепринятое мнение.

Именно по этой причине я немного сомневалась перед предстоящим интервью с молодёжным лидером. Кто его знает, как он себя поведёт, о чём с ним вообще беседовать, какие вопросы задавать?

Сомнения улетучились, а я даже не заметила когда. То ли на первой, то ли на второй минуте встречи.

«Глаза блестят, улыбка открытая, рукопожатие крепкое», — зафиксировала я в блокноте.

- Павел Елизаров, председатель Объединения студентов выходцев с Кавказа, - представился мой собеседник.

- И как давно ты занимаешь этот пост?

Это был мой первый и последний вопрос в нашей беседе. Видно было, что Павла очень волнует тема, о которой он говорит. Рассказ был так эмоционален, что жалко было прерывать его вопросами.

- Меня избрали 28 марта. Я до последней минуты сомневался, выдвигать ли свою кандидатуру. Но когда я увидел, что организация может распасться, решил пойти на выборы и победил на них.

Я не мог допустить распада организации, в создание которой было вложено столько сил и труда моих предшественников. Эта организация нужна общине. А мне очень хочется ей помочь. Можно сказать, что это сейчас главная цель моей жизни. Я хочу сделать мою общину одной из ведущих в стране. А достичь этого можно, только работая с молодёжью.

Ведь вот посмотрите, какой интересный факт получается: наша организация, Объединение студентов выходцев с Кавказа, была создана в 1995 году инициативной группой во главе с Йонатаном Мишиевым и Робертом Абрамовым при поддержке нынешнего мэра города Ор-Акива Симхи Есипова. На тот момент в Израиле было всего 70 студентов выходцев с Кавказа. А на сегодняшний день их около 1700! И это ещё не предел!

Очень большую роль в таком скачке сыграла наша организация.

Велась постоянная работа на местах с подростками и молодёжью по усилению мотивации продолжить своё образование в высших учебных заведениях.

Вспомните, как серьёзно был поставлен на Кавказе вопрос образования. А здесь, в Израиле, по очень многим причинам он отошёл на второй план. Трудности абсорбции, языковой барьер, материальное положение семей... Конечно же всё это повлияло. Когда молодой человек стоит перед вопросом: идти учиться и забирать деньги из семьи, или идти работать и помогать семье, в большинстве своём молодёжь склонялась ко второму варианту. А образование оставлялось на потом. И, как правило, это «потом» никогда не наступает.

Мы столкнулись не только со студенческой, но и с армейской проблемой. Те молодые люди, которых на Кавказе называли джигитами, здесь делают всё возможное, чтобы увильнуть от армейской службы. И всё по тем же причинам.

Я считаю, что здесь был допущен серьёзный просчёт Министерства Абсорбции. В большом потоке алии не увидели специфики нашей общины, не нашли к ней правильный подход.

Так это оставлять было нельзя. Ошибки, хоть и не свои, надо исправлять. Они дорого стоят общине. Получилось, как в известной пословице: спасение молодёжи — дело рук самой молодёжи.

С 1995 года мои предшественники провели огромную работу: добились от Министерства Абсорбции выделения помощи нашим студентам, много работали с молодёжью на местах, пытались её объединить, пытались добраться до сознания каждого.

Но с момента смены руководства работа стала ослабевать, ослабевать, и я почувствовал, что вот-вот она сойдёт «на нет». А этого я допустить не мог потому, что ещё не время останавливаться. Подрастает следующее поколение, и очень важно какими они выйдут в жизнь. Для меня помочь им, поднять их образовательный и личностный уровень — дело чести.

У нас сейчас много филиалов организации на местах, среди которых филиалы в Тель-Авиве, Ришоне, Сдероте, Ор-Акиве, Беер-Шеве. Я очень хочу, чтобы их стало больше. Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы помочь ребятам на местах в их работе.

Ещё одна серьёзная проблема, которую предстоит решить как можно быстрее: на сегодняшний день Министерство Абсорбции выделяет помощь только студентам до 10 лет в стране. Это значит с 1995 года репатриации и позже. Но все мы знаем, что основная алия была как раз — таки до 1995 года. А ещё есть алия 70-х. Почему их детям, если они нуждаются, не полагается помощь?

Я очень надеюсь за два года пребывания на этом посту решить данную проблему.

Да и кроме этого многое намечено. Постараюсь как можно больше выполнить и через два года передать дела следующему председателю. Я считаю, что на этом посту больше двух лет находиться нельзя. Это очень тяжёлая работа. И, чтобы её выполнять как следует, нужно гореть идеей. Но проходит два года, и, как правило, энтузиазм ослабевает. Вот тут-то и нужна смена руководства, чтобы влить в организацию новую струю сил и энергии.

А сил и энергии нужно много не только для работы с молодёжью, но и для того, чтобы сплотить общину. Сейчас община очень разбросана, разрознена. Мало этого, в Израиле сложилось устойчивое негативное мнение о нашей общине. Возьмите какую угодно ситуацию: от селекции при входе на дискотеку до момента устройства на работу.

И это очень обидно! Мы гордимся нашими предками, стоявшими вместе с представителями других общин у истоков создания государства Израиль, и также хотим гордиться нашими современниками. Среди них есть много достойных. Только надо им немного помочь, подставить плечо в нужную минуту, и я уверен, что потихоньку ситуация в общине изменится. Да она уже меняется. Только не надо останавливаться на достигнутом. Необходимо идти вперёд!

ЭКСТРИМАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Всё началось с очень интересной заметки в Интернете, которая называлась «Кавказская экспедиция в Гималаях». Я ее прочитала впечатлилась и начала разыскивать автора. Но вот беда, нет никаких данных, ни адреса, ни телефона, ни электронной почты. Фамилии и той нет. Просто «Даниэль». Тогда я решила пойти другим путём: оставила, где только было возможно, свои телефоны и адрес электронной почты. Вдруг, думаю, откликнется. И он откликнулся.

Буквально на следующий день, я получила письмо по Интернету «Я сейчас не в Израиле, поэтому позвонить мне сложно. Но можем общаться по переписке».

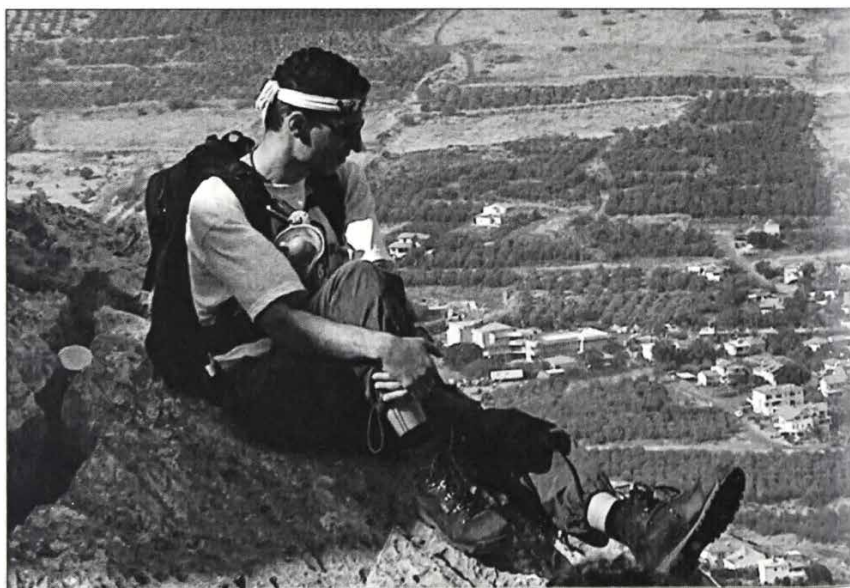
Нет проблем! Можно и так. И я пишу моему собеседнику первый вопрос:

- А где вы вообще сейчас находитесь?

Получила ответ и почувствовала себя беспробудной тупицей:

- Сейчас я нахожусь в Индии. Пару дней назад я вернулся из экспедиции в Непальских Гималаях и теперь направляюсь на юг, чтобы поближе познакомиться с последним приютом бенгальских тигров, которые населяют джунгли Южной Индии.

Почему тупицей, спросите вы? Судите сами. Я ведь только на днях прочитала заметку. А в ней чёрным по белому: «Я сижу на деревянной тахте, в шатре на берегу реки Бага. Нижние Гималаи изолировали этот поселок от суеты и шума цивилизации. Тибетская женщина принесла мне горячий нудельс, и в этой, так полюбив-

шейся мне обстановке, я открываю первую страницу дневника». А буквально через несколько дней, я задаю свой гениальный вопрос: «А где вы находитесь?».

Видимо, в сознании не уложилось, что прочитанное мною - это не литературное произведение, а заметки о происходящем именно сегодня, сейчас, то есть в реальном времени и с реальным человеком. И моё желание узнать побольше об этом человеке возросло десятикратно.

- Даниэль, пожалуйста, расскажите о себе. Кто вы, откуда, есть ли у вас семья? Ну, в общем, обо всём, о чём сочтёте нужным.

- Ташаев Данил Рафаилович. Родился 11 июня 1978 года в городе Грозный. Репатриировался в Израиль в 1992 году. Лет шесть назад я связал свою жизнь узами брака с одной кавказской девушкой с юга страны. Спустя некоторое время у нас родилась прекрасная дочь Жаннет, названная в честь моей матери. К сожалению, современная молодёжь, то есть мы, не всегда может преодолеть личные амбиции и найти компромисс в семейной жизни. Так произошло и у нас, корабль любви ударился о скалу быта, и мы решили расстаться. Сегодня моя дочь живёт со мной, и я возлагаю на неё большие надежды. Ей пока всего четыре, но я уже чувствую, что у меня подрастает помощник, партнёр для дальних странствий и путешествий.

- А почему она с вами? Это как-то не логично. Или я задала слишком личный вопрос?

- Ну, в кавказском обществе вряд ли есть личные вещи, особенно касающиеся семейных неурядиц, которые не знала бы вся округа. Поэтому шила в мешке не утаить. А если бы всё в моей жизни соответствовало логике, то вам вряд ли бы захотелось брать у меня интервью.

- Согласна. Тогда обратимся к путешествиям. Как давно в вас зародилась к ним тяга?

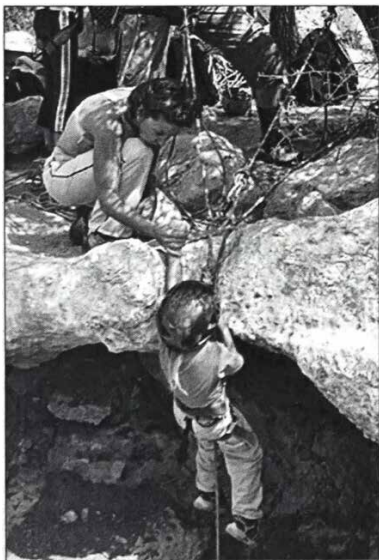
- В детстве я был достаточно домашним и пушистым мальчиком. В связи с нестабильностью в нашем регионе (Чечне) за мной присматривал зоркий глаз родителей, а особенно бабушки, которая боялась, что её внука похитят, убьют или причинят ему какой-нибудь другой вред. Растили меня несколько в ином русле. Старались научить любить школу (которую я так и не полюбил). Беспокоились о моём круге общения и т. д. В общем, как и большинство семей, желали видеть в своём сыне доктора или адвоката. Несмотря на абсолютную противоположность моего характера характерам моих родителей, я склоняюсь к мысли, что самые необходимые и трезвые мысли для самостоятельной жизни мне привили именно они. До 18 лет я ненавидел высовывать нос за пределы дворового сквера, но потом произошла резкая перемена в моём внутреннем восприятии

мира, которая продолжается до сих пор. Это, так называемый, затяжной подростковый период, когда каждый день в тебе открываются новые хорошие, а так же и не совсем хорошие качества.

- Насколько я владею арифметикой, в Израиль вы прибыли в возрасте 14 лет. Значит, доучивались уже здесь. Служили ли в армии?

- Ну, начнём с того, что арифметикой вы таки да владеете, ибо я репатриировался в Израиль ровно в 14 лет. Доучивался здесь, а если откровенно, то досиживался. Мой роман с учёбой всегда оставлял желать лучшего, и только изредка я мог удивить учителей, сдав экзамены на пять, хотя, как правило, было наоборот. Дотянув в Израиле до завершения десятого класса (из 12-летней системы среднего образования), я решил подвести решающую черту в моей учебной карьере, которая завершилась, так и не успев начаться. Просто я решил сойти с дистанции, в этой гонке за «красивым дипломом» и уступить место более усердным и пригодным для этого людям. Моя проблема (а может это и не проблема) заключается в том, что я не могу учиться тому, что меня не интересует. Я не могу уделять часы высчитыванию алгоритмов или косинусов только потому, что это предусмотрено системой образования. Мне это не интересно. Чтобы преуспеть, мне необходимо полюбить изучаемый материал, и может тогда из этого выйдет толк.

Ну, чтобы вообще не омрачать свою персону отсталостью и необразованностью, могу заметить, что в частной жизни я учусь постоянно. Мой дом завален редчайшими энциклопедиями и справочниками. Русский язык тоже не совсем беден, и я постоянно работаю над разными проектами. Но это так, для поднятия духа. А в целом неуч я, вот и всё.

Ладно, перейдём ко второй большой теме. В армии я не служил, так как должен был жениться (к тому времени уже был окольцован). Нужно было работать, деньги на квартиру копить и т.д. Ну, в общем, всё как у многих моих сверстников. Жаль, конечно, что армия осталась там, за пределами моих приоритетов, но мне придётся с этим смириться и постараться воздать должное стране другими путями.

- Как реагирует ваша семья на ваше хобби? Или это уже не хобби, а профессия?

- Ну, если говорить откровенно,

моя семья особого экстаза от моего образа жизни не испытывает. Это немного другая эпоха, другие ценности и другой стиль жизни. Наши базовые жизненные стандарты абсолютно разные. Моим родителям сложно понять меня. Они ищут во мне хорошего отца, мужа. Хотят, чтобы я жил, «как все нормальные люди», и я могу их понять. Они выросли в другое время, и тогда всё было именно так, как они считают и должно быть. Но сейчас всё по-другому. Наши поколения никогда не смогут жить и думать одинаково, но это не означает, что мы не должны понимать, а иногда и черпать полезное из советов наших родителей. У нас так называемый союз, где у каждого своё представление о хорошей жизни, и мы стараемся не навязывать друг другу личные мнения. Соблюдаем статус-кво, можно это так назвать.

А мои путешествия - это хобби, со временем принявшее характер профессии. В целом это и увлечение, и работа, и всё остальное. Это часть меня, отражение моего понятия о настоящей жизни, прожитой во благо определённого дела, идеи.

- С чего начались ваши путешествия? Т. е. первый шаг...

- Путешествия начались не с походов в джунгли и не с восхождений в горы. Всё началось с меня самого, с момента, когда я начал работать над собой и попытался найти своё предназначение в жизни. А иначе, зачем вообще жить, без целей и принципов? Произошло это девять лет назад, ну и до сих пор...

- Тогда вернёмся на 9 лет назад, чтобы понять, как и с чего всё началось. Ведь у каждого человека становление личности и поиск себя происходит по-разному. А у кого-то вообще не происходит.

- Ну, так естественно: не всем же по горам лазить! Каждый находит себя в чём-то ином. У вас журналистика, у меня (пока) путешествия, у кого - то другого музыка и т.д. У меня, к примеру, всё начиналось с самых простых прогулок по Израилю. Тогда мои финансовые возможности были немного скромней, да и сейчас они не бог знает какие.

Ну, так вот, начинал я с маленьких прогулок по Израилю. Чем больше я это делал, тем сильнее меня затягивало. Спустя некоторое время, мои путешествия стали принимать экспедиционно-экстремальный характер. Это был долгий процесс, продолжающийся по сей день. Есть тут, конечно, и духовная сторона вопроса, но это не описать в интервью, тут уже философия пойдёт, которая у меня не блещет.

- Но вы же не один по Израилю гуляли. Есть, наверное, какой-то клуб, содружество. Это тоже интересно. К примеру, молодой человек загорелся путешествиями и экстримом. К кому ему примкнуть, как воплотить мечту в реальность?

- Ну, сперва ничего не было, никакого клуба. Просто ездили с компанией в Иерусалим, или на речку. Ничего особенного, но нам всё это запомнилось. И куда бы я ни взобрался в будущем, никогда не забуду момент становления идеи. Те годы подарили мне много знаний и опыта, и тот видеоматериал, который хранится в нашем архиве, никогда не станет для меня значить меньше, чем записи путешествия по джунглям Индии или Уганды. Там я зарождался как личность, и если сегодня и есть какой-то успех, то это плод прошлого дня. Это важнейшая страница моей жизни, которую вычеркнуть нельзя.

Ходили мы везде нашей традиционной четверкой: два парня и две девушки, одна из которых — моя младшая сестра. Безбашенные были, молодые, а молодым всё ни почём. Помню, нас даже однажды снимали с горы поисково-спасательные службы Израиля, когда, сбившись с пути, мы затерялись у границ Ливана. Испугался я тогда очень сильно, и прежде всего за девчонок, им всего-то на тот момент по 13 лет было. А мы, глупые, прямо под носом у хизбаллы ночёвку устроили. И весь лес, в придачу, был усеян кабанами. В тот день на нас вообще злой рок напал: мой друг сорвался в пещере и расшиб себе голову. Но всё обошлось. Возможно, это ему тогда даже на пользу пошло: лёгкое сдвижение мозговых плат — и теперь инженером стал!

А через несколько лет всё изменилось. Мой товарищ выучился и утонул в делах и заботах. Когда нужно на жизнь зарабатывать, путешествовать вовсе не просто. Сестру мою — мою правую руку, «увёл» мой лучший друг, пусть счастливы будут! Теперь у неё уже другие мысли. Вторая девушка живёт в центре, учится и работает. Только я один до сих пор задержался в детстве, но мне это не мешает, напротив, даже придаёт силы.

Я стал собирать вокруг себя единомышленников, создал клуб, и теперь нас уже не четверо. За эти годы через мой клуб прошло около 3 тысяч человек. Люди приходят к нам, осматриваются, те, кому нравится общество, примыкают к основному активному кругу, а есть, конечно, и просто гости. Рады мы каждому, всем готовы протянуть руку. Но есть одно строжайшее условие: на маршрутах я не допускаю выпивку. И это не просто «понты командира». Завяжи с похмелья узел не так, и можно грохнуться со 120-метровой высоты, а тогда уже и мозгов в каску не собрать. Я дорожу всеми ребятами, но бардак и экстрим вместе существовать не могут. Выпить немного по случаю, это всегда — пожалуйста. Но нужно знать, где можно себе позволить расслабиться, а где нет. На маршрутах расслабляться не позволительно.

- Итак, вы создали клуб любителей путешествий...

- Наш клуб называется V.A.D. — adventure, и сайт andventure.net является информационным источником клуба. Вся интересная информация, советы и обсуждение проектов ведутся на форуме сайта. Любой вопрос, идею или просьбу можно написать мне в личных сообщениях на форуме. В целом всеми координационными делами руковожу я, но так же есть административные лица клуба, которые заменяют меня в период пребывания за границей. У нас в арсенале около 10 инструкторов, специализирующихся в областях альпинизма, спелеологии, горного туризма, парапланеризма и т.д. 90% инструкторов прошли курсы повышения квалификации под моим руководством, остальные уже пришли к нам со стажем извне. Так же все инструктора являются внутренним спасательным отрядом, который в случае необходимости готов моментально выехать на место происшествия. Есть еще системный администратор, информационные агенты и т.д.

- Ваши занятия требуют значительной силы и выносливости. Требуете ли вы от тех, кто к вам приходит, наличие физической подготовки?

- Возраст членов нашего клуба варьируется от 4 лет и до 60+. Особой подготовки не требуется вообще, так как опыт приходит в процессе, но нужно немало желания, а самое главное, надо любить то, что делаешь. Если покопаться в нашей фотогалерее, можно увидеть, как пятилетние малютки штурмуют глубины Эрец Исраэль.

- Вот-вот, об этом поподробнее, пожалуйста. Ведь в Израиле огромное количество интересных мест, а люди о них ничего не знают. Здесь есть ещё один момент - наша молодёжь. Тяжёлая, будем правду говорить, молодёжь. Ну а вдруг кто-то из них прочитает эту статью и заразится идеей? По-моему, пойти в поход это гораздо интереснее, чем водку в парке пить.

- А что с молодёжи требовать - то? Я по себе знаю: скучно иногда бывает, делать нечего, вот и тянет на подвиги. Ну, если откровенно рассудить, так в Израиле же глухо с развитием молодых талантов. Спит всё, никому не нужны ни боксёры, ни путешественники, а это ведь лицо страны. При всём моём негативном отношении к коммунистическому режиму, могу привести в пример «советы». Вот там работали общины! Альпиниады до сих пор на Кавказе проводятся, я на них езжу иногда. Там ребята такое видят, что большего адреналина и не нужно. Новые друзья, новые приключения!!!

Большинство подростков на наркотики садится просто из-за отсутствия новых опущений. Молодёжь хочет реализовывать себя, новое прочувствовать, вот и итог. Столько энергии подростковой зря пропадает! А ведь общество могло бы изменить интересы подрастающего поколения, и не обязательно всем именно бежать в горы или спортом заниматься. Просто у нас недостаток информационного материала для подросткового воспитания. Не знают ребята, что кайф бывает не только от «косяка», и сказать им об этом некому. Я говорю глобально, обвиняя в излишнем безразличии и себя тоже, и тех, кто может хоть как-то помочь бьющимся, как рыба об лёд, энтузиастам.

Лично я сам никогда не обращался за финансовой помощью, даже когда был повод это сделать. Не хотел. Подумают ещё, что карман набиваю. Зато предлагал идеи, говорил соцработникам: «Не нужно мне ваше финансирование, дайте только место, где штаб открыть, клуб зародить. Чтобы молодёжь могла увидеть, что есть в мире нечто прекрасное. Чтобы ребята почувствовали себя частью важного процесса». Сам, сказал, обеспечу и компьютерную технику, и спутниковые навигаторы, и профессиональную библиотеку открою для всеобщего пользования.

Я хотел рассказать ребятам о моём понимании настоящей жизни, но пока что этот вопрос не очень тревожит наших чиновников. Что ж подождём, пока потревожит.

И к кавказским соцработникам тоже обращался, и тоже глухота!

Зато сейчас есть о чем этим же работникам задуматься, когда спустя два года поднялась целая бригада инструкторов, экспедиторов, когда открыты новые пещеры на Мёртвом море и проложены километровые маршруты на Сдоме. Когда наш внутренний спасотряд,

совершивший уже не один спасательный выезд, даст фору любой армейской бригаде. А места в Израиле есть такие, которых нигде не сыскать. Всё у нас есть, только всё это нужно развивать, а с этим - увы...

Ох! И разговорился я что-то...

- Даниэль! Я надеюсь, что это у нас с вами не последний разговор, а вступительная беседа к вашим безумно интересным рассказам о путешествиях и приключениях. Сейчас только в двух словах, для затравочки: где вам уже удалось побывать?

- Моё первое путешествие за пределы Израиля было в Египет в 1998 году. Много впечатлений и эмоций, но настоящий успех мне дало восхождение на гору Эльбрус в 2002 году. С точки зрения мирового альпинизма в этом нет ничего особенного, но именно там я открыл в себе новые слабости и достоинства, о которых не знал на равнине.

- Всё! Достаточно! Самое интересное оставим на потом.

- У! Насчет интересного вы можете не беспокоиться: материала хватит не на один том. К примеру, сейчас: каждый день моего присутствия здесь, в Индии, ещё одна красочная статья, ещё одна история. Завтра я покидаю Варанаси и уезжаю в Агру, чтобы посмотреть на Тадж-Махал. Это сооружение считается лучшим архитектурным памятником в мире, но это я лишь цитирую справочники, так как сам в архитектуре не силен. Потом поеду в Коджуаро, там расположен комплекс эротических храмов «Кама-сутра». Иногда я буду исчезать внезапно и не отвечать, но это только в том случае, если у меня не будет доступа к Интернету. Заранее приношу свои извинения. А во всех остальных случаях с удовольствием отвечу на все вопросы и сам расскажу, что интересного увидел.

«НА МЕСТЕ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ, Я БЫ МЕНЯ УБИЛ!»

Авраам Давидов — натура кипучая и деятельная. Создатель первого Кавказского Радио в Интернете. Справедливости ради надо сказать, что его радио во Всемирной сети далеко не первое и, на сегодняшний день, не единственное, поэтому я ещё раз подчёркиваю «Первое Кавказское Радио». По этой причине, а ещё и потому, что он очень интересный и необычный молодой человек, мне захотелось с ним побеседовать, и эту беседу опубликовать на страницах «КГ».

- Авраам, как родилась идея создания радио в Интернете?

- Всё началось с того, что на сайте Nalchane.com появился Windows media player...

- Стоп. Приехали. Давай сразу договоримся: радио ты делал для всех, а не только для тех, кто хорошо разбирается в работе компьютера вообще, и в Интернете в частности. Поэтому - будь проще, и к тебе (в прямом смысле) потянутся люди.

- Сложно, но я попробую. Итак, идею создания радио мне подал проигрыватель, появившийся на некоторых сайтах. Хозяева сайта записывали на него определённое количество музыкальных произведений, и посетители могли их по кругу слушать всё время, пока они находятся на этом сайте. Идея проигрывателя мне очень понравилась, но в ней были и свои минусы. Большим минусом, с моей точки зрения было то, что когда бы ты на сайт не зашёл, ты всё время попадаешь на одну и ту же песню, а дальше — по кругу. И я решил создать радио, которое будет вещать 24 часа в сутки, возможности которого безграничны, т.е. оно будет вещать, как и другие радиостанции, но только в Интернете.

- А слушать его можно будет, только находясь возле включённого компьютера? Это не будет привычное радио, которое можно слушать на кухне, в машине, на прогулке, взяв с собой радиоприёмник?

- Пока да. Но только пока. Уже сейчас существует возможность слушать Интернет-радио через мобильный телефон. И это совсем недорого. А, кроме того, я уверен, что при нынешнем бурном техническом развитии, уже очень скоро появятся дополнительные возможности.

- Но вернёмся к моменту зарождения идеи: ты решил создать Кавказское радио, другими словами — радио для горских евреев.

- Не совсем так. Я хочу сделать моё радио — домом горских евреев, но чтобы в гости к нам приходили все народы без исключения. Поэтому уже сейчас, когда радио находится в стадии развития, и в сетке вещания звучит пока, в основном, музыка, я стараюсь и её разнообразить, пускаю в эфир не только нашу музыку, но и произведения на других языках. К примеру, песни на кумыкском языке, которые очень любят мои пожилые слушатели, наши песни на горско-еврейском и на азербайджанском языках. Много музыки в кавказских ритмах на русском языке, русский шансон, романтика и пр.

- А каким ты видишь своё радио в будущем?

- Если мы говорим о недалёком будущем, то уже сейчас в сплошной музыкальный поток начинают вклиниваться передачи. Пока мы включили всего несколько регулярных программ: музыка по заявкам, интервью с интересными людьми, уголок юмора, но уже разработана сетка вещания, и в дальнейшем появится гораздо больше регулярных радиопередач, надеюсь, интересных и разнообразных. В перспективе я вижу своё радио — настоящим и профессиональным.

- А для этого нужны профессионалы и деньги, чтобы этим профессионалам платить! Пока же, насколько я понимаю, всё держится на голом энтузиазме.

- Всё самое лучшее когда-то начинали энтузиасты. Почему же «Радио Кавказ» должно стать исключением? Уже подбирается прекрасная инициативная группа ребят и девушек, которые жертвуют своим свободным временем в пользу радио. Отдельно хочу сказать о моём партнёре, замечательном человеке Гарики Давыдове — хозяине сайта Nalchane.com. Он не израильтянин, живёт в Германии. Но Интернет не знает границ. Гарик очень занятой человек, но, тем не менее, в трудную минуту, когда у меня совершенно не было возможности заниматься Радио, он брал инициативу на себя.

- Как ты считаешь, твоё радио пользуется популярностью?

- Это очень просто проверяется. Недавно на страничке «Радио Кавказ» появилась строчка, которая показывает количество слушателей в данный момент. Но обратите внимание: если вы видите цифру 40 или 50, то это не означает 40 или 50 человек. Это 40-50 включённых радиоточек. Значит, все, кто в этот момент находятся дома, — мои потенциальные слушатели. Мне уже много раз звонили пожилые люди с благодарностями, пожеланиями или просьбами поставить ту или иную песню, и каждый раз говорили: «Мы ваше радио не выключаем. Оно у нас с утра до вечера играет». Молодёжь, конечно, так не может. Молодые люди заходят в Интернет утром, вечером или ночью и могут пропустить что-нибудь интересное. В таких случаях мы дела-

ем рассылки с анонсами, а также повторяем интересные передачи на следующий день.

- В общем, всё для удобства слушателей.

- Конечно, мы дорожим каждым нашим слушателем, стараемся учитывать интересы разных слоёв аудитории, постоянно проверяем рейтинг той или иной передачи или музыкальной подборки.

- Скажи, а возможно ли в рамках Интернет-радио проводить передачи в прямом эфире со звонками радиослушателей? На обычном радио это самые рейтинговые передачи.

- Возможно. Я работаю над этим. У меня уже сейчас есть интервью в прямом эфире. Скоро можно будет и вопросы гостям прямого эфира задавать вживую. А в будущем я смогу до 10 человек пустить в живой эфир, чтобы они разговаривали, спорили между собой. Допустим, 2-3 гостя в студии, ведущий и несколько радиослушателей. Это будет здорово. Таким образом можно проводить и конкурсы в прямом эфире. Да мало ли ещё чего! Не хочу сразу раскрывать все карты. Планов много, а идей ещё больше.

- Авраам, можно задать личный вопрос? Не хочешь, не отвечай. Ты всё своё время и деньги тратишь на радио. Как реагирует на это твоя семья, родители?

- Если бы я был на месте моих родителей, я бы меня убил! Нет, правда. У них удивительное терпение. Если бы не моя семья, я вообще бы ничего не сделал. Они поддерживают меня и морально, и материально, а брат ещё и помогает в работе радио. Я очень им благодарен.

- И последний вопрос. Когда осуществляются все твои мечты, будут реализованы планы и радио начнёт вещать в полную силу, не будет ли оно дублировать существующие ныне радиоканалы?

- Нет, не будет. Большая часть работы «Радио Кавказ» будет направлена на кавказскую аудиторию. Я хочу организовать оперативное поступление информации для наших студентов, для матерей-одиночек, солдат, пенсионеров о полагающихся им льготах, о различных фондах. Хочу приглашать социальных работников и работников мэрий, которые занимаются именно кавказской общиной, хочу давать эфир нашим певцам и музыкантам. Хочу дать возможность нашим людям высказаться, рассказать о своих проблемах и достижениях. Нет. Это будет особенное радио, ни на одно другое радио непохожее.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: АДВОКАТ НАТАН ЛИВИЕВ

Я люблю писать о достижениях нашей молодёжи, люблю брать интервью у преуспевающих молодых людей. Это приятно, оптимистично и вселяет надежду на светлое завтра. Но в данном случае моё новое знакомство оказалось ещё и очень полезным, потому что сразу же по окончании интервью я позвонила своей родственнице, которая уже почти год безуспешно пытается добиться чего-то от своего адвоката, и спросила: «Ты можешь забрать у него документы и перейти к другому?» «Могу, - ответила она, - а

другой адвокат, по-твоему, лучше что ли?» «Этот лучше!» - уверенно ответила я ей.

Мой собеседник - молодой адвокат Натан Ливиев родился в Дербенте в 1977 году, в 1994 году приехал в Израиль по программе «Наале», учился на подготовительном факультете Иерусалимского университета, затем пошёл учить электронику, но через год понял, что это совсем не его дело. В 1997 году призвался в армию, в которой отслужил 4,5 года в пехотно-десантных войсках, а после демобилизации в 2001 году сразу же поступил на юридический факультет нетанийского колледжа, по окончании которого получил первую степень. На вторую степень учился в университете Бар-Илан. Практически сразу после получения второй юридической степени, в январе 2007 года, он открыл свою адвокатскую контору в Хадере.

На прошлых выборах в муниципалитет Хадеры Натан баллотировался в горсовет. Он был на четвёртом месте в списке Романа Гишера. Тогда их список получил только 2 мандата. Но молодой адвокат не отчаивается и не опускает руки. В 2008 году он вновь пойдёт на выборы, но теперь уже, видимо, с другим списком.

- Мы хотим объединиться и создать свой горский список, - рассказывает Натан. Я очень хочу, чтобы в наш список вошли люди, которые не стремятся к власти, к креслам и должностям, а на выборы идут, чтобы, войдя в горсовет, иметь реальную возможность помогать людям.

Что меня очень привлекло в этом молодом человеке с первых же минут разговора? То, что я увидела в нём небезразличного человека. Этой сегодняшней распространённой болезнью он не страдает. Возможно, это дар молодости, нерастраченный энтузиазм, неутраченная вера в добро и справедливость, которые с годами проходят. Хотелось бы верить, что это не так, и что молодой адвокат, который сегодня очень хочет помочь людям, не превратится с годами в чёрствого сухаря.

- Почему Вы выбрали юриспруденцию?

- Чтобы порадовать родителей. Вы же знаете, что всякая еврейская мама мечтает видеть сына или врачом, или юристом.

- А если серьёзно?

- Мне нравится эта профессия, нравится работать с людьми, помогать им. Каждый хороший юрист, как, в общем-то, и хороший врач, прежде всего, психолог. Когда к тебе приходит человек, то, даже сам того не сознавая, он ищет в тебе сначала психолога, а потом уже адвоката. Именно этот момент в моей работе мне и нравится больше всего. Люди очень часто приходят к адвокату со своими бедами, и если ты способен выслушать их, успокоить, показать пути выхода из ситуации — это уже большое дело.

- Какова Ваша специализация?

- Я занимаюсь гражданскими делами, бракоразводными процессами, взиманием долгов, дорожно-транспортными происшествиями, банковскими делами и халатностью врачей.

- Нет ли у Вас «синдрома молодого специалиста», которые, закончив учёбу и войдя в профессиональную деятельность, сразу хотят всё изменить, совершить революцию? Ведь в нашей судебно-правовой системе действительно есть что менять, уж очень всё сложно, долго и запутанно.

- Желание изменить, улучшить, конечно, есть. Но не всё и не сразу. Я прекрасно понимаю, что это невозможно. Считаю, что, прежде всего, в нашем государстве необходимо ужесточить критерии при назначении судей, я имею в виду повысить необходимый предварительный стаж, уровень образования и т.п. И с получением адвокатской лицензии тоже надо бы строже. Мне неудобно такое говорить, мол, сам уже получил, а к другим пусть сильнее придираются, но это действительно надо сделать. Чем больше адвокатов, тем сложнее и запутаннее становится система.

И, конечно же, нужно что-то делать с бумагами. Мы в них погрязли. Надо как можно скорее переходить на подачу документов в электронном виде. Суды потихоньку начинают в этом плане перестраивать свою работу, думаю, что через 5-6 лет нам удастся избавиться от основной массы бумаг.

- А как Вы относитесь к бытующему в Израиле мнению, что к адвокатам лучше не ходить: обманут, снимут последнюю рубашку и в итоге ничего не сделают.

- Знаю, знаю. Ещё вот как говорят: «Если при разводе у пары было три квартиры, то одна достанется мужу, вторая жене, а третья — адвокату». И все мы знаем, что в этой шутке есть немалая доля правды. В наши дни очень много юридических колледжей, которые выпускают каждый год около 3 тысяч адвокатов. Сегодня их переизбыток. Это побуждает некоторых представителей моей профессии из-за пары копеек делать вещи, мягко говоря, необдуманные.

Я считаю, что драть с клиента три шкуры невыгодно самому адвокату. Популярным и востребованным, а следовательно, хорошо зарабатывающим, адвоката делает клиент. Если ты быстро и грамотно помог одному клиенту, это принесёт тебе ещё несколько дел. Довольные клиенты — самая лучшая, самая надёжная наша реклама.

- Натан, Вы собираетесь учиться дальше?

- Да, я сейчас подал просьбу в хайфский университет на поступление в аспирантуру, потом — докторат. Хочу получить степень доктора юриспруденции.

- А разве для работы адвокатом необходим такой высокий уровень образования?

- Я уже сейчас адвокат, но в будущем, закончив учёбу, очень хочу пойти преподавать. У меня вообще склонность больше к занятиям наукой, чем к практической адвокатской деятельности. Уже сейчас в свободное время я начал писать книгу, которая очень поможет русскоязычным гражданам Израиля разобраться в существующих законах, в своих правах. Аналогов тому, что я хочу написать, на прилавках магазинов сегодня нет. Если всё сложится удачно, то выйдет серия небольших книг, каждая из которых в популярной форме будет рассказывать о законах, связанных с той или иной сферой жизни. Начать я хочу с трудового законодательства и трудовых конфликтов. Это та тема, с которой каждый из нас сталкивается ежедневно. Мне очень важно дать нашим людям необходимые знания, с помощью которых они смогут сами себя защитить.

- Адвокатский стаж у Вас ещё небольшой, но, может быть, в Вашей практике уже были какие-нибудь интересные случаи, которые могли бы быть поучительными для наших читателей?

- Я сейчас веду такое дело. Мои клиенты, молодая пара, сняв в один прекрасный день распечатку из банкомата, обнаружили, что на их счёт откуда-то пришла, а затем ушла очень значительная сумма денег. Эта операция была им совершенно непонятна, они пошли в банк выяснять и узнали, что на их имя по телефону было заказано большое количество чеков. Потом оказалось, что от их имени были

подписаны гаранты, куплена машина, буквально каждый день всплывает тот или иной чек. Их жизнь превратилась в кромешный ад.

- Но это же уголовное дело! Им должна заниматься полиция!

- Безусловно! Но в полиции большой процент таких или подобных дел зависит, а потом закрывается. А моим клиентам помощь нужна сейчас. И мы с ними потихоньку раскручиваем это дело, уже вышли на поддельный «теудат зеут» (паспорт), в котором были данные моей клиентки, но фотография совершенно другой женщины. Обнаружили и другие зацепки и сейчас начинаем дело о «халатности банка». У банков сегодня есть все возможности обезопасить своего клиента: у них есть электронный образец подписи, есть копия «теудат зеута», есть возможность проверить операции на счету и т.д. В данном случае ничего этого сделано не было, поэтому мы имеем все основания обвинить банк в халатности.

- Очень страшный случай. Посоветуйте, что должны делать наши читатели, чтобы не попасть в такой переплёт?

- Максимально ограничить круг людей, которые могут сделать копию вашего «теудат зеута». Постараться его без надобности никому не давать. При утере «теудат зеута» немедленно сообщать об этом в полицию. И, разумеется, следить за своим счётом, постоянно проверять его состояние. Для молодых людей это сегодня вообще очень просто — состояние счёта можно ежедневно проверять по Интернету.

- Помимо написания книги, есть ли какие-нибудь другие увлечения? Хватает ли времени на хобби?

- Кроме того, что я пишу, я ещё и читаю. Очень люблю читать. Сейчас времени на чтение остаётся всё меньше и меньше, в основном приходится перечитывать горы специальной литературы, но иногда удаётся выкроить немного времени на чтение для души. Я страстный коллекционер книг, у меня большая библиотека, около 1300 томов, которой я очень горжусь.

- Натан, большое спасибо за беседу. Наш разговор получился не только интересным, но и полезным. Думаю, что читатели почерпнут из него интересную информацию и будут с нетерпением ждать выхода в свет вашей первой книги.

РОСТОВСКАЯ ОБЩИНА - БОЛЬШАЯ ЕВРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

Редакция «КГ» всегда стремится познакомить читателей с еврейской жизнью за пределами Израиля. Особенно мы рады встретиться и взять интервью у гостей нашей страны. Но на сей раз, наши собеседники приехали в Израиль не в гости. Дело в том, что у одного из уважаемых членов ростовской общины Дмитрия Шамаевича Мишиева в Израиле скончался отец, и поддержать его из Ростова приехали председатель общины Юрий Рувинов и главный раввин Ростова Хаим Фридман. А когда траурные мероприятия закончились, мы встретились с ними и попросили рассказать об истории и сегодняшнем дне ростовской общины.

ЮРИЙ РУВИНОВ

- Юрий, расскажите, как Вы, уроженец Нальчика, стали председателем еврейской общины Ростова?

- Я учился в Ростове, окончил юридический институт МВД России, всегда интересовался еврейской жизнью, участвовал в различных мероприятиях. Как-то пришёл к раввину, и тот предложил мне начать серьёзно заниматься развитием еврейских общин. Это для меня было ново и неожиданно, но он мне привёл такой довод, против которого я не смог устоять.

- И что же это был за довод?

- Он мне сказал: «Ты нужен своему народу. Если ты откажешься, ну что ж, значит не судьба, но...» И я очень быстро согласился. Это было в 1999 году. Первым моим городом стал Краснодар. Ситуация там была не из лёгких. Нужно было поднимать еврейскую жизнь, создавать общину, готовить её к приезду раввина. И все это в городе, где мэр (слава Б-гу бывший) открыто с трибуны высказывал антисемитские лозунги.

В Краснодаре я встретил замечательных людей, одним из которых был Мусаев Юрий Борисович, уроженец Кубы, которые с радостью согласились мне помочь. Через год мы зарегистрировали общину, на-

чали выпускать еврейскую газету «Возрождение», которая выходит и сегодня, пригласили раввина, и моя миссия была закончена.

В период работы в Краснодаре у меня состоялась встреча с раввином Берл Лазаром, и он предложил мне заняться регионом, т.е. стать координатором еврейских общин по югу России. Я охотно согласился, для меня такое предложение было большой честью. Начал работать с регионом, и за довольно короткий срок нам удалось зарегистрировать большое количество общин от Дербента до Ростова, включая Астрахань и Элисту, консолидировать их. В Нальчик, Дербент, Краснодар поехали работать раввины, а я занялся большой и сложной общиной Ростова.

В Ростове, как и в Краснодаре, мне посчастливилось встретить замечательных людей, которые серьёзно помогли становлению общины. Это Дмитрий Мишиев, Лев Дигилов, Саша Лозовой и многие другие.

- В Ростове много евреев?

- Около 30 тысяч, но это, конечно, не означает, что все поголовно участвуют в жизни общины. Но постепенно к нам приходят всё больше и больше. Когда я приехал в Ростов, там уже был молодой раввин из Израиля Хаим Фридман. Он тоже только начинал свою работу, но оказался очень грамотным, профессиональным и душевным человеком. Он умеет привлечь к себе людей, особенно его любят дети и молодёжь. С ним мы работаем и по сей день. Нам очень удобно работать вместе, мы чётко поделили обязанности, и каждый занимается своим участком работы. Раввин курирует всё, что связано с духовной жизнью, образованием, а я занимаюсь административно-хозяйственной деятельностью, контактирую с властями, со спонсорами.

- А горских евреев в еврейской общине Ростова много?

- Нет, не много. Семей пятнадцать, может быть. Точно никто не подсчитывал, потому что никто различий не делает. У нас все вместе, мы живём одной большой дружной семьёй. А кто где родился, кто бедный, кто богатый, в данном случае значения не имеет.

- В начале прошлого года мы писали о присвоении Вам звания «Человек года 2005». Для Вас это было неожиданностью? Знаете ли Вы, кто выдвинул Вашу кандидатуру?

- Решение о награждении принимает Федерация Еврейских общин в Москве. Для меня это было полной неожиданностью. В один прекрасный день я прихожу на работу, и секретарь приносит мне письмо, в котором сообщается, что мне присуждено звание «Человек года 2005» в номинации «Развитие региональной общины». Кстати, до меня такой номинации не было. Я оказался первым, а на следующий год в этой номинации премию получил раввин Волгограда.

Мое награждение должно было состояться 25 декабря 2005 года в

Москве, а 26 декабря — у нас открытие синагоги. Не присутствовать я не могу, т.к. должен, как глава общины, принять огромное количество именитых гостей. Я очень серьёзно задумался: по большому счёту прилететь, получить награду и сразу улететь возможно, и по времени получается, но в Ростове есть большая проблема — туманы, которые очень часто мешают работе авиатранспорта. Можно улететь и не суметь вернуться вовремя. Все мои сомнения разрушил раввин Хаим. Он мне сказал: «Юра, всевышний с нами. Лети». И всё действительно очень удачно сложилось. Мы с женой прилетели в Москву, мой друг нас встретил, отвёз в концертный зал «Россия», прошла церемония, и первым же утренним рейсом я улетел в Ростов. Прибыл в один зал, перешёл в другой и начал встречать гостей.

- Юрий, Вы возглавляете большую общину, кроме того, занимаетесь большой общественной работой во многих других организациях. У Вас семья, маленькие дети. А на хобби находится время?

- Очень редко, но случается. И тогда я уезжаю на рыбалку. Один. Мне совершенно безразлично, поймал я что-нибудь или нет. Главное, что я могу побыть в тишине, на природе, спокойно поразмышлять. Я очень люблю рыбалку, хотя большими уловами похвастаться не могу. Обычно я ловлю несколько рыбёшек, а потом их выпускаю. Меня неоднократно рыболовы-профессионалы приглашали на серьёзную рыбалку, но я всегда отказываюсь. Меня рыбалка в плане улова не интересует.

РАВ ХАИМ ФРИДМАН

Раввин Хаим Фридман, главный раввин Ростова. Родился в Израиле в семье репатриантов из России. Учился в ешивах Израиля, Нью-Йорка, Ростова. В качестве раввина приехал в Ростов пять лет назад.

- Я приехал в Ростов и попал в довольно сложную общину, большинство членов которой, по-моему, не помнили, когда в последний раз видели синагогу и видели ли её вообще. Мы сталкивались с проблемами разного характера, которые я даже и не хочу обсуждать, но на сегодняшний день основная

наша проблема — нехватка мест. Не хватает мест в еврейской школе, поэтому мы её достраиваем. Не хватает мест в синагоге, особенно на праздники.

Ситуация изменилась. Община сегодня очень дружная. Появилось много людей, которые приходят в синагогу ежедневно. На встречу шабата собираются каждую неделю 130-150 человек. Появилась большая группа очень активных молодых людей, что радует.

- Рав Фридман, что бы Вы хотели пожелать вашей общине в Рош-а-Шана в преддверье Рош-а-Шана?

- Чтобы в будущем году мы все вместе встречали Рош-а-Шана в Израиле с Мошиахом. Ну, а если, к нашему великому сожалению, Мошиах ещё не придёт, то чтобы в нашей синагоге каждый шабат собирались не 150, как сейчас, а 250-300 человек. Чтобы столько же приходило и в будние дни. Чтобы через год к Рош-а-Шана мы открыли общинный центр. А ещё я хотел бы пожелать, чтобы все проекты, которые мы планируем, взяла в свои руки молодёжь, чтобы такой активной еврейской молодёжи у нас становилось всё больше и больше.

- А теперь Ваше пожелание читателям нашей газеты.

- Я скажу так: молодой человек никогда не знает, где у него сердце, где желудок, где печень, потому что он их не чувствует. С возрастом, когда то там, то тут появляются боли, люди начинают узнавать точное местонахождение всех частей своего тела. Я хотел бы пожелать, чтобы уважаемые читатели как можно дольше оставались в неведении. А ещё я хотел бы пожелать, чтобы война, которая постоянно идёт в Израиле, наконец-то закончилась, и люди переключились с этих проблем на духовную жизнь.

- Спасибо, замечательное пожелание.

ШКОЛА

Юрий: До революции еврейской общине принадлежало немало зданий в городе. Все они были национализированы Советской властью. Община обратилась к администрации города с просьбой вернуть ей одно из них — здание «Талмуд Тора» - школы. Это старинное здание, памятник истории и архитектуры. После долгих

переговоров здание было получено и, благодаря фонду Льва Леваева, отреставрировано. Сегодня в нём работает еврейская школа, в которой учатся более 120 детей, но места уже не хватает, поэтому мы ведём подготовительную работу для постройки четвёртого этажа.

- В этой школе ребята учат иврит, Тору...

- И все остальные предметы. Это обычная общеобразовательная школа с первого по одиннадцатый класс, после окончания которой выпускники получают государственный аттестат зрелости. Преподавание в школе ведётся на русском языке, но вместе с этим ребята с первых дней знакомятся с еврейской историей, традициями. В школе очень сильный преподавательский состав. Мы организовали подвозку для учеников со всех концов города, четырёхразовое питание, большое количество всевозможных факультативов. Ученики нашей школы ходят в единой форме. По оценке специалистов, наша школа считается одним из лучших образовательных учреждений в Ростове.

Хаим: Наша школа одной из первых в СНГ включена в новую программу по изучению иврита, разработанную в Израиле организацией «Тель-Ам». Благодаря этой программе дети к 11 классу будут абсолютно свободно читать Танах. Кстати, у нас есть и свой детский сад. В нём дети тоже с самого раннего детства приобщаются к еврейской жизни, учатся нашим традициям.

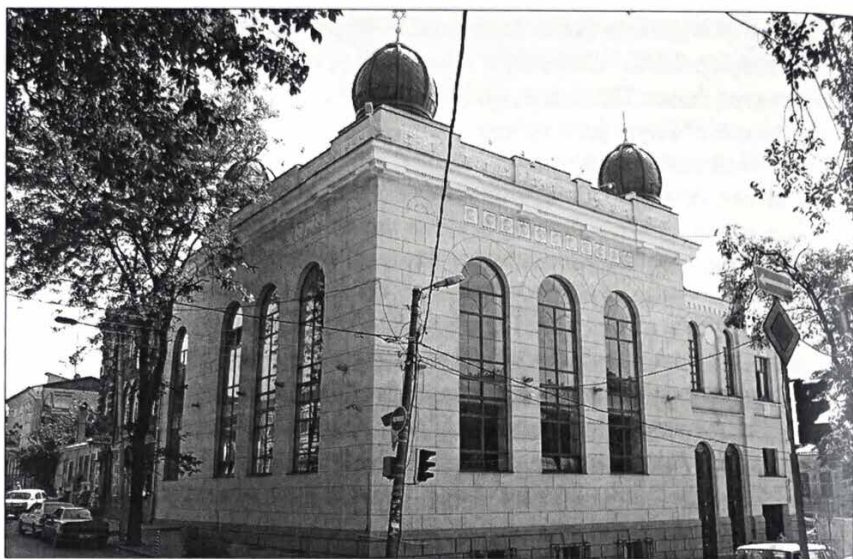
Юрий. А ещё у нас есть свой санаторий, в котором каждый год мы организуем детский лагерь не только для детей Ростова, но и для детей всего юга России. Помогает нам фонд «Ор Авнер».

СИНАГОГА «БЕЙТ МИШИЕВ»

Хаим: Одним из самых важных этапов в деле создания еврейской общины является строительство синагоги. До революции в Ростове было 14 синагог и молельных домов. На сегодняшний день осталась только одна действующая синагога, её строили солдаты-кантонисты в 1872 году. Здание находилось в плачевном состоянии и нуждалось в срочном ремонте.

Когда мы занялись восстановлением синагоги, мы учитывали и тот факт, что для привлечения туда людей необходимо сделать её как можно более красивой. Мы все прекрасно знаем, что тех евреев, которые приходили молиться в синагогу 70-80 лет назад, не особенно волновал её интерьер. Главное, что у них было место для молитв. Сегодня ситуация другая. Нужно привлечь людей в наш общий дом красотой интерьера, а потом потихоньку учить и приобщить к тому, от чего они много лет были оторваны.

Объём предстоящих работ мы осознали только тогда, когда синагогу обследовали приглашённые специалисты-эксперты. Из их заключения следовало, что здание в аварийном состоянии, и в нём

опасно находиться. Необходимо менять все деревянные перекрытия, короче говоря, предстоит огромный капитальный ремонт. Как вы понимаете, мы ничего не смогли бы сделать без финансирования, поэтому обратились к нашим бизнесменам. Одним из первых откликнулся Дмитрий Шамаевич Мишиев, он же и взял на себя львиную долю расходов по восстановлению синагоги.

Юрий: Наша синагога - это не просто здание. Это архитектурный памятник, изюминка города. Когда мы открывали его после ремонта, присутствовало руководство города, области, приезжал господин Леви Леваев, главный раввин России Берл Лазар и др. И глава администрации города сказал, что еврейская община восстановила не синагогу для своих молитв и праздников, она восстановила памятник истории и архитектуры города.

Мы не просто отремонтировали, мы — реставрировали синагогу. Сегодня она выглядит точно так же, как в момент её постройки. Изначально на здании были купола. Потом их снесли, и сохранилась только старая фотография. По этой фотографии мы восстанавливали купола, фасад, ручную роспись на потолке здания.

Реставраторы разбирали двери и восстанавливали выжженные на солнце фрагменты.

В начале 2005 года мы приступили к работе и в этом же году к Хануке её завершили. Мы ещё немножко советские люди — не начав строить, уже назначили открытие на второй день Хануки. Больше эту ошибку мы не повторим, т.к. работать пришлось днём и ночью. У нас есть фотографии синагоги за три дня до открытия, глядя на которые невозможно поверить, что через три дня в этом здании можно будет

принимать первых лиц города, области и страны. Строители закончили работу буквально за пять минут до торжественного открытия.

Нам, конечно, очень помогли власти города. Когда было нужно, перекрывались улицы, например, в день перевозки куполов, которые делали за 300 км от Ростова. Купола выходили за габариты машин, и власти выделили нам сотрудников ГАИ в сопровождение, и те ехали впереди и сзади и приостанавливали движение на трассах.

Хаим: А теперь наша синагога - одна из самых красивых синагог в СНГ. Люди приезжают из разных стран мира и удивляются её красоте. Вмещает она до 1000 человек. Община решила в благодарность за помощь, оказанную Дмитрием Шамаевичем Мишиевым нашей синагоге, назвать её «Бейт Мишиев».

БЛИЖАЙШИЕ ПЛАНЫ И РАДУЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Юрий: Сегодня мы уже вполне самостоятельная и сильная община, которая может позволить себе планировать и создавать то, что считает нужным и необходимым. У нас создан свой благотворительный фонд, раньше он финансировался «Джойнтом», сейчас мы финансируем его из средств общины.

В ближайшее время мы начинаем рядом с синагогой строительство общинного центра. Это будет здание площадью более 1000 м². В центре разместятся и кафе, и магазинчик, и библиотека. На втором этаже будет благотворительная столовая, хореографический класс, компьютерный класс, небольшой конференц-зал, а на четвёртом этаже — актовый зал. Здание будет построено и оснащено по последнему слову техники — лифт, кондиционеры и т.д. Все документы уже практически собраны, надеюсь, что примерно через год мы отпразднуем новоселье. Правда, раввин давит на меня, чтобы успеть к Песаху. Дело в том, что на Песах у нас большая проблема — не можем разместить всех желающих провести вместе седер. Мы сейчас делаем несколько седеров в разные дни — детский, молодёжный, взрослый. А когда будет центр, сможем несколько седеров проводить в одно и то же время.

Параллельно начаты переговоры о выделении нам земельного участка под строительство детского дома.

- А разве община в этом нуждается?

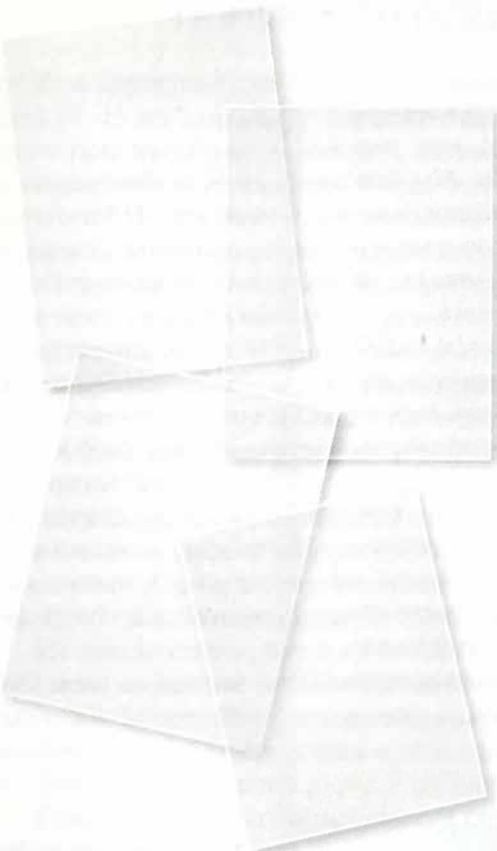
- Нет. Это мы делаем не для себя. Это благотворительная акция. И не единственная. Мы помогаем военному госпиталю, детским садам города. Активно участвуем в городских мероприятиях. У нас прекрасные отношения с городскими властями, нам всегда идут на встречу, но и мы в свою очередь стараемся сделать для города всё, что в наших силах. Надо отметить, сегодня во всём, что связано с межнациональ-

ными отношениями, в Ростове очень благоприятная обстановка. У нас многонациональный город, и все национальности чувствуют себя достаточно комфортно.

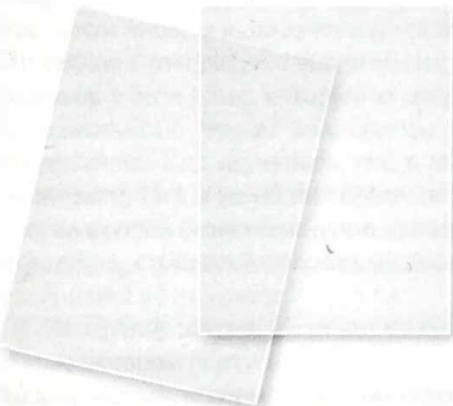
- Кроме всего перечисленного, есть ещё планы на будущее, которые уже можно придать огласке?

- Главный и основной план — развиваться, укрепляться, становиться сильными, чтобы дать каждому члену общины возможность жить полноценной еврейской жизнью. Мы хотим, чтобы община вне зависимости от того, кто будет её председателем, процветала, была живым, постоянно развивающимся организмом, имела возможность помогать другим, менее сильным общинам. Это большая общая цель. А что касается конкретных дел, вскоре мы планируем строительство птицефабрики, одна из линий которой будет выпускать кошерную птицу. И вскоре нам не нужно будет заказывать кошерную пищу из других регионов или из Израиля, мы будем иметь возможность производить её на месте. Затем хотелось бы где-нибудь в центре города открыть кошерный ресторанчик, которого пока нет.

А вообще, всё, о чём мы до сих пор говорили — синагога, школа, садик, общинный центр — это яркие моменты. Главная же наша работа - повседневная жизнь. Она забирает уйму времени. У нас ненормированный рабочий день, поэтому работаем столько, сколько нужно и тогда, когда нужно. Мы занимаемся проблемами любого обратившегося к нам члена общины, будь то проблемы бизнеса или семейные, мы делаем всё от нас зависящее, причём совершенно бесплатно. Так всегда бывает: повседневная работа самая трудоёмкая и тяжёлая, но гораздо менее заметная, чем праздники, открытия, приёмы.

Пропущенные уроки

Данный раздел я назвала «Пропущенные уроки». Будем считать, что это – ложка дёгтя в бочке мёда. Мы ведь ещё со школьной скамьи знаем, как дорого нам порой стоят уроки, которые мы пропустили. Что-то не услышали, не увидели, не поняли, и закрутилось...

Следует честно признаться, «КТ» очень редко публикует негативную информацию. Не хочется сыпать соль на раны, не хочется кого-то обижать. Но есть моменты, когда просто нельзя молчать. Замалчивать проблему – преступно. О ней надо говорить, кричать, её надо выволакивать на свет божий и решать всем миром. Я это прекрасно понимаю, и, тем не менее, за все годы работы в газете мною были написаны всего лишь три проблемные статьи.

Поговорим откровенно?

Есть среди вас те, кто репатриировался с началом большой алии, то есть 14 - 15 лет тому назад? Тогда было не то, что сейчас: услышать русскую речь на улицах — сюрприз, найти русскоговорящего служащего в каком-нибудь учреждении — чудо! А что вас больше всего удивило, помните? Ну, конечно, у каждого впечатления свои. Меня, например, поразили до глубины души израильские пенсионеры. Бодрые, энергичные старички и напомаженные старушки в брючках. Если учесть, какую тяжёлую жизнь они прожили, и что на своём веку повидали, можно сделать один вывод: трудности закаляют. Воистину, еврей в галуте должен был быть умнее, сильнее, выносливее многих. Там это необходимо, чтобы чего-то добиться, а зачастую, чтобы просто выжить.

На фоне этих старичков не менее поразительной показалась мне израильская молодёжь. Ленивая, апатичная, нелюбопытная. Ну, покричат иногда, ну, ноги в автобусе на сидение положат. А вообще скучные они какие-то, даже не дерутся. Да, сильно отличались они от старшего поколения. А чему здесь удивляться? Им пробиваться не надо, хватку железную вырабатывать не надо. Они дома, в своей еврейской стране.

Но вместе с этим, был в их поведении один момент, который удивил меня не меньше всего остального: полное отсутствие проявлений агрессии. Можно было поздно вечером совершенно спокойно пройти мимо толпы 16-17-летних подростков и не опасаться за свою жизнь.

Это было 15 лет назад.

Прежде, чем приступить к самому главному, к тому, из-за чего вообще писалась эта статья, я хочу предупредить: это мои размышления, моё субъективное мнение. И если кто-то с ним не согласен — милости просим, пишите, спорьте.

Наша алия принесла в Израиль большие изменения. Страна стала другой. Мы внесли огромный вклад в науку, культуру, искусство... Да стоит ли перечислять всё то, что читатель и без меня знает. Любой из нас, в том числе и я, до хрипоты готов всё это доказывать старожилам. Но сейчас я говорю не с внешним миром, а со своей же алией. Как бы разговор у себя дома, который за двери не выносится. И говорю о нашей молодёжи. Что же мы, братцы, наделали, где не доглядели, что пропустили? Как случилось, что в этой тихой заводи стали погибать наши дети. Нет, я не об интифаде, не о террористах, чьи чёрные души унесли с собой безвинные души наших детей, сидевших в кафе, едущих в автобусе, стоящих в очереди на дискотеку. Я о другом. Вот цитата из сообщения в Интернете:

«24-летний житель Нетании получил ножевые ранения минувшей ночью в старом порту Тель-Авива возле ночного клуба. Прибывший по вызову экипаж «скорой помощи» обнаружил молодого человека, лежа-

шего на земле в луже крови. Вокруг стояли товарищи потерпевшего. На теле парня медики обнаружили несколько проникающих ножевых ранений. Раненый был в сознании. По дороге в клинику он рассказал, что драка началась после того, как он попытался завязать отношения с двоюродной сестрой некоего молодого человека из Ришон ле-Циона. Потерпевший был доставлен в клинику «Ихиллов». Полиция задержала несколько человек, принимавших участие в драке...

Сутками ранее в больнице «Вольфсон» скончался 17-летний Фуад Маликов, сын новых репатриантов из Азербайджана, так же получивший тяжелейшее ножевое ранение во время драки в ночном клубе Ришон-ле-Циона. Причиной драки, в результате которой пострадали Маликов и его товарищ, получивший ножевые ранения средней тяжести, также стала попытка познакомиться с девушкой».

Не хочу заострять ваше внимание на том, кто эти молодые люди, откуда приехали... Да разве в этом дело? Меня волнует другой вопрос: как произошёл этот скачёр от лени и инертности израильской молодёжи к агрессии, заканчивающейся поножовщиной? Чем можно объяснить тот факт, что наши мальчики (и не важно бухарские они, русские, кавказские или эфиопские), идя на дискотеку, запасаются ножами?

И как ни странно, излюбленная фраза коренных израильтян: «Такого раньше не было!», в данном случае звучит очень убедительно.

Для того, чтобы получить хоть какой-то ответ на мои вопросы, я решила побеседовать с молодыми людьми, представителями горско-еврейской общины, которые бывают на дискотеках и могут из первых уст рассказать, какая атмосфера там сегодня царит.

Я получила два полярных мнения. Одно от юноши, а другое от девушки. Катя Синаниева, студентка факультета социологии из Орота считает, что сейчас на танцевальных вечеринках стало потише. Ребята из разных общин научились договариваться без драк. Но проблема агрессии молодёжи всё-таки существует. В основном, по её мнению, она исходит от ребят из проблемных районов. Катя, как будущий социолог, сделала вывод, что в районах, где уровень жизни низкий, у молодёжи повышенная агрессивность. И это идёт из семьи, где один или оба родителя - безработные, а, следовательно, постоянно в подавленном настроении, раздражительные, что отражается на их детях, а через них и на других людях, с которыми они общаются. Именно в этих районах у ребят в большом почёте алкоголь и наркотики, как лучшие средства ухода от гнусной действительности. А дальше ножи, кастеты...

С этим надо бороться, но искоренить невозможно, потому что нельзя вылечить болезнь, не устранив причину её вызывающую.

Яков Нисимов тоже из Орота. На существующую проблему смотрит с мужской точки зрения и отнюдь не думает, что ситуация сегодня лучше, чем раньше.

Всё дело в ментальности, считает он. Израильтяне воспитаны по-другому. Им с детского сада внушают: тебя обидели, пожалуйся воспитательнице или родителям. А как воспитывают у нас? Самое страшное - прослыть ябедой. Да и отцы всегда учили: не жалуйся, разберитесь сами. Ну, вот наши, русские, кавказские, бухарские и разбираются. А местные тоже непромах, быстро поняли, что к чему.

Какая система воспитания лучше, какая хуже, кто разберёт? Главное, результат на лицо.

Случаи кровавых разборок и поножовщины, считает Яков, далеко не единичны. Просто большая их часть не доходит до прессы. Если дело заканчивается госпитализацией или, того хуже, смертельным исходом, этого не скроешь. Но огромное количество мелких потасовок организаторы дискотек стараются замять. Иначе их просто закроют.

Вот таково мнение молодых людей. Со многими их выводами я полностью согласна. Но от себя добавлю: нельзя недооценивать вклад нашей алии в повышение уровня преступности в Израиле. Наш вклад очень высок. Под словом «наш» в данном случае я подразумеваю не вклад какой-то отдельной общины, а вклад всей миллионной алии.

На мой взгляд, проявление агрессии отсутствует у человека в двух случаях: либо он инертен и апатичен ко всему происходящему, либо спокоен, силен духом и полностью уверен в себе. Я для себя вывела такую формулу: агрессия - это врождённое самолюбие, умноженное на врождённый страх.

И того, и другого у нас с вами предостаточно. Евреи вообще народ самолюбивый и гордый. А страх? Он в нас с детства, питан, так сказать, с молоком матери. Мы, дети советской страны, всегда открыто или подсознательно боялись родителей, учителей, милиционера, начальника. И не меньше всего этого мы боялись и боимся чужого мнения, сплетен, пересудов. А вдруг кто-нибудь что-нибудь скажет? А вдруг кто-нибудь что-нибудь подумает? А не попаду ли я в неловкую ситуацию? А не будет ли задето тогда моё самолюбие? И мы, как хороший мотоцикл, заводимся с полуоборота, прикрывая деланной смелостью внутренний дискомфорт и неуверенность в себе.

На мой взгляд, именно это и происходит сейчас с нашими мальчиками, которым очень нужна наша помощь.

Для кого я это пишу, к кому обращаюсь? К родителям, к педагогам, а, может, к самой себе?

Люди, страшно! Мы ехали, ехали и, наконец, приехали! И привезли с собой умные головы, золотые руки и целый вагон злости.

Повторяю: это моё мнение. У меня нет готовых рецептов. Но эту проблему нельзя замалчивать. О ней надо говорить, и мы приглашаем читателей к её обсуждению.

ДАВАЙТЕ ВЫГОНИМ ОТЦА ИЗ ДОМУ?!

Дикая фраза, не правда ли? И тем более дико она смотрится на страницах «КГ» - газеты общины горских евреев, в которой одним из главных качеств, прививаемых детям с колыбели, является уважение к старшим, послушание и почитание родителей. И, тем не менее, то, о чём я хочу вам сейчас рассказать, произошло.

В Натании живёт бомж. Ночует, где придётся: то на вокзале, то на базаре. Выглядит, как все бомжи, — невымытый, нечесаный. И очень плохо пахнет. Таких, как он, по израильским городам сейчас гуляет немало.

К нам в редакцию «нетанийского бомжа» привели добрые кавказские люди, они же и пытаются сейчас заниматься его судьбой. И мы со своей стороны ищем, как помочь этому человеку.

Проблема заключается в том, что либо он не помнит, что с ним произошло, либо не хочет говорить. Документов у него нет. Вот те немногие сведения, которые нам удалось от него узнать: он из Дербента, в Израиле лет 8-9. Возраст - 65-70, точнее определить очень сложно — люди в такой ситуации всегда выглядят старше своих лет. Сказал, что у него четверо детей — 3 сына и дочка, но они не хотят его к себе брать. Имен детей он не помнит. Предположительно, одного из сыновей зовут Игорь.

Его самого, видимо, зовут Борис. Он упомянул и фамилию, но, скорее всего, ошибочную. Мы пытались найти его детей по этой фамилии, но не смогли.

Как этот человек оказался на улице? Такой судьбы и врагу не пожелаешь! Неужели возможна ситуация, что родные дети обрекли отца на подобное существование?

Возможна и другая ситуация: он больной человек, ушёл из дома сам и потерялся. Но почему же дети его не ищут? Судя по его внешнему виду, на улице он ночует не один день и даже не один месяц.

Значит, детям он действительно не нужен! Кстати, судя по возрасту, у него должны быть уже и довольно взрослые внуки. Значит, он не нужен и внукам.

Да, у наших родителей, у бабушек и дедушек с возрастом может очень измениться характер. Не в лучшую сторону. Тем более, если они и в молодости лёгким характером не отличались.

Да, наши старики становятся раздражительными, придирчивыми, нудными. И букет болячек даёт о себе знать. Они требуют заботы и внимания. С ними сложно.

Да, любая семья — это отдельная история. Нельзя никого осуждать, не разобравшись в ситуации. На всё есть свои причины. Но в данном случае, я не могу найти оправдания детям, которые выгнали

старика на улицу или смирились с тем, что он ушёл и неизвестно где находится.

Со стариками трудно. Но это же наши старики! Каким бы человеком по характеру ни был наш бомж Борис, но он ведь чей-то отец, дед или просто родственник. У нас не принято сдавать стариков в дома престарелых, но это было бы гораздо гуманнее, чем выбрасывать его на улицу.

Не хочу выступать с призывами: дети, одумайтесь, поймите совесть и проч. Надеюсь, что они сами найдут правильный выход из неприятной и некрасивой ситуации. Мы даже не стали помещать на страницах газеты фотографию старика, чтобы эту ситуацию не усугублять и не выставять семью на всеобщее обсуждение. Дети и родственники Бориса и без фотографии поймут, что речь идёт именно о них, а не о ком-нибудь другом. Ведь не каждый же день у нас старики оказываются на улице.

РАБОТЫ ЗДЕСЬ НЕПОЧАТЫЙ КРАЙ...

Если вы или ваши дети занимаетесь в Израиле одним из видов борьбы или боксом, то имя моего собеседника вам, безусловно, знакомо. Если же к спорту вы не имеете никакого отношения, то вам предстоит интересное знакомство с Виктором Ифраимовым, организатором спортивной амуты «Кохав Давид», одной из самых больших в стране.

Но к спорту наша беседа с Виктором будет иметь отношение косвенное. Дело в том, что несколько месяцев тому назад Виктор Ифраимов возглавил недавно созданный Отдел по работе с русскоязычным населением при Национальном управлении по борьбе с наркотиками.

Проблема борьбы с наркоманией в Израиле уже давно стала одной из острых и злободневных. Национальное Управление по борьбе с наркотиками и алкоголем было создано решением правительства Израиля в декабре 1998 года и напрямую подчиняется министерству Главы правительства. Почему же отдел по работе с русскоязычным населением создан только сейчас? Чем будет заниматься данный отдел? Каковы функции его сотрудников? Эти и другие вопросы мы обсудим в ходе беседы.

- Виктор, о вашей амуте «Кохав Давид», о тех спортивных и праздничных мероприятиях, которые она проводит, «Кавказская газета» писала неоднократно. И вдруг мы получаем информацию о том, что вы возглавили отдел по борьбе с наркотиками. Что означает такая резкая смена деятельности?

- Это не смена деятельности, это добавление ещё одного направления в работе. Как вы уже сказали, я руковожу работой амуты «Кохав Давид», которая была создана в 1997 году, росла, развивалась и подошла к своему десятилетию в виде достаточно большой организации, которая работает по 25 направлениями. Мы начали с бокса, но постепенно к нам стали обращаться тренеры по другим видам спорта. На сегодняшний день без преувеличения можно сказать, что наша амута — единственная в Израиле организация такого масштаба, где руководители говорят на русском языке. Но это не означает, что и подопечные наши все русскоязычные, 30-35% наших учеников сегодня дети из местных семей.

18 из 25 направлений нашей работы - это спорт, а 7 - рисование, математика, английский и прочее. Сегодня наша организация в Кирьят-Гате насчитывает 1200 человек. Самым маленьким нашим ученикам — 3,5 года.

- Совершенно очевидно, что к вашим подопечным проблема наркомании никакого отношения не имеет. Как же появилось это новое направление в работе?

- Три года назад ко мне пришёл Михаил Левиев. Я знаю его с детских лет. Почти 10 лет он был наркоманом. Прекрасно помню, сколько раз

за эти годы я с ним беседовал, уговаривал, объяснял, и всё было напрасно. Но в какой-то момент, видимо, произошло прозрение: он «очистился», прошёл курс реабилитации и в 2004 пришёл ко мне с тем, что хочет начать работать с трудными подростками. Я ему тогда прямо сказал: «Придёшь через год, тогда посмотрим». Безусловно, у меня были опасения, что он не окончательно завязал с наркотиками, что возможен возврат, и какая уж там работа.

Но он действительно пришёл через год. Принёс документы, рекомендательные письма, подтверждающие, что он «чистый», и вновь предложил начать работать.

До этого момента я никогда не занимался проблемой наркотиков и мало что в этом понимал. Знал, что это плохо. Знал, что есть наркоманы, неоднократно с ними беседовал, но, опять же, на уровне: «Ребята, наркотики - это плохо». Я и подумать не мог, что когда-то серьёзно займусь этой проблемой.

- Видимо, опыт организационной работы и хорошее знание молодёжи подсказали Вам, с чего надо начинать?

- Начинают всегда с изучения вопроса. Я проштудировал большое количество литературы и понял, что работы здесь непочатый край. Чем глубже я вникал в проблему, тем яснее мне виделись её масштабы. Михаил сделал статистику по городу и выяснил, сколько у нас наркоманов среди русскоговорящего населения. Цифра получилась очень большой, хотя я уверен, что мы учли далеко не всех. Допускаю, что немалый процент мы не знаем, т.к. они нигде не числятся, нигде не зафиксированы.

Мы выделили помещение, привлекли специалистов. Мне важно было понять, какие причины вызывают такое широкое распространение наркомании среди детей из русскоязычных семей. Оказалось, что причин немало. Среди них и стресс, полученный при переезде в другую страну, и неустроенность родителей, и напряжённая атмосфера в доме, и отсутствие должного внимания к детям, а как следствие появление у них чувства одиночества и незащищённости, и многое, многое другое.

- То есть Вы хотите сказать, что основные проблемы идут из семьи?

- Многие из них. Мы все были детьми и помним, как важно нам было за кем-то идти, кому-то доверять. Ребёнку обязательно нужен какой-то авторитет, и если он не находит авторитета дома, то будет искать его на стороне. Хорошо, если таким авторитетом для него станет учитель, тренер, а если нет, то он обязательно найдёт его на улице. А мы прекрасно знаем, что положительный авторитет на улице найти практически невозможно.

Изначально главной задачей нашей амуты было — убрать детей с улицы, дать им возможность заняться чем-то интересным, приобщить к спорту, что полезно и для правильного воспитания характера, и для здоровья, и как профилактика правонарушений. Но теперь главный упор мы сделали именно на «трудных» подростков. Начали привлекать их к работе. Мы даже приняли решение набирать группы не в готовые проекты, а в развивающиеся, чтобы ребята почувствовали самостоятельность, чтобы поняли, что их мнение, их идеи важны, что к ним прислушиваются.

За два с половиной года, которые мы с Михаилом занимались проблемой наркомании в нашем городе, мы постоянно сталкивались с тем, что родители, желающие помочь своим детям, попавшим в беду, не знают куда пойти, не знают к кому обратиться. Мы начали им помогать, связываться с медицинскими учреждениями, социальными службами. 10 человек за это время мы отправили на лечение, 7 — вытащили из тюрьмы.

- Что значит «вытащили из тюрьмы»?

- Благодаря тому, что наша организация пользуется значительным авторитетом в городе, ребят отпускают под нашу ответственность. Мы представляем их в судах, берём под свою опеку и работаем с ними. У нас они проходят «аводот ширут» - общественные работы, заменяющие тюремное заключение: помогают нашим преподавателям, занимаются оформлением помещений. Мы стараемся подыскать им занятие по душе. Очень помогают ребята-активисты, которые проходят срочную службу в армии, а в своё свободное время приходят к нам и работают с трудными подростками.

- Но если вам доверяют «трудных», значит, вы за них отвечаете. Нет ли с ними проблем?

- В некоторых случаях есть, но большинство понимают, что мы им даём шанс, которого больше не предоставим. Если они сейчас нас подведут, то второй раз никто за них не поручится. Есть ребята, которые под влиянием воспитательной работы резко изменили жизнь и сейчас сами помогают нам в работе со школьниками и молодёжью.

- Каким образом Ваша работа перешагнула рамки Кирьят-Гата?

- В один прекрасный момент мы поняли, что многие вопросы своими силами на местном уровне мы решить не в состоянии. К примеру, проблему социальной необеспеченности. Как бы мы не стремились заниматься благотворительностью, но заботу обо всех детях из малообеспеченных семей мы взять на себя не можем. В Израиле пришлось забыть о коммунизме и понять, что секции и кружки должны работать на самоокупаемости. А что делать с теми детьми, родители которых не могут платить даже самую умеренную сумму? Как сказать ребёнку: «Принесёшь деньги, тогда и будешь заниматься»? Сказать так, значит заведомо отправить его на улицу. Почему социальные службы не думают, что если родители находятся на соц. обеспечении, то и об их детях тоже надо позаботиться? И это уже не местные проблемы, а государственные.

Или другой пример. Вы знаете, что сегодня зафиксированы случаи наркомании среди 10-11-летних детей?

- Этого не может быть! Откуда у них деньги?

- Не нужны им никакие деньги. Вы просто неграмотны в этом вопросе. Зайдите в Интернет и просветитесь. Сегодня есть сайты, на которых вам популярно объясняют, как соорудить замечательный препарат из того, что есть у вас дома. Дети прекрасно обходятся и без дорогостоящих наркотиков. Им вполне хватает обыкновенного клея «Момент» или его израильского аналога, который стоит 2,5 шекеля. Очень хорошо идёт газ от кондиционеров. Это называется «нюхать мазган».

На местном уровне с этой проблемой мы бороться не можем. Ну, допустим, обошли мы в Кирьят-Гате все хозяйственные магазины и попросили не продавать детям клей. Многие отнеслись к нашей просьбе с пониманием. Но запретить продавать его мы не можем. Так же как и не можем заставить всех владельцев кондиционеров делать соответствующие ограждения, чтобы ограничить доступ и не давать их «нюхать». Это можно сделать только на общегосударственном уровне, т.е. издать закон, запрещающий, к примеру, продавать детям до 18 лет те или иные товары, как это сделано с алкогольными напитками.

- Мне, как человеку никогда с этой проблемой не сталкивавшемуся, трудно поверить, что она приняла такие масштабы.

- К сожалению, это так. На основании проведённых исследований мы пришли к выводу, что ситуация, сложившаяся в Кирьят-Гате, ничем не отличается от ситуации в Сдероте, Нетании и в любом другом горо-

де страны. Она принимает масштабы национальной угрозы. Если взять статистику в среднем по стране, то мы увидим, что каждый 10-й ребёнок сегодня становится жертвой наркомании. Такого количества детей мы ни в одной войне не теряли. В конце концов, так и без нации можно остаться.

Мы должны осознать, что нас планомерно уничтожают, причём с двух сторон – и изнутри, и снаружи. Схема уничтожения проста: с палестинских территорий или из Ливана в Израиль завозятся наркотики. Здесь они раскупаются, употребляются – вот вам уничтожение нации изнутри. Деньги от продажи возвращаются туда же, на территории или в Ливан, и на них покупается оружие, которое применяется против нас же. Получается, что мы сами финансируем своё уничтожение.

Простой и гениальный способ стереть нас с лица земли. Наркотики вообще самый простой и лёгкий способ уничтожить любую нацию. Не надо никого заставлять, принуждать, люди сами ищут эту заразу.

- Вырисовывается страшная перспектива. И у Вас появился план борьбы за выживание?

- Прежде всего, от локальной борьбы, которую мы вели в своём городе, надобило переходить к глобальной, на правительственном уровне. «У нас есть русскоязычные депутаты Кнессета, они и должны нас защищать» - решили мы и обратились к Авигдору Либерману. Состоялась серьёзная беседа, в ходе которой нам удалось доказать, что проблему наркомании надо решать срочно и на общегосударственном уровне, это во-первых. Во-вторых, с помощью цифр и фактов мы показали, насколько серьёзно эта проблема стоит именно на «русской улице». Если мы заглянем в любой центр, в любую клинику по лечению от наркотической зависимости, то увидим, что среди пациентов около 60% - русскоязычная публика. И, в-третьих, мы объяснили, что с миллионным русскоязычным населением должны работать не местные специалисты, а русскоговорящие.

- Вы считаете, что местные специалисты хуже наших?

- Ни в коем случае! Здесь не идёт речь о том, кто хуже, а кто лучше. Проблема в языке, в ментальности и в чисто человеческом понимании пациента. Как может понять израильтянин, что мы с вами воспитывались в большой прекрасной стране, где не было ни наркоманов, ни больных СПИДом, ни проституток, что у нас был хороший, здоровый, необъятный Союз?

Я, конечно, утрирую. Всё это было, но замалчивалось и тщательно скрывалось. У нас не было литературы, не было знаний. Мы привыкли скрывать эту проблему по двум причинам: во-первых, страшно было за ребёнка, его могли забрать, поместить в «психушку», и неизвестно, что с ним там стало бы. А во-вторых, мы боялись того, «что скажут люди». Мы боялись потерять всех друзей и знакомых. Кто захочет иметь дело с семьёй наркомана?

И эту же самую психологию мы привезли с собой в Израиль. Поэтому совершенно очевидно, что с нами должны работать специалисты, которые понимают наши проблемы и нашу ментальность.

- Судя по результатам, встреча с Либерманом прошла успешно.

- Да. При переговорах по коалиционным соглашениям Авигдору Либерману удалось добиться выделения бюджета на организацию при Национальном Управлении по борьбе с наркотиками «русского» отдела.

Когда все формальности с открытием этого отдела были завершены, начались поиски кандидатуры на должность его руководителя. На собеседования были приглашены многие, в том числе и я. Так сложилось, что выбор пал на меня. Руководство отделом я принял в сентябре 2006 года и начал подбирать кадры для работы на местах. Более половины моих сотрудников это бывшие наркоманы. У каждого из них за плечами много лет «чистого стажа» и десятки наркоманов, которых они спасли. Как показывает практика, наркоману лучше всего может помочь только бывший наркоман, потому что он лучше всех его понимает, т.к. изучал эту проблему не по книжкам. Многие из тех, кто сейчас со мной работает, работали в своих городах и до меня, добровольно.

За несколько месяцев работы мы уже немало успели сделать. Отделения Управления по борьбе с наркотиками находятся в 50 городах Израиля. Нашим отделом взяты в разработку пока 15 городов. Это города, в которых более 20 тыс. русскоговорящего населения, либо свыше 40 % от общего количества жителей. Это Ашдод, Ашкелон, Бат-Ям, Беер-Шева, Димона, Иерусалим, Кармиэль, Кирият-Гат, Рамле, Реховот, Ришон ле-Цион, Ор Акива, Мигдаль Эмек, Нацрат Илит. В этих городах наши представители уже работают, а сейчас на очереди ещё 8 городов.

Две недели назад была открыта «горячая линия», на которую уже поступило около сотни звонков. Была проведена рекламная кампания в газетах, на радио и телевидении, открыт сайт на русском языке в Интернете, выпущены разъяснительные рекламные проспекты.

- В чём заключается ваша работа, каковы функции представителей отдела в городах?

- Основная наша работа — профилактика. Нужно работать с поколением, нужно создать отрицательную стигму, нужно с малого возраста вести разъяснительную работу и показывать те страшные последствия, к которым может привести любой наркотик. Особый упор мы делаем на работу с родителями, создаём «родительские классы», советуем, объясняем, отвечаем на вопросы, например, как на ранних стадиях определить, что ребёнок начал употреблять тот или иной наркотик. На нашем сайте есть таблица, с которой должен познакомиться каждый родитель. В ней описано, какой наркотик как проявляет себя, и по каким признакам родители могут определить, что с ребёнком не всё в порядке.

Благодаря тому, что у нас есть официальное право обращаться в лю-

бые инстанции и получать доступ к необходимой информации наши представители в городах работают с отделениями министерства абсорбции, социальными отделами, полицией и т.д., и по тем данным, которые там получают, составляют полную картину: сколько в городе детей, подростков и молодёжи из русскоговорящих семей, кто из них чем занимается, кто состоит на учёте в полиции и проч.

Такой полной информации никто никогда не имел. А мы теперь, обладая ею, можем строить свою дальнейшую работу, т.к. она даёт возможность выявить «проблемных».

- Профилактика — это очень важно. А тем, кто уже попал в беду, вы чем-то помочь можете? Или это не ваша функция?

- Да, основная наша задача — разъяснительная работа и профилактика. Но если мы сейчас возьмём распечатку звонков и посмотрим на тему разговоров, то придём к выводу, что 90% позвонивших уже в этой беде, профилактику делать поздно. И мы взяли на себя добровольно дополнительную ответственность сопровождать человека, который попал в беду, «до двери». Этого от нас никто не требовал, это «не наши функции», но мы выясняем, какие анализы нужно сделать, в какую клинику лучше обратиться, как преодолеть бюрократические проволочки, и сопровождаем человека на протяжении всего пути, чтобы он «не заблудился», не удлинил себе дорогу к излечению.

- Я не совсем поняла: если человек уже сам хочет вылечиться, какие на его пути могут возникнуть проблемы?

- Проблема заключается в том, что государственных лечебных учреждений, занимающихся наркоманами считанные единицы по стране. Частных — много, но лечение в них дорого стоит, что не каждой семье по карману. Допустим, наркоман хочет излечиться и обращается в государственные службы, его направляют на анализы, потом ставят на очередь в государственное учреждение, а пока его очередь доходит, он продолжает употреблять наркотики, его ситуация усложняется. Коротко говоря, замкнутый круг. Чтобы его разомкнуть мы сейчас пытаемся добиться дополнительного бюджета, который позволит нам размещать детей из малоимущих семей в частных клиниках.

- Виктор, я хочу пожелать Вам удачи. Вам и всем Вашим сотрудникам. Удачи, сил и побольше единомышленников.

Уроки жизни

В этот раздел включены статьи о героях абсолютно разных. Среди них есть и люди молодые, и довольно почтенного возраста. Объединила я их в раздел «Уроки жизни», руководствуясь тем, что каждый из них своим примером иллюстрирует ту жизненную позицию, которая вызывает у меня глубокое уважение: равнодушие, искренность, стремление к образованию, стремление идти вперёд, не останавливаясь на достигнутом. А ещё их объединяет, даже если они напрямую об этом не говорят, страстное желание обязательно сделать в жизни что-нибудь важное, полезное для людей. Если бы таких людей на свете было больше, дышать всему миру стало бы легче.

А ещё я назвала этот раздел «Уроками жизни» потому, что и мне, и, надеюсь, читателям есть чему у моих героев поучиться. Жизнестойкости, целеустремлённости, например...

РАЗРЕШИТЕ ВАМ ПРЕДСТАВИТЬ...

В нашей общине немало людей, которым небезразлична её судьба. Но таких знатоков истории общины и ревностных борцов за сохранение культуры и языка, как Пётр Рафаилович Агарунов, считанные единицы. Поздравляя члена редакционной коллегии «Кавказской газеты» Петра Рафаиловича Агарунова с Днём рождения, мы решили опубликовать на страницах газеты интервью с этим замечательным человеком, чтобы читатели имели возможность познакомиться с ним поближе.

- Пётр Рафаилович, расскажите немного о своей семье.

- Я родился 1 января 1930 года в Красной Слободе, правда на тот момент она называлась Еврейской Слободой, а в 1933 её переименовали. Должен вам сказать, что для горских евреев Советская власть сделала многое. В Красной Слободе до прихода Советской власти было 11 синагог, а вот школ гораздо меньше. Грамотными были в основном раввины, ещё человек 20 знали светскую науку, а остальной народ был тёмным, безграмотным. И вот за первые 15 лет новой власти в Слободе выросла плеяда прекрасной интеллигенции. Только из Красной Слободы вышло 102 педагога с высшим образованием, 56 врачей, 13 докторов наук.

Надо сказать, что народ у нас завистливый. Есть такая характерная черта. Но в данной ситуации это качество национального характера сыграло только на пользу. Люди видят: у тех ребёнок выучился, у этих тоже, значит и мои должны выучиться, чтобы не быть хуже других.

Отца своего я почти не помню. Он умер в 1933 году. Ему было всего 28, а мне не было ещё и 3-х лет. Из рассказов старших знаю, что он сотрудничал с разными газетами, писал стихи на родном языке, посвящённые новой власти. Использовал для письма, кстати, ивритские буквы.

Мать в 22 года осталась с двумя крошечными детьми. В 1936 она снова вышла замуж. Мой отчим оказался очень хорошим, порядочным человеком, и если во мне есть что-то хорошее, то этим я обязан ему. Мой отчим был капитаном милиции. В 1937 году, когда начались репрессии, он предупреждал многих, особенно религиозных

и зажиточных жителей Слободы, о предполагаемых арестах, и прекрасно понимал, что это рано или поздно, откроется. Не дожидаясь наказания, он решает уйти из милиции и увезти семью в Дербент. Но это ему не помогло. Отчима всё равно арестовали и посадили.

- Любовь к литературе и искусству — это, наверное, у вас от отца?

- Возможно, если учесть, что он печатал свои стихи в газетах, и история моего вхождения в мир искусства тоже началась с газетной публикации.

После окончания школы я был призван в армию. Наш набор был первым послевоенным набором. Уходили служить на 3 года, но людей после войны не хватало, и к моменту моей демобилизации пришёл приказ оставить нас ещё на 3 года. Итого получилось шесть. 4 года был в Германии, а затем в Каунасском авиационном полку.

Демобилизовался, устроился на работу радиомехаником. Надо сказать, что искусством, а в особенности театром, я интересовался всегда. И вот в конце 50-х был организован самодеятельный межколхозный татский театр. Этот театр должен был продолжить традиции старого театра, закрытого в начале Великой Отечественной войны, когда артисты ушли на фронт. Я посмотрел одну пьесу в этом театре и написал очень критическую статью в газету. Потом ещё и ещё одну. И совершенно для себя неожиданно получил предложение занять должность директора этого театра. Рекомендовал меня наш прекрасный поэт Сергей Изгияев (светлая ему память). На этой должности я проработал около 5 лет. Результатом моей работы стало то, что нашим театром заинтересовались. Его признали даже в Москве. Мы ставили разные пьесы, среди которых были и серьёзные классические произведения.

Но я понимал, что долго театр не протянет. Ситуация была похожа на историю с иголкой: если остриё поломается, ушко не пригодно, ушко отлетит, с остриём нечего делать. Коллектив театра состоял из талантливой молодёжи и нескольких старых артистов из театра 1935 года. Но ни один из актёров не был профессионалом, а, кроме того, коллектив был небольшой, все работали без дублёров. И я договорился в Щукинском училище, что каждый год они будут принимать 11 наших студентов, и те получают там высшее образование, то есть хотел перевести театр на профессиональные рельсы.

С училищем-то я договорился, но никто, ни один человек из труппы не захотел учиться. И тогда я твёрдо для себя решил, что ухожу. Театр бесперспективный, и жалко на него тратить жизнь.

Подал документы во ВГИК на режиссерский факультет. Два года поступал безуспешно, а на третий год мне сказали: «Вы же директор театра. Поступайте на факультет кинопродюсеров (раньше он на-

звался экономический). Из вас получится прекрасный директор фильма».

Я окончил ВГИК, 4 года работал на киностудии зам. директора фильмов.

- А как вы попали на телевидение?

- Началась моя работа на телевидении Азербайджана, а затем меня направили в Таджикистан. С 1973 года по 1984 года я работал там директором объединения «Экран» и был избран Секретарём Союза кинематографистов Таджикистана. Там я и проработал до пенсии.

В моей работе было много интересных моментов. К примеру, я был одним из первых, кто на телевидении начал работать с плёнкой. Моя должность называлась «Главный редактор главной редакции подготовки программ на плёнке». До этого все передачи на телевидении шли в прямом эфире. С одной стороны это вызывало огромное количество накладок, а с другой стороны был затруднён процесс цензуры. И был найден способ, как этого всего избежать. Началась работа с плёнкой. Сначала передачу записывали, затем цензура всё, что считала нужным, вырезала, а то, что оставалось, пускали в эфир.

А позже, когда я работал в союзе кинематографистов, нам органы правопорядка приносили на экспертизу видеокассеты, конфискованные из нелегальных видеосалонов. Помните, когда только первые видеосалоны начали появляться? И мы должны были определить: есть ли на кассетах порнография или нет. Мне тогда по штату полагался видеомагнитофон. Представляете, чего мы там только по долгу службы не насмотрелись?

А вообще, это была очень интересная работа. И административная, и творческая. Делали новые передачи, снимали фильмы.

Вот вам, собственно, и вся моя жизнь в искусстве: театр, кино, телевидение.

С Петром Рафаиловичем мы беседовали долго. С этим нестарющим человеком, полным юмора и жизненной энергии, разговаривать можно часами и на различные темы. Свои рассказы он пересыпает пословицами и поговорками, а иногда вдруг прерывает сам себя и начинает цитировать кого-нибудь из своих любимых поэтов. Он очень эмоциональный и по-детски сентиментальный человек, особенно, когда речь заходит про «дела общинные».

Что же нам пожелать ему в День рождения? Здоровья! Это главное! А всё остальное - творческий огонёк, блестящее чувством юмора, неиссякаемый оптимизм - всё это у него и так есть.

А ПОЛКОВНИК И НЕ ЗНАЛ, ЧТО ОН ПОЛКОВНИК

Знаете, что, на мой взгляд, самое интересное в работе журналиста? Интервью с интересным собеседником. А интересные собеседники в основной своей массе люди далеко не простые. Поэтому самой интересной во время интервью становится задача построить беседу так, чтобы твой визави забыл о включённом диктофоне, о деловой обстановке, доверился тебе, позволил себе быть откровенным и искренним. И если журналист сумеет этого добиться, то ему будет очень интересно писать такую работу, а читателю потом будет интересно

её читать. Честно говоря, удаётся это не всегда. Но на сей раз, думаю, удалось.

Полковника милиции Давида Писаховича Ашурова мы недавно поздравляли на страницах «КГ» с 70-летием. Поздравление сопровождалось небольшой заметкой Хананила Абрамова, в которой были отражены основные вехи служебной карьеры юбиляра. Прочитав её, я обратила внимание на то, на что рядовой читатель, скорее всего, не отреагировал бы: в статье очень подробно и детально описана жизнь юбиляра с момента рождения в 1935 году и до 1980 года, а затем начинаются общие фразы, рассказ о наградах и поощрениях, поздравления.

Что-то тут не так! Ведь в 1980 нашему юбиляру было всего 45 лет. Что-то ведь с ним в последующие годы должно было происходить? «При случае надо бы выяснить, в чём тут дело», – мелькнула у меня мысль.

Не подвело таки журналистское чутьё! И случай подвернулся: буквально через пару недель я попала в гости к Давиду Писаховичу и задала ему этот вопрос.

- Эх, журналистская братия! И всё-то вы замечаете, и всё-то вас интересует! Хананил Абрамов мою жизнь лучше меня знает, поэтому аккуратно острые углы обошёл! Да и не люблю я возвращаться к тем временам. Очень уж больная тема, – вот так начался разговор.

Но постепенно, потихоньку лёд был растоплен, и Давид Писахович рассказал мне ту историю, о которой вспоминать не любит. А потом даже согласился, чтобы я передала её читателям на страницах газеты.

Но начнём мы с самого начала, чтобы подвести читателя к сути дела постепенно.

Давид Писахович Ашуров уроженец Красной Слободы Кубинского района Азербайджанской ССР. В 1955 был направлен на обучение в Вильнюсскую школу подготовки начальствующего состава МВД СССР, а в 1958 начал свою милицейскую карьеру в чине лейтенанта. За годы службы заочно окончил юридический факультет Азербайджанского Госуниверситета, Киевскую академию МВД, университет марксизма-ленинизма. Занимал важные и ответственные посты, неоднократно представлялся к наградам.

В ноябре 1975 года ему было присвоено звание подполковника и дано очередное назначение на должность заместителя начальника по оперативной работе Октябрьского района города Баку — одного из самых больших и самых тяжёлых районов города.

- Давид Писахович, судя по Вашему послужному списку, всё складывалось прекрасно: карьерный рост, присвоение очередных званий...

- Всё, действительно, складывалось удачно. Переломный момент в судьбе и карьере начался с того, что моя сестра с семьёй решила репатриироваться в Израиль. С этого момента в моей жизни, жизни работника правопорядка, начали твориться сплошные беззакония. Как работник правоохранительных органов, я знал, что скрыть факт отъезда сестры не удастся, да я и не хотел ничего скрывать. Поэтому сразу же написал рапорт на имя высшего руководства, в котором сообщил о репатриации сестры. Но честность меня не спасла. Видимо, судьба моя уже была решена. Прежде всего, кто-то в вышестоящих инстанциях дал распоряжение «убрать Ашурова из органов». Но это не так-то просто сделать, учитывая годы моей безупречной службы, звания и награды.

И тогда было сфабриковано уголовное дело. Оно не имело под собой никакой реальной почвы, но это было доказано потом. А тогда, в 1980 году, я был вызван к следователю, который сообщил мне, что им всё известно, вина моя в злоупотреблении служебным положением доказана, и если я признаюсь, то суд это зачтёт.

- Очень похоже на 37-й год. Но Вы же и сами следователь. Вас же нельзя просто так взять «на испуг»!

- Ну, конечно же, нельзя. Я прекрасно знаю законы и порядок ведения следствия. Прежде всего, я заявил, что ни в чём не виноват, и признаваться мне не в чем. А, кроме того, я даже не знал, в чём меня обвиняют, поэтому попросил предоставить мне право ознакомиться с обвинительным заключением.

Всё выглядело как-то несерьёзно. Те, кто начал против меня эту компанию, должны были учесть, что я знаю все свои права, и сам неоднократно объяснял их подследственным. Но почему-то в моей ситуации они не соблюдались. Мне так и не дали ознакомиться с обвинительными документами, но и не арестовали.

- Ну а дальше, наверное, как в кино: против следователя заводится дело, его отстраняют от должности...

- Какой там «отстраняют»! Немедленно был подписан приказ о моём увольнении. И это тоже было противозаконно, т.к. подполковника милиции можно было уволить только на основании приказа, подписанного Министром внутренних дел СССР. На этом этапе мне удалось отстоять свои права. Меня оставили на службе с условием, что я не должен ходить на работу. Оставили, так сказать, формально, до получения приказа из министерства. Я числился и получал зарплату. А через несколько месяцев приказ пришёл, и подполковник Ашуров оказался безработным.

- И Вы не пытались защищаться?

- Конечно, пытался! Я не собирался сдаваться, с первой же минуты решил защищаться и доказывать свою правоту. Я начал писать письма в различные инстанции. «Не пиши, - говорил мне отец, - хуже будет. Вот увидишь, тебя исключат из партии». Но пока я числился на службе, я исключения не боялся. Исключить из партии нельзя приказом. Это выносится на общее собрание парторганизации. А люди, с которыми я много лет служил, не допустили бы этого и отстояли бы меня. Коллектив у нас был очень честный. Видимо, и начальство это знало, поэтому разговор об исключении не вёлся. Я продолжал писать и писал в течение 8 лет.

Первые результаты моих писем не заставили себя долго ждать. Слова отца оказались пророческими. Как только я закончил свою работу в органах внутренних дел, меня исключили из партии. Но я и тогда не сдался, а продолжал добиваться справедливости. Писал в Министерство, в ЦК и даже на XXIV съезд партии. «Если я виноват, пусть это объявит суд, и я готов нести ответственность. А если вы не отдаёте меня под суд, значит, моя вина не доказана», - писал я. Меня вызывали для разбирательства в самые высокие инстанции, но везде повторялось одно и то же: вы виновны, и ваша вина со временем будет доказана. Писал-то я в Москву, но мои письма для разбирательства возвращались обратно в Азербайджан и попадали фактически к тем же людям, которые против меня всё и состряпали.

Мне было очень тяжело сознавать свою бесправность и полную неспособность чего-либо добиться, но, кроме этого, на меня свалилась ещё одна проблема: я не мог устроиться на работу.

- Такое могло быть в Советском Союзе?

- Представьте себе, да! С того дня, как был подписан приказ о моём увольнении, я начал заниматься своим трудоустройством. На момент моего увольнения мне оставалось всего пару лет до получения выслуги, но мне не дали их доработать, следовательно, и пенсии у меня не было. Но меня это не очень волновало. Я был уверен, что без работы

не останусь: с моими тремя юридическими дипломами работу юриста я всегда найду. Но, как оказалось, я заблуждался. Два года искал работу. За время работы в органах у меня в городе появилось огромное количество знакомых, приятелей, друзей. Но никто не мог или не хотел мне помочь. Люди боялись. А я не обижался. Я их понимал.

Два года я искал работу, но меня не брали не только на серьёзные должности, меня не брали даже простым юристом в маленькую организацию. Дошло до того, что я стал искать любую работу по объявлениям в газете. Расскажу только один случай: читаю я объявление, что в Русский Драматический театр города Баку требуется пожарник и немедленно направляюсь туда. В отделе кадров ознакомились с моими документами и честно сказали: «Вам на эту работу устраиваться нельзя. Что ни случись, тут же обвинят вас, и вы ничего не докажете».

Состояние моё было близко к отчаянию. Уж если меня и пожарником не берут, так что же дальше будет?

И всё же мир не без добрых людей. Иду я как-то по городу и встречаю своих бывших сослуживцев, с которыми работал много лет назад. Ну, как обычно в таких случаях: радость, объятия, расспросы. Я рассказал им свою историю, и один из моих сослуживцев, уже отставник, мне помог устроиться юристом в Бакинском горкоопторге. Я очень благодарен тем людям, которые дали мне тогда шанс выкарабкаться и продержаться. И я их не подвёл. За 6 лет работы я добился очень хороших результатов, сильно продвинулся по служебной лестнице и даже был удостоен звания Заслуженного юриста республики.

- Вы сказали, что писали и ходили по инстанциям 8 лет. Значит, и все эти годы, уже работая на новом месте, Вы продолжали свою борьбу?

- Конечно! Я обязан был доказать свою невиновность. Это было для меня уже делом чести. И вот в один прекрасный день я получаю телефонный звонок из ЦК Азербайджана: «Ашуров вы должны быть завтра вечером в Москве. Вас вызывают в комитет партийного контроля ЦК КПСС». Не надо объяснять, с каким чувством я летел в Москву. Фактически, это был последний шанс. Если мне и там откажут, то выше уже обращаться не к кому.

Я прилетел в Москву, явился по указанному адресу и у окошечка, в которое мне указано было обратиться, встретил пожилого человека. Он показался мне знакомым. Это был бывший прокурор республики Азербайджан Гомбай Аскерович Мамедов, также несправедливо уволенный и исключённый из партии. Нас обоих направили для беседы к одному и тому же инструктору ЦК. Беседовали с нами в течение целого дня с 9 утра до 6 вечера. Час со мной, час с Мамедовым, опять час со мной, час с ним. И так до вечера. И только под вечер инструктор сообщил мне, что завтра мой вопрос будет рассматриваться на бюро КПК.

Нас отпустили отдохнуть, а утром следующего дня мы явились

на заседание бюро. Нас, ожидающих решения своей участи, собралось там человек восемьдесят. Мне повезло, вызывали по алфавиту! Я Ашуров, поэтому меня вызвали первым. Никогда не забуду этот день 11 октября 1989 года.

- Давид Писахович, но у Вас уже было какое-то предчувствие? Вы уже поняли, что всё должно закончиться хорошо?

- Нет! Я был в диком напряжении. Мне ничего не было понятно: я зашёл, мне предложили сесть, слова не дали, ни о чём не спросили, а предоставили слово инструктору, который вчера со мной работал. Он долго читал свои записи и только в самом конце сказал, что есть рекомендация восстановить меня в партии. А после этого мне задали пару вопросов. Я должен был прийти в себя, заставить себя собраться, понять, о чём меня спрашивают и достойно ответить на вопросы. В самом конце меня спросили: «А не думаете ли вы, что с вами обошлись несправедливо по национальному признаку?» Ну что я мог там ответить? Сказать всё, как есть, - значило испортить дело. «Нет, - ответил я. — Я так не думаю. Причина моих бед в отдельных непорядочных людях, которым выгодно было отстранить меня от дел». Видимо, мой ответ устроил всех. Мне объявили, что бюро единогласно приняло решение восстановить меня в партии. Не помню, как вышел из кабинета. Меня встретили все ожидавшие своей очереди. Совершенно чужие люди начали меня целовать, обнимать. Все вокруг радовались, а я так до конца и не мог осознать, что всё уже позади. Посидел, успокоился и решил дожждаться Мамедова. Через некоторое время пришла и его очередь. Он не выходил минут сорок. Потом открылась дверь, Гомбай Аскерович появился на пороге, сделал несколько шагов и упал в обморок. Знаете, что он сказал, когда пришёл в себя? «Восстановили!» Он был замечательным человеком, кристально честным, а этим кому-то мешал. С ним попросту расправились, и он, также как и я много лет боролся за своё честное имя.

Я хотел проводить его домой, всё-таки пожилой человек после такого нервного потрясения. Но он не согласился: «Я не хочу отдыхать, я хочу, чтобы ты поехал немедленно в МВД с постановлением о восстановлении в партии и подал рапорт о восстановлении в должности. А я поеду с тобой».

- И Вас восстановили? И даже присвоили Вам звание полковника?

- Были, конечно, проверки, формальности. Но в итоге восстановили. На моё последнее рабочее место, естественно, был кто-то назначен. Я не хотел ему мешать, и мне начали предлагать другие места, даже в Карабах посылали. Я не согласился. Теперь сила и правда была в моих руках. Мне должности были уже не нужны. Мне нужно было дослужить около года до законной выслуги лет и уйти на пенсию. Так и произошло. Около года я где-то числился и благополучно вышел

в отставку. А что касается моего звания, я вам честно скажу: если бы это случилось не со мной, я бы, наверное, даже и не поверил в то, что такое возможно.

Когда военный уходит в отставку, ему присваивается очередное звание. Я, подполковник Ашуров, оформляя документы отставника, естественно был в праве ожидать своего производства в полковники. И тут я узнал ещё одну интересную вещь: оказывается, приказ о присвоении мне звания полковника пришёл ещё в 1980, но выписку из приказа «забыли» положить в моё личное дело. И почти 10 лет я даже и не знал, что я полковник. Да и узнал я об этом тоже очень оригинально: стою в очереди к окошечку, чтобы оформить необходимые документы, а за мной в этой же очереди стоит бывший сослуживец, а к тому времени уже отставник. Мы разговорились, и вдруг он спрашивает: «А почему ты подполковник? Я же много лет назад видел приказ о присвоении тебе звания полковника!» Вот так, не из официальных источников, а от случайного человека, я узнал, что давным-давно полковник.

Я потребовал поднять все документы, и приказ о присвоении мне звания был найден.

- Давид Писахович, Вам никогда не приходило в голову написать книгу о том, что с Вами произошло? Это же готовый сюжет для романа!

- А что? Всё может быть. Это же я вам вкратце, без подробностей рассказал. А если всё вспомнить, то интересного за эти годы было немало. Правда, тогда оно мне интересным не казалось. Страшно было! Больно, обидно и страшно!

ПРОФЕССОР МАСАНДИЛОВ

С доктором сельскохозяйственных наук, профессором, заслуженным агрономом РСФСР и ДАССР Эрзолом Сафьяновичем Масандиловым мы встретились в его доме в тихом районе Беер-Шевы.

Разговаривали долго и на разные темы. Меня, прежде всего, интересовало: как человек, учёный, удостоенный научных степеней и наград, устроил свою жизнь в Израиле, как воспринимает с позиций своего опыта и знаний положение дел в стране.

Мы беседовали о развитии сельского хозяйства в Израиле. Оказывается, климатические условия здесь очень близки к условиям Средней и Центральной Азии, с которыми профессор прекрасно знаком. Жаль только, что наши деятели науки, к которым он обращался по приезду в страну (а ему тогда было всего лишь 68 лет — прекрасный возраст для учёного), не смогли или не захотели воспользоваться его опытом и знаниями. Эрзол Сафьянович поразил меня приведёнными им цифрами: по его мнению, при правильном подходе в Израиле можно получать не 2, как сегодня, а 3-4 урожая в год и в несколько раз увеличить объём каждого урожая. В его арсенале даже есть соответствующие разработки, но, увы...

Разговаривали об израильском сельском хозяйстве, о научных разработках самого профессора, о его учениках, которыми он очень гордится.

Поговорили мы даже о Хрущёве и его «кукурузной политике». Ведь начало научной деятельности профессора Масандилова пришлось именно на те годы.

- Я могу назвать эту кукурузную эпопею преступлением в государственном масштабе, - сказал профессор. - Многие учёные тогда выступали против повсеместного возделывания кукурузы, но к ним никто не прислушался. Любой агроном знает, что необходимо чередовать культуры. Любая сельскохозяйственная культура за год высасывает из почвы те элементы, что ей необходимы. Следовательно, на следующий год нужно сажать что-нибудь другое, чему для роста и развития требуются другие элементы. Но наше правительство за-

хотело убедиться в этом на собственном опыте. И только когда урожайность через год снизилась на 30%, а ещё через год на 50, стала очевидна вся бесперспективность этой затеи.

Беседа наша получилась чрезвычайно интересной. Я почерпнула огромное количество любопытной и полезной информации. Но больше всего меня тронул рассказ профессора Масандилова о его семье, о его родителях и о тех уроках, которые он вынес из детства. Эта часть нашего разговора показалась мне самой важной, и я решила, как можно подробнее передать читателям именно её. Думаю, многим это будет интересно и поучительно. В особенности рассказ профессора важно прочитать тем родителям, чьи дети стоят на пороге зрелости и именно сейчас выбирают направление своего жизненного пути.

Родился я в Махачкале в 1926 году. Родительская семья была большая — 10 детей. Моя мама Дина (Динор) Яковлевна была матерью-героиней. Это была замечательная женщина. Она не имела никакого образования, но по природе была очень умным педагогом. К каждому своему ребёнку она имела особый подход.

Материальное положение в семье было очень тяжёлое, потому что работал только отец, Сафанья Афтулович. Мой отец сумел получить начальное образование, а, кроме того, хорошо знал и русский, и родной язык, и национальные языки соседей. Он был человеком пытливого ума, очень доброжелательный. Начал простым рабочим, но через некоторое время самоучкой поднялся до должности служащего.

Вспоминая родителей, могу с гордостью сказать, что они были в высшей степени честными, порядочными, добрыми и трудолюбивыми людьми. Мой отец долгие годы работал на должностях «с материальной ответственностью», на которых можно было проворачивать хорошие дела. Но он никогда не позволял себе ни малейшего нарушения, хотя положение в семье было трудное. Мы дома шутили: «В нашей стране самым честным среди коммунистов был Ленин, а среди беспартийных — наш папа».

У нас в семье всегда строго соблюдались еврейские традиции, родители были верующими. Все дети, даже став взрослыми людьми, на еврейские праздники всегда собирались у родителей.

Самое главное, что мы вынесли из родительского дома, это умение обходиться тем, что есть, даже самым малым, и любовь к учёбе. Учёба в нашем доме была всегда на первом месте. Мама любила повторять: «Ленин сказал: учиться, учиться и учиться!» Уроки делали все за одним большим столом. Света не было, горела керосиновая лампа. Старшие помогали младшим. И никто никому не мешал, учились все хорошо.

Наши родители умудрились выучить всех своих детей. Девятеро из десяти получили высшее образование, причём, большинство из нас окончили высшие учебные заведения с отличием. Я профессор, доктор наук, две мои сестры доценты, кандидаты наук.

Я хорошо помню, как после демобилизации из армии заявил отцу, что хочу пойти пока поработать и немного ему помочь. Буквально дословно помню ответ отца: «Сынок, деньги — сладкая вещь. Поработаешь год, почувствуешь вкус денег и застрянешь. Лучше возвращайся в институт (я до армии учился на первом курсе Грозненского нефтяного института), а мы как-нибудь обойдёмся». И это, учтите, притом, что я из детей на тот момент был самый старший. В семье был ещё брат на два года старше меня, но он погиб на фронте, и теперь именно я должен был помочь родителям и младшим братьям и сёстрам. Но отец настоял на продолжении учёбы.

Я послушался отца, но в свой институт не вернулся: там мне предстояло учиться почти шесть лет. Решив найти что-нибудь покороче, я поступил в середине года в сельскохозяйственный институт на агрономический факультет и окончил его за три с половиной года с отличием. Мною двигала только одна мысль: быстрее отучиться и начать помогать родителям.

Вот так волей судьбы я — сугубо городской юноша, не имевший никакого представления о сельском хозяйстве, стал агрономом. И нисколько не жалею об этом, потому что полюбил свою профессию. Когда появилась возможность поступить в аспирантуру, отец снова поддержал меня. Я уехал учиться в Воронеж, а диссертацию защищал в Москве. Защита прошла настолько успешно, что мне сразу же предложили место заведующего отделом в Институте кормов. Для меня в 31 год это было очень престижное и перспективное предложение, но я отказался. Настало время подумать о родителях, ведь отец уже вышел на пенсию. И я вернулся в Махачкалу, чему родители были безмерно рады. А докторскую диссертацию я защитил уже в Дагестане в 43 года.

К чему я всё это рассказываю, спросите вы? Объясню: больно смотреть на то, что происходит с некоторыми представителями нашей молодёжи. Больно смотреть на то, что вообще происходит с общиной. Многие наши дети, чуть повзрослев, начинают работать, где придётся. Получают копеечные зарплаты, а родители гордятся: ребёнок трудится, помогает семье. А о том, что с ним будет завтра, они почему-то не думают.

А может быть потерпеть, поднапрячься и настоять на том, чтобы сын или дочь продолжили образование, получили хорошую специальность и никогда не узнали, что такое неквалифицированный труд и мизерная зарплата?

У нашего народа есть замечательная черта. Это с одной стороны — безграничная любовь родителей к детям, а с другой — почитание родителей и вообще старших. Почитать старших и прислушиваться к ним у нас в крови.

Именно поэтому, я считаю, в том, что дети плохо учатся в школе, не стремятся продолжить своё образование, а идут работать, чтобы якобы помочь семье, прежде всего, виноваты родители. Я могу это сказать с полной ответственностью. Нет сегодня, и, тем более, нет здесь, в Израиле, таких страшных материальных трудностей, которые переживала семья с огромным количеством детей в военные и послевоенные годы в России. Легко ли поднять десятерых детей при одной советской зарплате служащего? У нас порой не хватало даже самого необходимого. Я после армии полгода ходил в армейской шинели, потому что одеть было нечего.

Но именно родители не дали мне начать решать сиюминутные проблемы за счёт моего будущего. Именно им я должен быть благодарен за все те звания и награды, которые получил от жизни. От всех нас, детей, хочу сказать: «Светлая им память!»

Куда девалась наша прежняя борьба за образование? Там, в Советском Союзе, многие семьи шли на невероятные ухищрения, чтобы ребёнок поступил в ВУЗ. А с нашей национальностью это было отнюдь не просто. Я на своём примере и на примерах своих сестёр и братьев знаю, каково еврейскому ребёнку поступать в университет или аспирантуру. Но родители находили выход: искали знакомых или отправляли детей в другие города, где антисемитизм не мешал поступлению, или платили деньги кому-нибудь. Но дети образование получали.

Так в чём же проблема сейчас? В Израиле нужно иметь только желание учиться, а материальная сторона этого вопроса вполне решаема.

Скажу без ложной скромности: все четверо моих детей получили высшее образование, в Израиле подтвердили свои дипломы и работают по специальности. Сейчас учатся внуки и, кстати, как представители кавказской общины, получают помощь от государства.

Необходимо понимать, что только через образование наших детей мы сможем поднять общину и вывести её на достойный уровень. А для этого у нас есть все возможности!

Я не могу предугадать, уважаемые читатели, как вы отреагируете на выводы, сделанные профессором Эрзолом Сафаньяевичем Масандиловым, но его слова о том, что во всём, что происходит с детьми, вина или заслуга именно родителей (не государства, не школы, не улицы), лично для меня всегда было непреложной истиной.

НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

В каждом номере «КГ» мы знакомим наших читателей с выходцами из общины, добившимися успехов в выбранной ими профессии. Это писатели и поэты, художники и музыканты, политические и общественные деятели, учёные и бизнесмены. Но есть одна профессия, среди представителей которой преуспевших горских евреев, да и вообще евреев за годы Советской власти были считанные единицы. Сегодня вашему вниманию мы предлагаем интервью с Исааком Юнатовичем Мишиевым, полковником милиции, руководителем следственного отдела УВД Пензенской области.

Исаак Юнатович родился в Дербенте в 1946 году, в многодетной еврейской семье. Тяжёлые послевоенные годы, бедная семья, неудобная национальность и, как теперь принято говорить, ни связей, ни протекции. Чего можно добиться в такой ситуации? Оказывается, многого!

Я, как любой нормальный человек, в той стране - к милиции, а в этой - к полиции отношения не имела никакого. И никогда не стремилась с органами правопорядка познакомиться поближе. Ну, разве что сериалы. Сериалы о жизни милиции я люблю. Особенно, знакомые с детства: «Следствие ведут знатоки», «Место встречи изменить нельзя». Да и сегодняшняя «Каменская» тоже ничего.

- Их сейчас столько развелось! Какой канал ни включи. А ведь неправда это всё. Художественный вымысел. Я, конечно, понимаю: если всё показать, как оно есть на самом деле, никто этого с замиранием сердца смотреть не будет. В жизни оно во много раз интереснее происходит, но зритель не поймёт, потому что происходящее не всегда ярко и красочно и, конечно, менее романтично. Но в сериалах иногда сильно перебарщивают. Показывают вещи просто незаконные. Они так улики добывают, что ни один суд в мире их, как улики, не примет. После такого расследования 90% преступников были бы оправданы за недоказанность преступления. Самый правдоподобный сериал это «Следствие ведут знатоки», пожалуй. А все остальные - художественный вымысел. Враки, одним словом.

- Но Вы же их всё-таки смотрите?

- Жена смотрит, а я ей смотреть мешаю. Не могу удержаться от

комментариев. Ох, она злится! Говорит, что я ей всё удовольствие своей «правдой» порчу. Но, надо сказать, что один правдоподобный момент в сериалах есть. Мы тоже после хорошего расследования можем крепко выпить. Это уж как водится.

Стройный, подтянутый, взгляд открытый, изучающий, чувство юмора прекрасное. Это мой сегодняшний собеседник – полковник милиции Мишиев Исаак Юнатович. В Израиле он гость. Приехал в отпуск к родственникам, а я не упустила возможность побеседовать. Не каждый же день, согласитесь, встречаются настоящие полковники.

В самом начале разговора он упомянул, как бы невзначай, что на пенсию не отпускают. Он точно знал, какая у меня на эти слова последует реакция. Ну, ещё бы! С его-то опытом в сыском деле!

- Как, на пенсию? А сколько же Вам лет?

Спросила и сама смутилась. Но, в конце концов, он же не женщина, и, скорее всего, тему эту задел не случайно. Знает ведь, что выглядит лет на десять моложе своего паспортного возраста.

- Откройте секрет Вашей молодости. Спорт, здоровый образ жизни, никаких излишеств?

Ну, я и спросила. Это с его-то работой? Как раз место для здорового образа жизни. Один вопрос несуразнее другого. Что это со мной! Я же совершенно о другом собиралась спрашивать.

- Спортом занимался когда-то. Никаких излишеств? Здоровый образ жизни? Это момент важный, но не главный. А знаете, что главное? Я для себя давно это понял: медленнее стареет тот, кто любит жизнь. Человек жизнерадостный, умеющий радоваться каждому дню, любой мелочи, любящий свой дом, гораздо дольше остаётся молодым. И особенно важно, чтобы человек любил свою работу. Это громадный стимул для поддержания жизненного тонуса.

- Судя по тому, как Вы выглядите, можно сделать вывод, что работу свою любите.

- Очень. Я о ней мечтал, я к ней стремился. Шёл очень трудно, но добился своего. И сейчас можно сказать, что я счастлив.

- Но ведь тяжёлая же работа, опасная и, надо сказать, не очень хорошо оплачиваемая.

- Это правда. Но на сегодняшний день ко мне всё перечисленное не так сильно относится. Всё-таки должность. А на предыдущих ступенях именно так и было. Я тут в Израиле посмотрел, как полиция работает. Мне специальную экскурсию организовали. Есть много общего, но и отличия существенны. Работают они здесь легче, а получают гораздо больше. У них и техническая оснащённость, и транспорт. Здесь нет, к примеру, милицеевских патрулей. Машины курсируют, это точно. А наши ногами ходят. Каждый на своём участке. И это, между прочим, очень эффективно. Таким образом предотвращается огромное количест-

во правонарушений. А профилактика - это первейшая задача правоохранительных органов. Гораздо важнее предотвратить преступление, чем потом его раскрывать и кого-то наказывать. Поэтому у нас так много милиции на улицах. Здесь я этого не видел.

- Ну а в оцеплениях или в местах большого скопления народа?

- А у нас ещё и на каждом углу, на каждой улице. Кстати, здесь и к правонарушениям по-другому относятся. Был я в полиции, видел. Слов нет - компьютер вещь отличная. Но у меня сложилось впечатление, что в деле розыска преступника он и помогает, и мешает. С одной стороны он даёт огромное количество возможностей по передаче и сбору информации. А с другой - полицейский меньше думает, меньше запоминает и хуже от этого соображает. Всё, что здесь за людей делает техника, мы делаем головой и ногами. Мы ходим, разговариваем, наблюдаем, запоминаем, делаем выводы. И раскрываемость у нас выше. Вот, к примеру, кража мобильного телефона. Вы тут даже и заявлять в полицию не пойдёте. А у нас заявляют. И мы ищем, и даже находим, хотя это очень тяжело сделать. Или автомобильные угоны. У нас этим целые отделы специалистов занимаются. А в Израиле по-моему, всё сводится к получению страховки.

И тут я, совершенно непонятно зачем, начала рассказывать о своей украденной машине, об ограбленной квартире подруги. Мой собеседник внимательно меня выслушал, задал пару наводящих вопросов и сделал вывод, что с таким количеством фактов и совпадений для опытного следователя эти дела вполне раскрываемые. А я со вздохом констатировала, что в обоих случаях наша полиция ничего не нашла. Но я уже израильянка, поэтому попыталась как-то защитить своих:

- И всё же у нас тут жизнь поспокойнее. Правонарушений меньше. Даже ночью можно гулять и никого не опасаться.

- И у нас можно. Точнее, уже можно!

- С каких это пор? Я помню, меня родители в 9 вечера на остановке встречали, так опасно было ходить.

- Было, не спору. Но сейчас другие времена.

- Неужели всех пересажали?

- Ещё не всех. Но порядок налаживается. Жизнь совсем другая стала. Разгул преступности и беспредел времён смутного времени перестройки закончился. Теперь и у нас можно гулять в 3 часа ночи.

- Это только у вас или в целом по России?

- У нас точно, но и в целом по стране гораздо спокойнее стало.

- И Вы хотите сказать, что не бывает уже таких случаев, когда преступление раскрыто, виновный найден, вина его доказана, и вдруг один телефонный звонок сверху, и бандит выходит на свободу с чистой совестью?

- Прошли те времена. Уже не бывает. Даже депутатов без особых затруднений лишают депутатской неприкосновенности. Мало того, губернатор говорит открытым текстом: ловите, сажайте, вот вам моя санкция.

- Это Путин такой порядок навёл?

- Не люблю говорить хвалебные слова в адрес вышестоящих, но тут это истинная правда. Заслуга его велика. И народ это видит. А если правительство примет закон, разрешающий ему ещё раз баллотироваться, народ его поддержит.

И тут вдруг я поняла, в чём необычность нашей беседы, и чем это интервью отличается от всех остальных, проведённых мной для газеты. Всегда инициатива была в моих руках. Я заранее продумывала вопросы, задавала их во время интервью, а собеседник на них отвечал. В данном случае правила игры диктовала не я, а он. Полковник так мастерски руководил ходом нашей беседы, что я даже забыла про свои домашние заготовки. Ну, уж нет, товарищ полковник! Вы, конечно, профессиональный следователь, но и мы тоже не лыком шиты! Вы со мной собрались о российской политике поговорить? Тема, конечно, интересная. Но меня больше интересует Ваша persona. Не надо уходить в сторону. Не удастся.

- Исаак Юнатович, Вы так вдохновенно рассказываете о российской милиции. Понятно, что работа - это главное в Вашей жизни. И всё же, если представить, что Вам нужно выбрать другую профессию, кем бы Вы стали?

- Я начал работать с 13 лет. Ящики сбивал под виноград. А потом освоил профессии сварщика, каменщика, сверловщика, слесаря-инструментальщика. Я много чего умею. Но в вопросе выбора профессии на всю жизнь у меня альтернативы не было. Я хотел быть только следователем. В 19 лет уехал из дома. 3 года отслужил в армии, потом учился в Школе милиции. Окончил её, получил звание лейтенанта и поехал по распределению в самый дальний район Пензенской области работать следователем, как и мечтал. А позже уже закончил Академию МВД. Не могу себе представить, кем бы я стал, если бы не был следователем. Могу точно сказать, кем бы я Не стал!

- И кем же?

- Я никогда бы не стал адвокатом, хотя моё образование это позволяет, и многие мои сокурсники пошли именно в адвокатуру.

- Там, наверное, денег больше?

- Безусловно! Нечего и сравнивать. Но я ни за какие деньги не смог бы защищать преступника. Понятно, каждому подсудимому по закону положен адвокат, и кто-то эту работу должен выполнять. Но на это нужен определённый склад характера. Я бы не смог. Кстати, мой старший сын тоже пошёл по моим стопам. Старший лейтенант, следователь. Хотя

и зарплата маленькая, но работу свою очень любит. А в нашем деле без этого нельзя. Недаром у нас такая текучесть кадров. Кто-то сам сбегает, кого-то увольняют за несоответствие, а иногда и за нарушения. А остаются только люди, по-настоящему преданные делу.

- А самое первое своё дело Вы помните?

- Ну, конечно! Разве такое можно забыть? Мой первый выезд в должности следователя райотдела милиции был на пожар с трупом женщины.

- В кино показывают, как тяжело молодые следователи воспринимают трупы. А какова была Ваша реакция? Страшно? Противно?

- Нет. Я с самого начала нормально реагировал, принимал это как часть моей работы. Осматривал трупы, присутствовал на вскрытиях. Был в моей практике только один случай, когда я не выдержал. Не смог присутствовать на вскрытии. Это было вскрытие трупа восьмилетней девочки. Она шла с матерью за руку по обочине дороги. Проезжавшая машина вырвала её из руки матери и отбросила в сторону. Я пришёл в морг, посмотрел на это крошечное тельце, попросил эксперта, чтобы написал в протоколе, что я был, и ушёл.

- Очень страшно!

- Конечно, страшно! На сегодняшний день я с такими вещами меньше сталкиваюсь. Должность, всё-таки.

- Как называется должность, которую Вы сегодня занимаете?

- Зам. начальника следственного управления УВД Пензенской области.

- А что по поводу очередного звания? Не пора ли стать генералом?

- Плох тот солдат... Но в моей ситуации мечтай, не мечтай, а должность у меня полковничья. От полковника до генерала нет временных рамок. Может пройти неделя, а может вся жизнь. Всё зависит от занимаемой должности. Но если честно сказать, меня моё сегодняшнее положение устраивает. Вы не поверите, но я выше идти даже и не хочу. Вот говорят: человек на своём месте. Я сегодня именно на своём месте.

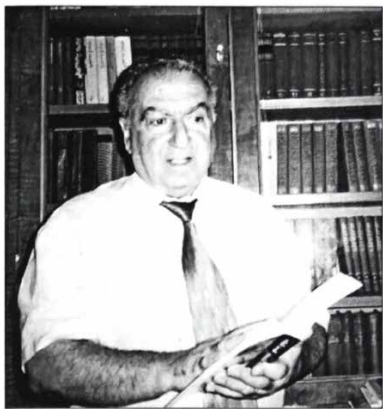
- И всё же когда-то придётся выйти на пенсию. Чем заниматься будете? Вы совсем не похожи на человека, которого устроит ковыряние в собственном огороде и прогулки с внуками по парку.

- Это точно. Я без работы не смогу. Пойду преподавать. Меня и сейчас зовут, но времени не хватает.

- А писать никогда не хотелось попробовать? Ведь Вы в своей практике видели много интересного.

- Никогда об этом не думал. Кто его знает? Всё может быть.

- Эх! Жаль, что Вы живёте в Пензе! - подумала я. - Жили бы в Израиле, наверняка совместными усилиями написали бы десятка два рассказов. Уж очень интересный Вы собеседник. Ну, настоящий полковник! -

Несколько месяцев тому назад в свет вышел первый том 4-х томной работы профессора Михаила Яковлевича Агарунова «Язык горских евреев». Книга выпущена в свет при поддержке благотворительного фонда «СТМЭГИ». Информацию об этом событии мы уже давали в предыдущих номерах «КГ». Надо сказать, что появление этой книги вызвало массу вопросов, споров и обсуждений. Видимо, настало время обратиться с этими вопросами к

самому Михаилу Яковлевичу, что я и сделала.

- Михаил Яковлевич, для Вас, конечно же, не секрет, что не все представители горско-еврейской общественности однозначно отнеслись к вышедшему в свет 1 тому книги «Язык горских евреев». Как сложилось, что Вы, не будучи по профессии лингвистом, взялись за эту работу?

- Я дважды в жизни менял профессию. Первой моей профессией была физическая химия. Я окончил химический факультет университета. Два года учился в МГУ, три года в Азербайджанском университете, а затем 20 лет проработал в институте физики при Академии Наук Азербайджана. Там же и защитил диссертацию.

В 1972 году скончался мой шеф - молодой и талантливый учёный. Нашу лабораторию закрыли. А меня пригласили на работу в патентную лабораторию. Так я в первый раз сменил свою профессию, возглавив патентную лабораторию в одном из институтов Азербайджана. Опыт в патентоведении у меня уже был, были и собственные изобретения, но я чувствовал, что знаний не хватает. Поступил и окончил с отличием Центральный институт патентоведения в Москве.

Патентной лабораторией я руководил в течение 15 лет и считаю себя очень неплохим специалистом в этой области. По роду моей деятельности мне приходилось делать переводы со многих языков мира: и с английского, и с немецкого, с французского, с итальянского, с очень сложного – болгарского. Я постоянно работал со многими словарями.

- И, надо полагать, этот наработанный опыт и подтолкнул вас к изданию словаря родного языка?

- Это не совсем так, а, вернее, совсем не так. Знания и опыт, приобретённые мной за годы работы в патентоведении, очень пригоди-

лись мне в той работе, которой я занимаюсь сейчас. Но подтолкнуло меня к ней, заставило всё бросить и заняться совершенно новым для меня делом, не это.

Новый этап моей жизни и новая смена деятельности связаны для меня с очень тяжёлым событием. В мае 1992 года скончался мой отец Яков Михайлович Агарунов. И когда я начал просматривать его архив, то нашёл там документы, связанные с двумя совершенно разными областями деятельности отца: документы и записки о нефтяной промышленности, которой он руководил по партийной линии, и материалы, посвященные истории и языку горских евреев. В бумагах, к своему удивлению, я нашёл записку, написанную рукой моего отца и адресованную мне. Он тогда уже очень плохо видел, поэтому записка была написана крупными буквами: «МИША! ЭТО Я НЕ УСПЕЛ ОПУБЛИКОВАТЬ ПРИ ЖИЗНИ, ПРИДЁТСЯ ПУБЛИКОВАТЬ ТЕБЕ!»

В том, что я обязан это сделать, сомнений у меня не возникало. Это — завешание отца. Но и та, и другая темы были для меня совершенно чужими, а в особенности я чувствовал свою полную несостоятельность в вопросах, связанных с общиной горских евреев.

Впервые я столкнулся с этой областью знаний, когда в Баку нас посетил профессор из Израиля Ицхак Давид. Он прибыл в Азербайджан по линии Сохнута и попросил меня устроить ему встречу с отцом. Я привёл его к отцу и присутствовал на этой встрече. Мне было безумно стыдно, что я вообще не понимал о чём идёт речь. Я чувствовал себя совершеннейшим профаном, когда слышал: «Это было до Первого храма», «Нет, после Первого, но до Второго», и всё в таком духе!

Какой храм? О чём речь?

Была и ещё одна встреча, указавшая мне на то, что я в жизни упускаю что-то очень важное. Это была встреча с профессором Мордехаем Альтшулером. Она состоялась в 1992 году на конференции «Горские евреи, история и современность». Все почему-то забывают об этой конференции, а она была одной из первых конференций современного периода, на которой обсуждались вопросы нашей исто-

рии и культуры. Я, как уже говорилось ранее, был очень далёк от этих проблем, а конференцию посетил по просьбе отца, для его спокойствия. Он уже был очень болен, сам поехать не мог, поэтому поехать пришлось мне.

Я присутствовал на этой конференции, именно «присутствовал» — сидел где-то сзади и слушал, как теперь уже понимаю, очень интересные доклады Михаила Членова, Мордехая Альтшулера, Галины Мусахановой. Во время одного из докладов Мордехай Альтшулер посетовал, что в коммунистическом Азербайджане он не может найти газету «Коммунист», которая выходила в 30-х годах под редакцией моего отца. Я потихонечку вышел в коридор, позвонил отцу и спросил: «Тут один учёный ищет газету «Коммунист». Я могу ему сказать, что у нас дома сохранились все подшивки?» Отец дал мне разрешение. В перерыве я подошёл к Альтшулеру, представился и сказал, что у моего отца дома есть вся подшивка интересующей его газеты.

Профессор был поражён: «Яков Агарунов жив?» Он не мог поверить, что ему довелось разговаривать с сыном «того самого» Агарунова, который... И он начал перечислять мне факты из биографии отца, говорил о его стихах и работах, написанных им. Я с удивлением осознавал, что мне — сыну эти факты из жизни отца абсолютно неизвестны.

Профессор моментально забыл про конференцию и заставил меня немедленно взять такси и везти его к отцу. Беседа у них состоялась интереснейшая. Я слушал их и понимал, что ничего не знаю, что они разговаривают на темы, касающиеся меня непосредственно, но совершенно для меня чужие.

Когда мы возвращались обратно на конференцию, профессор сказал: «Я повстречался с легендой». Думаю, что одним из первых толчков к тому, что я посвятил, практически, всю свою дальнейшую жизнь изучению истории, культуры и языка горских евреев, которыми, как оказалось, долгие годы занимался мой отец, послужила именно эта встреча. А через несколько месяцев после неё моего отца не стало.

Никогда и никакого отношения я не имел к теме еврейства вообще, и к теме горского еврейства в частности. Но, прочитав записку отца, я совершенно отчётливо понял, что моя прямая обязанность перед его памятью заняться этим архивом и опубликовать его.

И я занялся этой работой. Первое, что я предпринял — взял часть материалов и выехал в Москву в Еврейский центр. Поскольку я сам на тот момент не очень хорошо разбирался во всём, что связано с еврейством, то решил посоветоваться со знающими людьми. Провёл ряд встреч, побеседовал с представителями центра и один из меценатов центра Манашир Адиньягуев, просмотрев привезённые мною материалы, сказал: «Я этот труд издам».

Главное было сделано, оставалось только подготовить материалы к печати. В 1993 году я вышел на пенсию и вплотную занялся этой работой. У меня, конечно, не было иллюзий, что работа будет лёгкой, но она оказалась тяжелее, чем я даже мог себе предположить. Для того, чтобы её осуществить мне пришлось перечитать всё, что только можно было найти в российских архивах, в библиотеке Ленина в Москве, всю литературу по этому вопросу, которая была в библиотеке отца. Кстати, в библиотеке Ленина мне пришлось восстановить весь каталог татской, как он там назывался, литературы. Я даже получил редкое право доступа в святая святых Ленинской библиотеки — книгохранилище.

Изучая материалы и документы, я часто наталкивался в различных статьях на высказывания о том, что мы «опаздываем, и необходимо срочно издавать словари горско-еврейского языка, материалы для его изучения» и т.п. И я начал подгонять себя, стремясь как можно быстрее опубликовать хотя бы воспоминания отца. Меня всё время преследовала мысль, что мы уже опоздали, ведь горские евреи начали разъезжаться по миру.

Я понимал, как необходим наш словарь, но браться за эту работу боялся: уж слишком далёк я был от этого. Все мои усилия были направлены на подготовку к печати книги «Большая судьба маленького народа». В 1995 году мне удалось её издать. Скажу без ложной скромности: выход в свет этой книги дал невероятный толчок к развитию нашей литературы. Многие, прочитав воспоминания отца, взялись за перо, и за последние годы в свет вышло большое количество произведений разных авторов, и литературных, и исторических, и мемуарного характера.

Пришло время мне браться за словарь. Меня одолевали сомнения, имею ли я право, способен ли я. Но выхода другого не было, ведь я обращался за помощью ко многим, но особого желания браться за эту трудоёмкую и кропотливую работу ни у кого не встретил.

У меня за спиной был огромный опыт работы со словарями разных языков. Но одно дело работать со словарями, и совсем другое — составлять словарь. Я должен был разобратся в рукописях отца. Нельзя было допустить ни одной ошибки.

Первое, что я сделал, — поехал в Израиль. Поселился в Хайфе у своего двоюродного брата, который собрал вокруг себя ещё человек пять носителей языка, и мы сели за проработку этого словаря. Они мне очень помогли, и, прежде всего, в толковании многих слов. Мне дали компьютер, и я приступил к набору. В Израиле я провёл 4 месяца. Это было очень для меня сложное, но плодотворное время.

И вот с предварительным набором словаря я лечу в Москву. Но надо же такому случиться, что наш самолёт вдруг начал падать. Пер-

вая мысль, которая у меня возникла в эти несколько секунд падения: что будет со словарём, если мы разобьёмся. Я потом уже узнал у пилота, что мы не падали, просто была воздушная яма. Но, прилетев в Москву, я решил: пусть недоработанный, пусть незаконченный, но словарь должен быть немедленно отпечатан. И в январе 1997 года словарь был издан в издательстве «Наука».

- На этом ваша миссия, фактически, была выполнена, и вы вполне могли начать заниматься какими-то другими делами. И, тем не менее, прошло почти 10 лет, но вы продолжаете эту работу.

- Я увлёкся. К этому моменту мною были прочитаны и переработаны горы материалов по языку и истории горских евреев. А, кроме того, в архивах отца я обнаружил нашу родословную. Отец составил огромную родословную Агаруновых, а я взялся её обрабатывать и продолжать.

- А, поскольку, каждое поколение жило в свою историческую эпоху, пересекался и рождался с другими семьями...

- Совершенно верно. Изучая историю своего рода, я одновременно углублялся в изучение всего, что с этим связано. Я обнаружил, к примеру, что по одной из линий наш род пересекается с родом замечательного учёного Анисимова. Я к тому времени уже многое о нём знал, изучил его книгу «Кавказские евреи — горцы», оригинал которой от 1888 года был в библиотеке моего отца. Я начал прорабатывать эту линию, и это вылилось в появление второй родословной — родословной Анисимовых. Мне удалось обнаружить интереснейшие факты, найти множество потомков учёного. Большинство из них очень образованные, интеллигентные люди. Много учёных, докторов наук. Жизнь их разбросала по разным странам мира. Многие живут за границей уже давно, работают, занимаются наукой, напрочь забыв, что они горские евреи. Мне удалось собрать практически все их адреса и телефоны. Вот эти мои изыскания вылились в созыв конференции в Москве, посвящённой 140-летию Ильи Анисимова.

- Значит, можно сказать, что будучи изначально дилетантом, Вы за последние 14 лет самостоятельно подняли огромный научный пласт, стали автором огромного количества публикаций, делаете доклады на научных конференциях. Позвольте задать, неуместный вопрос: зачем Вам это? Ведь это очень тяжёлый, кропотливый труд, не самая, с точки зрения востребованности и оплаты, перспективная отрасль науки. Может быть, лучше было изначально заняться нефтью? Ведь отец Вам и эти разработки оставил?

- Безусловно, материалами по нефтяной отрасли мне тоже нужно заниматься и опубликовать их ради памяти отца. Но тут, видите ли, какая получилась штука: выступая с докладами на международных конференциях, я обнаружил, что открываю людям Америку. В мире не знают, что существует такая уникальная общность — горские евреи. Я никогда не

был большим патриотом своего народа, до 13-14 лет я вообще не знал, что я еврей. А сейчас, чем больше я углубляюсь в изучение материала, тем важнее для меня становится донести информацию о моей общине до широких научных кругов. Мне важно показать, насколько интересна и самобытна культура моего народа, как интересны его язык, традиции. Я хочу, чтобы мир узнал об этом феномене, о котором, как ни странно, ему и до сегодняшнего дня практически ничего не известно. Одного прошу у Бога, и поверьте — это не громкие слова, каждый день прошу: лишь бы здоровья хватило выполнить всё, что задумано, что в разработке и что ещё даже не тронуто из архивов отца.

- В жизни вашего отца каким-то непонятным образом сочетались, на мой взгляд, несочетаемые вещи. Видный партийный деятель и настоящий знаток и хранитель еврейской культуры... Как это в нём сочеталось?

- Так исторически сложилось, что мой отец родился и умер с рождением и смертью Советской власти. В апреле 1920 года моему отцу исполнилось 13 лет, т.е. по еврейским законам «родился» новый мужчина, и в апреле 1920 в Баку была установлена Советская власть. Это, безусловно, определило его судьбу. Умер он в мае 1992 года, а за две недели до его кончины в Баку произошёл государственный переворот. Он был настоящим, искренним коммунистом из той плеяды борцов, которые шли в партию не ради корысти, а по истинному убеждению в правоте большевистского дела.

Но вместе с тем, он был сыном своей семьи. Мой дед был очень религиозным человеком, и в шестилетнем возрасте отдал отца на обучение к раввину. К 13 годам он окончил полный курс обучения у раввина, и, благодаря этому, всю свою жизнь прекрасно знал Тору, знал все обряды и традиции своего народа.

Когда в Азербайджане была провозглашена советская власть, отец принял это с необычайным энтузиазмом. Он на себе испытал, что такое нужда, что такое национальное неравенство (его по этой причине не приняли в гимназию) и видел в приходе новой власти начало новой светлой жизни.

Он вместе с товарищами немедленно взялся за просветительскую работу. Они создали самостоятельный агитационный театр, начали обучать людей грамоте. Он — мальчишка был представителем у Надежды Крупской, выступал на Всесоюзных конференциях с докладами о состоянии культурных дел в Азербайджане, хотя сам в это время еле-еле говорил на русском языке. Именно он занимался введением нового алфавита - латиницы для языка горских евреев.

Впоследствии, он был назначен редактором газеты «Коммунист», был членом ЦК комсомола, ЦК партии, секретарём горкома партии, занимался вопросами добычи нефти.

А, отвечая на ваш вопрос, могу сказать: партийным деятелем, нефтяником мой отец стал по воле случая, а евреем он был всегда. Всегда соблюдал все обряды, которые можно было соблюдать в советское время, прекрасно знал еврейские законы. Он - видный партийный деятель обязан был перед самим собой сделать сыну обрезание. За это могли исключить из партии, лишить всех постов, но он доставал какие-то медицинские справки, что это, якобы, жизненно необходимая для младенца процедура, и проводил обряд. В Песах у нас всегда на столе была маца, и отец каждый год, я тогда не мог понять для чего, рассказывал нам одну и ту же историю о выходе из Египта. При этом он был искренним и преданным коммунистом.

А после его смерти мы нашли в его вещах тфилин, молитвенники. Всё это он свято хранил долгие годы.

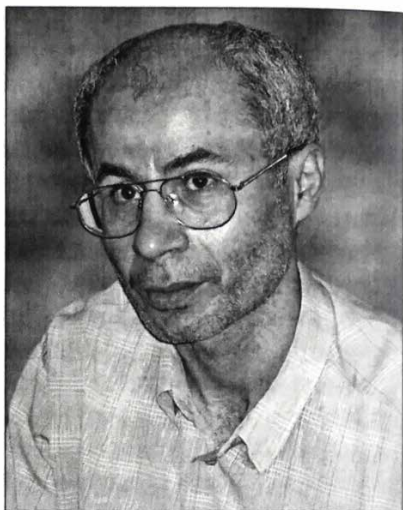
Он был особенным, немного не от мира сего. И в то же время был очень грамотным человеком, грамотным политиком. В его огромной библиотеке трудно было найти книгу, где не было бы пометок, сделанных его рукой.

Меня часто задают этот вопрос: «Как это возможно совместить? Ваш отец был истинным евреем и при этом был истинным коммунистом? Обычно эти два понятия не сочетаются». За меня на этот вопрос однажды прекрасно ответил профессор Мордехай Альтшулер. В 1994 году он консультировал меня перед публикацией книги «Большая судьба маленького народа», и услышав постоянно задаваемый мне вопрос, с удивлением ответил следующим образом: «Можно быть евреем и любить свой народ и быть коммунистом. Можно быть коммунистом и преданным своей идее и быть евреем». Хотя уж кого-кого, а Мордехая Альтшулера, судя по его трудам, сложно уличить в симпатиях к коммунизму.

К моему великому сожалению, отец не передал нам — детям свои знания и свою любовь ко всему, что связано с нашим народом. Моё детство прошло в России, куда отец был переведён по долгу службы. Видимо, он ограждал нас от опасности, старался защитить. Наверное, он был прав. Но жизнь всё ставит на свои места, и я спустя многие годы, разбирая бумаги отца, постигаю всё то, чего не постиг в детстве.

ИСТОРИК ИГОРЬ СЕМЁНОВ В ГОСТЯХ У «КАВКАЗСКОЙ ГАЗЕТЫ»

Те из наших читателей, кто интересуется историей общины горских евреев, смогут подтвердить: на протяжении последних 5-6 лет нет ни одного более или менее серьёзного форума, конгресса, научного издания по этой теме, где не встретился бы материал или хотя бы фамилия историка Игоря Семёнова. Статьи этого учёного всё чаще и чаще публикуются в различных печатных изданиях, выходят научно-популярные книги и строго научные работы.

Кандидат исторических наук, научный сотрудник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра, Игорь Семёнов, прибыв в Израиль для сбора материалов к своей новой работе, посетил редакцию «КГ». Состоялась интересная беседа, запись которой мы предлагаем вниманию наших читателей.

- Игорь, наши читатели знакомы с некоторыми Вашими работами по истории горских евреев, но о Вас практически ничего не знают. Давайте восполним этот пробел.

- Я родился и вырос в Дербенте. Окончил среднюю школу и в 1979 году уехал в Казань поступать в строительный институт. В 1981 году я его бросил, так как решил поступать на исторический факультет Казанского университета.

Но с моими планами категорически не согласился военкомат, и меня призвали в армию. Отслужив, я вернулся в Казань, но, походив по университету и посмотрев, что там происходит, кто на истфаке учится, я решил туда не поступать. Дело в том, что на тот момент там учились в основном дети больших родителей, которым диплом истфака нужен был только для дальнейшей партийной карьеры.

Я вернулся в строительный институт, доучился там, в 1988 году получил диплом, но строителем ни дня не работал. Я продолжил заниматься историей. И как только у меня появилась реальная возможность, подал заявку на соискание учёной степени. К тому моменту у меня уже были опубликованные работы - несколько научно-популярных книг по истории Кавказа, по средневековой истории, по древней истории, по истории горских евреев.

И вот в 1995 году я поступил соискателем на истфак Казанского университета, там сдавал кандидатские минимумы, а диссертацию защищал уже в Махачкале. После защиты меня сразу же приняли на работу в Институт истории, археологии и этнографии в Махачкале, в котором я по сей день и работаю. Мои научные работы в институте связаны с историей Хазарского Каганата, с историей древнего Кавказа.

- Каким образом сегодня можно писать работы на эти темы? Вам приходится заниматься археологией?

- Нет, мне приходится обращаться к раннесредневековым произведениям армянских, грузинских, сирийских, персидских авторов, сохранившихся в архивах. А в работах этих авторов встречаются ссылки на более древние произведения. Вот так, в упрощённом виде и происходит научный поиск.

- А почему Вы вообще начали заниматься историей? И как дошли до научных работ?

- Я жил в Дербенте до 17 лет. Это город древний. Все дербентцы, в том числе и многие мои друзья, достаточно хорошо знают историю своего города. Вот и я перечитав всё, что можно было перечитать в школьной библиотеке, а затем в частных библиотеках знакомых, я исчерпал все возможности. Но мне казалось: вот я поеду учиться в большой город, там будут большие хорошие библиотеки, в которых я найду ещё массу книг, а в них будет написано всё-всё про историю Дербента, Кавказа, евреев, горских евреев. Там я найду ответы на все мои вопросы.

В Казани я действительно начал посещать огромную республиканскую библиотеку, но чем больше вникал в найденную там литературу, тем отчётливее понимал, что проблем в изучении интересующих меня тем гораздо больше, чем я себе представлял. Я пытался разобраться, и это так затянуло, что времени не осталось на обучение в строительном институте и вообще на все остальные дела, в том числе и на зарабатывание денег. Я понял, что надо от чего-то отказываться. А поскольку без исследовательской работы я жить уже не мог, пришлось отказаться от зарабатывания денег.

- Почему сразу было не пойти на исторический?

- Я не воспринимал своё увлечение всерьёз, думал: хобби, пройдёт, почитаю, найду ответы на вопросы, удовлетворю своё любопытство и всё. Буду заниматься каким-нибудь серьёзным и полезным делом. А вышло не так: ответы на вопросы породили следующие вопросы и...

- На мой взгляд, нет более неточной науки, чем истории. На сегодняшний день, её и наукой назвать сложно — только на нашем с Вами веку её переписывали пару раз, и всякий раз новая трактовка противоречила предыдущей.

- Есть такое мнение. Оно и правильное, и неправильное. Историком себя может считать любой, может писать, что угодно, трактовать,

как ему вздумается. Но существует другая - академическая история. Она-то как раз и не переписывается. В неё могут вноситься уточнения, в этом и заключается роль академического историка. Он должен выяснить точно, что когда и как происходило, а своё отношение к данному факту может и не выражать. Я занимаюсь именно такой историей - историей, как точной наукой.

- Могу предположить, что главным достижением в истории, как в любой точной науке, являются открытия и выведенные новые доказательства. Есть ли в Вашей научной жизни что-то, пусть даже совсем небольшое, о чём Вы можете сказать: это открыл я?

- Мне как-то неудобно хвастаться, но, действительно, есть такие вещи, которые открыл я, а до меня о них не было известно. Например, есть грузинская поэма 12 века «Дилариане». Написал её Саргис Цмогвели — предшественник Шота Руставели. Поэма посвящена хазарским царям. И мне удалось доказать, что эта поэма является ни чем иным, как переработкой хазарского эпического произведения.

- А как Вы работаете с подобными источниками? Вы знаете древнегрузинский язык?

- К сожалению, я и современного грузинского не знаю. В работе с материалами, безусловно, есть сложность, но многие из них сегодня уже переведены на русский язык, причём разными переводчиками. Сравнивая несколько переводов одного и того же произведения, можно докопаться до истины.

Сейчас у меня выходит книга «История Грузии в 3-5 веках».

- А что-то связанное с историей горских евреев Вы можете назвать своим открытием?

- Я дал научное обоснование гипотезе происхождения горских евреев из Вавилонии. Этой теме была посвящена моя первая книжка. Она, конечно, несовершенна. В ней много ошибок и неточностей. Но и писал я её как научно-популярную, а не строго научную работу. В дальнейших своих работах я уже с научной точки зрения доказывал, что хазары впервые познакомились с иудаизмом от предков горских евреев, которые к тому моменту уже жили на Кавказе.

А ещё у меня есть этнографическая находка. Я не этнограф, но так случайно получилось, что я открыл некий демонологический персонаж, не описанный до меня в литературе. Всякие духи и мистические существа, в могущество которых верили горские евреи, описаны у Ильи Анисимова, ими занималась и Лея Шамаилова, но Хюрсек, которого обнаружил я, в их работах не встречается. Хюрсек — это существо, которое может задушить человека во сне. Если человек спит на спине, Хюрсек может навалиться на него и начать душить. Услышал я об этом персонаже от родственников в Буйнакске. Как-то в разговоре, нелестно о ком-то отзываясь, они сравнили его с Хюрсеком: «Он

вцепляется, как Хюрсек. Не отступит, пока не задушит». «А кто такой Хюрсек?» - поинтересовался я. На меня зашикали, начали отмахиваться: не надо об этом говорить, опасно. Тогда я, чтобы всё-таки вывести, кто это, начал им рассказывать о тех существах, о которых знал из книжки Анисимова, и тем самым подвиг и их на рассказ. Потом уже я обнаружил разные версии внешнего вида и деяний этого персонажа, бытующие в народе. По одним из них он видим и похож на человека, по другим — невидимый, или становится видимым только тогда, когда уже начинает душить. Но есть довольно лёгкие способы борьбы с ним, так что это не очень страшное существо. А, кроме того, если он кому-нибудь приснится, то к этому человеку придёт большая удача.

- Насколько я поняла, Ваше увлечение историей изначально с историей горского еврейства не было связано?

- Напротив. Мои занятия средневековой историей Кавказа имеют непосредственное отношение к горским евреям, их расселению на Кавказе, к их быту, родам занятий и т.д. Предметом моих исследований стали и средневековая Грузия, и Азербайджан, Дагестан, Персия. А изучение всего этого помогло лучше вникнуть в историю моего народа.

Сейчас я готовлю работу, посвящённую историческим свидетельствам о горских евреях Восточного Кавказа в средние века и в более позднюю эпоху.

- Игорь, не так давно мы уже знакомили читателей «КГ» с Вашей статьёй о роде Ханукаевых и с составленной Вами генеалогической картой этого рода. А с чего начались Ваши занятия генеалогией?

- С Ханукаевых и началось. Дело в том, что нынешний зам. мэра Дербента Сави Писахович Ханукаев и его жена (она тоже имеет прямое отношение к этому роду) сами начали исследования и составление своей генеалогической карты. Но по ходу дела они натолкнулись на какие-то ветви, носящие ту же фамилию, но им ни с какой стороны родственниками не приходившимися. Сави Писахович обратился ко мне с просьбой заняться этим вопросом и разобраться, наконец, кто кому родственник, а кто однофамилец. В ходе моей работы я разграничил 3 рода Ханукаевых — Дербентский, Маджалисский и Буйнакский, которые между собой родственниками не являются. Это 3 совершенно разных рода. Кроме того, мне удалось откопать в официальных документах и других сохранившихся источниках гораздо более глубокие корни рода, к которому принадлежал Сави Писахович. Я дошёл до основателя этого рода, у которого было 7 детей. А дальше уже можно было выяснить, кем приходятся друг другу представители более поздних поколений этого рода, информация о которых была собрана Сави Писаховичем Ханукаевым и его женой.

Честно сказать, я не очень охотно взялся за эту работу. Генеалогия — не моя специальность, хотя и имеет к истории непосредственное от-

ношение. Но заниматься ею очень тяжело, это требует огромного терпения и занимает уйму времени. Да и занялись мы этой работой не в самый удачный момент — евреи начали разъезжаться по миру. Сейчас проще — многие уже закрепились в разных странах, и их легко можно найти. А тогда люди разъезжались кто куда, и совершенно непонятно было, кто где осядет.

И вот теперь, с лёгкой руки того же Сави Писаховича мы занялись изучением рода Дадашевых. Надо отдать должное, Сави Писахович сам уже проделал большую работу, а теперь к ней подключился я. Можно сказать, что в некотором смысле с родом Дадашевых проще — они все родственники, все принадлежат к разным ветвям одного и того же рода. Но их очень много, и разбросаны они по разным странам мира.

- А почему, на ваш взгляд, сегодня многие начали интересоваться своими родословными, строят генеалогические древа, карты, ищут в архивах документы? Раньше такого интереса не было.

- Вполне естественный процесс в наши дни, когда семьи начали разъезжаться, отрываться от своих корней. Это повлияло на молодёжь, дало ей почувствовать, что что-то безвозвратно ускользает. Они уже ничего не знают о своих предках, об их жизни. И люди моего поколения, а иногда и гораздо моложе меня, пытаются как-то зафиксировать хотя бы то, что ещё возможно. Я не думаю, что людей, интересующихся своей родословной так уж много, но они есть, и проделывают очень интересную работу.

- А после Дадашевых вы будете заниматься другими фамилиями?

- Нет. Предложений много, но абсолютно от всех я отказываюсь. Мой профессиональный интерес — средневековая история Кавказа, а генеалогия — побочный продукт, отнимающий уйму времени и сил. И всё же начатую мною работу с родословной Дадашевых я намерен выполнить как можно лучше, профессиональнее, а посему разрешите мне обратиться к читателям газеты с небольшой просьбой:

Если читатели «Кавказской газеты» имеют какое-то отношение к Дадашевым и хотят, чтобы их родство с Дадашевыми было зафиксировано в той генеалогической карте, которую мы сейчас строим, было бы желательно, чтобы они вышли на связь с редакцией. Сообщите, пожалуйста, самые простые вещи — свои имя, фамилию, год рождения, а также родителей, братьев и сестёр, дедушек, бабушек и других родственников. Эта информация будет записана, передана нам и обязательно поможет составить максимально точную карту в максимально короткий срок.

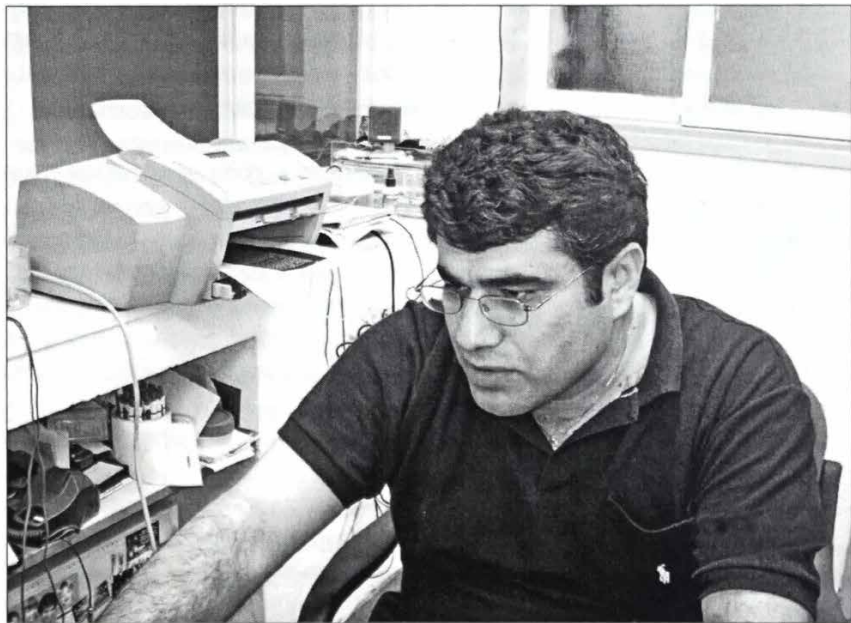
- Игорь! Огромное Вам спасибо за интересную беседу! Надеюсь, наши читатели откликнутся на Ваше обращение.

«ПОДПОЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ» КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ ГАЗЕТЫ

«Кавказской газете» исполняется 6 лет. Это, конечно, не юбилей, но День рождения всё-таки. Надо его отметить! И я решила написать к этой дате статью. Долго думала, выбирала тему, просматривала подшивку. О чём за эти годы только ни писали!! Пожалуй, нет ни одной стороны горско-еврейской жизни, нет ни одного мало-мальски значимого события, которое не затрагивалось хотя бы вскользь.

И всё же я нашла! Я нашла тему для праздничной статьи, которая лежала прямо на поверхности, но никто и никогда за неё не брался. Кстати, если бы мне пришлось ещё раз работать над этим материалом, я бы, наверное, тоже не взялась. Уж очень сложен был объект описания, т.к. писать я решила не о ком-нибудь, а о нашем главном редакторе.

Мне показался несправедливым тот факт, что газете 6 лет, у истоков её стояла великолепная команда энтузиастов, из которых по разным причинам на сегодняшний день остался он один, а о нём почти ничего не писали. Он начал эту газету с нуля и довёл её до сегодняшнего дня в прекрасной форме, несмотря на все трудности и невзгоды, встречавшиеся на его пути. Для того чтобы это сделать, нужно обладать определёнными человеческими качествами, чертами характера...

Короче говоря, я работаю с Йонатаном Мишиевым изо дня в день уже почти 2 года, поэтому посчитала себя вправе рассказать нашим читателям о нём, хотя вовсе не считаю, что уже хорошо его знаю.

А вот интересно, есть ли на свете человек, который хорошо его знает? Не беру в расчёт родителей и близких родственников, хотя тоже сомневаюсь, что они знают его на 100%.

Йонатан Мишиев при всей своей, располагающей к доверию, внешности, человек очень закрытый. Я долго думала, с чем его можно сравнить? И, наконец, поняла: он похож на грабли в сугробе! Представьте себе огромный сугроб, из которого виднеется один зубец этих граблей. Наступите-ка на него, и получите массу неожиданностей!

Более традиционно сравнивать таких людей с верхушкой айсберга, которая на поверхности воды, но мне, почему-то на ум пришли именно грабли. Поэтому, готовя статью, я потихоньку, не торопясь (чтобы не наступить на грабли) выуживала из своего непосредственного начальника информацию. Для начала, я написала себе список того, что он любит и того, что он ненавидит.

Что он любит.

Любит свою семью, а особенно своих маленьких племянниц. Любит свою работу преданно и самозабвенно. Любит встречаться и беседовать с интересными грамотными людьми, от которых можно почерпнуть что-то новое. Любит музыку, но не ресторанный ширпотреб, а настоящую. Любит вкусно поесть, а особенно в обществе приятных ему людей. Любит книги, а особенно любит их покупать. Любит книжные магазины, в которых может пропадать часами. А ещё он любит свою общину и очень любит Израиль.

Что он ненавидит.

Он ненавидит рано вставать, потому что — сова, и ложится поздно. Ненавидит, когда копаются в его бумагах. Ненавидит бардак. Ненавидит, когда его хотят обмануть, особенно когда делают это неталантливо, и всё шито белыми нитками. Ненавидит обманывать сам. Ненавидит иметь дело с людьми, которые считают себя умнее всех, с теми, для которых существует только два мнения: одно его, а другое — неправильное. Ненавидит непрофессионализм. Ненавидит спешку.

Эти списки можно было бы продолжить, но, по-моему, я выбрала самое главное.

А потом я начала его потихоньку интервьюировать, и при каждом удобном случае старалась подкинуть вопросик-другой. Например:

- Что бы ты сделал, если бы имел много денег?
- Если очень много, то скупил бы у всех израильских арабов их

дома и квартиры за приличные суммы и отправил их из Израиля, чтобы он был только еврейским.

- Нет, я же серьёзно спрашиваю!

- Так! Серьёзно — значит, не очень много? Тираж бы газете увеличил. А ещё книжки бы издавал. Обидно, когда приносят в редакцию талантливую рукопись, а мы её издать не можем: ни у автора, ни у редакции средств нет. А ещё собрал бы группу наших учёных из разных стран и начал работу над полной энциклопедией горских евреев, с большими статьями, с иллюстрациями. Я даже вижу, какой она должна быть. Да много ещё чего... Так что не волнуйся. Были бы деньги, а что с ними делать — даже и придумывать не надо.

Как-то в разговоре он сказал, что в детстве всегда мечтал стать «великим». По мере взросления интересы менялись: то он хотел быть великим математиком, то великим историком, великим композитором.

- А почему «великим»? — поинтересовалась я.

- А по-другому неинтересно. Я всегда себе представлял, что в том деле, которым я буду заниматься, я обязательно совершу что-то важное. Такое, которое кроме меня, не сделает никто. В избранном деле я хотел дойти до самого верха, сделать максимум.

- То есть, ты был в постоянном поиске.

- Я даже в детстве умел реально смотреть на вещи, и когда видел, что есть и другие люди, которые это могут делать так же, как я, или лучше меня, я оставлял это им, а сам продолжал поиск своего. Например, в классе я был самым лучшим на уроках математики, но пришло время, и я осознал, что до вершин этой науки не дойду. Нет у меня таких выдающихся способностей.

- Следовательно, издательская деятельность и журналистика - то чем ты занимаешься уже много лет, и есть та область, в которой ты делаешь то, что не могут делать другие?

- Не лови меня на слове! Я уже вырос. Но, честно говоря, в той нише, которую занимает в делах общественных наша газета и издательство, я пока не вижу того, кому мог бы сказать: да, ты делаешь это лучше меня, я уступаю дорогу и иду заниматься чем-нибудь другим.

- Неужели ты хотел бы заниматься чем-нибудь другим?

- Многим! У меня куча нереализованных планов. (И предваряя следующий вопрос) Мы вообще-то сегодня работать будем, или как?

Вот так всегда. Остаётся только дожидаться следующего удобного момента. А пока всё идёт своим чередом. Мы готовим газету к выпуску, обрабатываем поступающие к нам письма читателей, готовим к изданию книги, встречаемся с интересными людьми, берём

интервью. Рабочий день у нас ненормированный, бывает и по 12, и по 15 часов — пару человек нам точно не хватает, но, увы... Не могу сказать, что все в редакции с этим свыклись, но Главному мы свои претензии стараемся не высказывать. Во-первых, он и так делаем всё возможное, а во-вторых, мы все жутко любим нашу треклятую работу. Вы знаете, как пахнет газета или книга, только что вышедшая из типографии? Они пахнут счастьем! С этим запахом может сравниться только запах свежеевыпеченного хлеба или запах грудного ребёнка. Я всегда по-женски восторженно беру в руки наше новое творение. Он же бурного восторга не выражает, рассматривает газету или книгу сдержанно. Если сказал: «Нормально получилось», значит, очень хорошо. Если сказал: «Очень плохо», значит, получилось неудачно, потому что, действительно, «очень плохо» у нас не бывает. Наблюдая за его сдержанной реакцией, мы все прекрасно понимаем — он воспринимает каждое наше детище как маленькую победу, и безгранично им гордится.

Йонатан Мишиев — человек, реалистично смотрящий на мир. И я не могла понять: как же он взялся за выпуск газеты, если изначально было известно, что прибыль она не принесёт никогда.

- Нужна была она очень, - говорит он. — Она и сейчас нужна, а тогда особенно. Жалко, что не смог начать её выпускать намного раньше. За годы последней алии о нашей общине писали в газетах немало. Но что писали? В основном, лили грязь, выискивали негативные моменты. Не могу сказать, что всё это было неправдой. И драки, и алкоголь, и наркотики — всё это присутствует. Но где же наши учёные, музыканты поэты, заслуженные врачи и учителя? Благодаря «искателям сенсаций» слово «кавказский» стало почти оскорблением. «Вы кавказский?» - «Упаси Господь». Что, неправда? Правда.

Я в журналистике не новичок. Много публиковался в армейской прессе, потом работал в «Ватане». А в Израиле всё время мечтал о газете, которая и нашим дух поднимет, и всем остальным покажет, что по отдельным негативным примерам нельзя судить обо всей общине в целом. По-моему, получилось, а?

Мне сложно постичь, как в нём уживаются чёткое и реалистичное отношение к действительности и фантазёрство с мечтательностью? Наш редактор мечтает о создании Попечительского совета. Что это — для меня тайна, покрытая мраком.

- Объясняю для особо одарённых. (Ну и пусть подкалывает, лишь бы что-то сказал. Я ведь материал собираю). Ещё в Дербенте, мне тогда было 22-23 года, я организовал еврейский центр — «Фонд «Возрождение». Начали с проведения праздников, а потом занялись более серьёзными делами. Наши люди тогда начали выезжать в

Израиль. Их отъезд был сопряжён с большим количеством трудностей: и бюрократические проволочки, и множество дельцов, которые были не прочь нажать на отъезжающих. И мы взялись нашим помогать. Организовали еврейскую школу для детей и курсы иврита для взрослых, чтобы подготовить людей к израильской жизни. Связались с консульством, с Сохнотом, и помогали в оформлении документов и виз. Да мало ли чего ещё делали: еврейская библиотека, спортклуб «Маккаби», культурный центр... И тогда мне очень помогли наши бизнесмены: Шабтай Нахшунов, Асаф Насимов, Миша Сосунов, Урил Ифраимов. Они нас взяли под своё крыло, и благодаря их помощи, мы работали. Так уж у меня по жизни всегда. Делая очень нужное, но совершенно неприбыльное дело.

Вот и сейчас то, что мы делаем и то, что планируем на будущее, - это нужное общине дело, но без помощи Попечительского совета нам не обойтись. Работа над этим уже ведется. Я надеюсь, что в него войдут уважаемые и влиятельные меценаты, которые окажут нашему делу не только материальную поддержку, но и помогут своими советами и авторитетом.

- Думаешь, откликнется?

- Фонд «СТМЭГИ» же откликнулся? Но не сразу, а только когда президент фонда Герман Захарьев понял, что «Кавказская газета» - это не однодневка, а серьезное и профессиональное издание. Бизнесмены, а наши в особенности, не любят бросать деньги на ветер. И их можно понять. К ним ежедневно поступают сотни просьб...

А тебе не кажется, что в последнее время ты задаёшь слишком много вопросов? Уволю без выходного пособия!

Ох, как страшно! Прекрасно же знаю, как он ценит каждого в нашем маленьком коллективе, как каждым из нас дорожит, хоть и практически никогда этого не высказывает вслух.

Завершая моё «подпольное интервью», скажу: Йонатан утверждает, что уже вырос, но верит в то, что делает, с каким-то детским упорством. А чего удивляться? Мы всей редакцией верим. И даже не в то, что делаем, а, скорее, мы верим в него.

НАСТАВНИК

Всякий раз, когда в печати или в докладах на всевозможных форумах заходит речь о горских евреях, имеющих высокие научные звания или удостоенных высших правительственных наград, называются в основном мужчины и, конечно же, Гюльбоор Давыдова — единственная горская еврейка Герой Социалистического Труда. Этому, безусловно, есть объяснения. Традиционно девочки в горско-еврейских семьях учились меньше, чем мальчики, потому что их рано выдавали замуж, и их святой обязанностью было держать дом, рожать и растить детей, создавать благоприятную обстановку для мужа-

добытчика и кормильца. И, тем не менее, были женщины, которые, преодолев все преграды, умудрялись совмещать роль прекрасной матери, верной и преданной жены, хозяйки с учёбой и работой. И добивались они при этом очень высоких результатов.

Об одной из таких женщин мы и хотели бы вам рассказать. Речь пойдёт о Софии Исаковне Якубовой — бывшем депутате райсовета, горсовета г. Баку, Верховного совета Азербайджана нескольких созывов, Заслуженном работнике профтехобразования республики, кавалере многих правительственных наград. В начале 70-х София Исаковна Якубова была представлена к высшей награде — званию Героя Социалистического Труда. Была представлена. Но награды так и не получила. Теперь, по прошествии многих лет, не имеет смысла разбираться в причинах этой несправедливости. Видимо, Софию Исаковну, как и многих талантливых людей подвела наша непопулярная в СССР «пятая графа». Было ли героине нашего очерка больно и обидно? Без сомнения. Но хотелось бы верить, что эту обиду несколько смягчила любовь и преданность огромной армии её выпускников, которые благодаря её неустанному труду и заботе, вышли в люди, получили прекрасное образование, заняли высокие посты.

София Исаковна Якубова родилась в 1916 году в г. Хасавюрт. В 1934 поехала в Баку поступать в Нефтяной техникум, в 1938 окончила его с отличием и приступила к работе технолога на предприятии нефтяной промышленности г. Баку, а в 1939 вышла замуж за Якова Иосифовича Абрамова, уроженца Дербента, выпускника экономического факультета Азербайджанского университета.

В первый же день Великой Отечественной войны Яков Иосифович, оставив жену с годовалым ребёнком, пошёл добровольцем на центральный призывной пункт г. Баку. С этого дня и на 30 лет он связал свою жизнь с армией. Прошёл всю войну, окончил военную академию в Харькове, ушёл в отставку в звании подполковника.

Для Софии Исаковны война стала нелёгким испытанием на прочность. Оставляя ребёнка на старую мать, она по 18–20 часов в сутки работала на нефтяном предприятии, внося свою лепту в бесперебойное снабжение армии. Рабочие бригады состояли, в основном из женщин и подростков, которые трудились наравне со взрослыми. Возможно, эта военно-тыловая школа повлияла на то, что София Исаковна всю свою последующую жизнь органически не переваривала лентяев. За свой героический труд София Исаковна Якубова была удостоена первых в её жизни наград: медалей «За доблестный труд в 1941–45 гг.», «За оборону Кавказа», «За победу в Великой Отечественной войне».

После окончания войны София Исаковна становится студенткой Бакинской промышленной академии, блестяще заканчивает её, мечтает о продолжении образования, о научной карьере. Но, как говорится, человек предполагает...

Люди того поколения вообще были гораздо более ответственными, чем мы, сегодняшние. Они умели подчинить свои собственные интересы железному слову «Надо» и пойти туда, где в них остро нуждались. Так случилось и в жизни Софии Исаковны. Карьерная прямая сделала крутой поворот и привела её за директорский стол профтехучилища №3 города Баку.

Дело в том, что в училище сложилась очень неблагоприятная обстановка. Его учащимися обычно становились воспитанники детских домов, что сильно усложняло работу. Учебное заведение срочно нужно было передать в крепкие надёжные руки. Выбор пал на Софию Исаковну Якубову, а она, познакомившись с училищем и увидев, в какой ситуации находятся «бесхозные», никому не нужные подростки, немедленно согласилась принять руководство училищем.

Работа, особенно в первые годы, была невероятно трудной. Невозможно в мгновение ока наладить запущенное хозяйство и приручить ораву трудновоспитуемых юнцов. Новый директор начала с того, что перепрофилировала училище. Оно стало единственным в Баку учебным заведением, готовящим кадры для полиграфической промышленности. Надо ли и говорить, что спрос на выпускников такого училища стал огромным. Это, безусловно, повысило его статус. А, кроме того, огромное значение директор придавала налаживанию микроклимата в стенах самого училища. Она старалась наладить там доверительно-семейную атмосферу, чего так не хватало её воспитанникам. Об училище заговорили по всей республике, а его директора в

шутку стали называть «Макаренко в юбке». И настал день, когда имя училища, как передового и образцового учебного заведения, было помещено на Всесоюзную Доску Почёта ВДНХ СССР.

Перед директором любого учебного заведения стоит нелёгкая задача совместить в себе и педагога, и хозяйственника. С. И. Якубова делала это с блеском. Понимая, насколько важен для подростков, а особенно для мальчиков, спорт, училище изыскивает средства и своими силами строит прекрасный спортивный зал и единственный среди училищ города тир. Это стало началом бурного расцвета спортивной жизни училища. Всерьёз занявшись спортом, многие учащиеся добились хороших результатов. Например, в истории училища был случай, когда одновременно все члены баскетбольной команды получили звание мастеров спорта СССР после победы на чемпионате СССР по баскетболу среди профтехучилищ. Также выдающихся результатов удалось добиться и в стрельбе.

Это была настоящая педагогическая победа, а с другой стороны — дальновидный ход крепкого хозяйственника: и зал, и тир училище начало сдавать в аренду другим организациям, что приносило неплохую прибыль, которая тратилась на развитие училища.

София Якубова была счастливым человеком — её труд ценили. Прежде всего, его ценили ученики, которые обожали своего директора. И не только те из них, что учились в данный момент. Её помнила и любила целая армия выпускников, прошедших через её руки и сердце за 30 лет руководства училищем. Одна из её учениц, Герой Социалистического Труда Севиль Казиева, посвятила Софии Исаковне

С.Якубова с мужем

свою книгу, ей посвящали стихи поэты Азербайджана, о её работе с молодёжью, с детьми — сиротами, воспитанниками детдомов на студии «Азербайджанфильм» режиссёром Т. Мирзоевым был снят документальный фильм «Наставник».

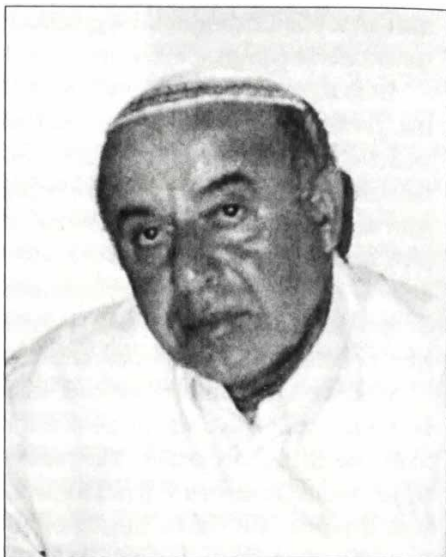
Всю жизнь София Исаковна испытывала жёсткий дефицит времени. Даже при её колоссальной работоспособности было невероятно тяжело совмещать руководство училищем с обязанностями депутата райсовета, горсовета, а потом и Верховного совета Азербайджана. Но при всём при этом семья и дети никогда не отходили для неё на второй план. Максимум возможного времени она уделяла трём своим сыновьям. К великому сожалению, ей суждено было пережить самое большое материнское горе — потерю 17-летнего сына. Эту боль до конца своих дней она носила в сердце.

София Исаковна Якубова была человеком, добившимся очень больших успехов в масштабах не только своей республики Азербайджан, но и всего Союза. Учиться у неё, перенимать передовой опыт приезжали педагоги и руководители учебных заведений со всех концов страны. Ей было присуждено звание Заслуженного работника профтехобразования республики. На заслуженный отдых она ушла персональной пенсионеркой. И вместе с тем, София Исаковна всегда, даже в самые «строгие» времена страстно мечтала об Израиле.

Она ушла из жизни в 1986 году, так и не осуществив свою заветную мечту. Но сегодня в Израиле проживают её внуки и правнуки. Два сына Софии Исаковны и Якова Иосифовича Абрамова подарили им 5 внуков и уже 8 правнуков. Один из сыновей, Леонид Абрамов, инженер. Он проживает сегодня с семьёй в Москве, а второй — Соломон Абрамов живёт с семьёй в Хадере. Он — заслуженный инженер-стандартизатор СССР, но часть своей жизни, так же как и его мать, посвятил работе с «трудными» подростками, совершившими правонарушения. Его старшая дочь Лиана Мишиева — третье поколение в династии педагогов. Имеет вторую израильскую степень по химии и биологии. Уже на третий год после репатриации в Израиль она, одна из первых представительниц кавказской алии, начала преподавать иврит в ульпане, а на сегодняшний день уже почти 9 лет возглавляет работу проекта «Пеле» в Хадере. В 2005 году была удостоена высокого звания «Женщина года». Сейчас работает во вновь созданном Центре поддержки одарённых детей. Сын Соломона Абрамова. Владимир, с отличием окончил физико-математический факультет университета, работает программистом. Серьёзных успехов в учёбе добиваются и его внуки — правнуки замечательной женщины, Софии Исаковны Якубовой, чей пример служит бесспорным доказательством выдающегося ума и творческих способностей горско-еврейских женщин.

МЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ТЕРПИМЕЕ ДРУГ К ДРУГУ

Думаю, что героя данной статьи жителям Израиля представлять не нужно. За последние годы он приобрёл в народе большую популярность. Его уважительно называют «рав Хазик» и идут к нему и в горе, и в радости. Но для наших зарубежных читателей скажу: рав Хазик - Хизгил Мардахаев (Ехезкель) родом из Дербента. По профессии инженер-технолог, винодел. Заканчивал Одесский технологический институт пищевой промышленности. 30 лет работал на коньячном заводе в Дербенте. Но ещё там, на Кавказе, было у него хобби — он изучал всё, что было на тот момент доступно, по иудаизму и истории религии. Уже в Дербенте начал учить иврит, а в Израиле, куда репатриировался 12 лет назад, продолжил, много читал, занимался самостоятельно. Начал посещать уроки Торы, занятия в ешиве. И вот сегодня к нему идут с вопросами, просят прочитать молитву, разрешить спорную ситуацию, когда речь идёт о наших обычаях и традициях. В каждой семье бывают радостные события, случается и горе. В такой ситуации людям нужен в помощь кто-то, кто знает законы и обычаи, кто подскажет, как себя вести, что делать. Часто в таких ситуациях люди обращаются именно к раву Хазику.

- Я не рав, и равом, к сожалению, уже не стану, - говорит Хазик.
- Этому надо всю жизнь учиться, а у меня уже возраст не тот.

- Но Вас так народ назвал. А признание людей, на мой взгляд, гораздо выше, чем диплом.

- Кто-то называет меня «рав Хазик» с усмешкой, а многие - с уважением. И это для меня честь. Значит, ценят то, что я делаю. Особую гордость я испытываю, когда настоящие равы меня уважительно называют «рав Ехезкель». Это дорогого стоит, потому что для меня «настоящий рав» — это не каждый рав. Раввинов много, а настоящих — единицы. Мне посчастливилось с такими встречаться. Общаться с ними - счастье. Это великие, высокообразованные, мудрые люди, знания которых не ограничиваются вопросами религии. Я, к примеру, никогда не смогу принять раввина, который

ничего, кроме религиозной литературы не читает, для которого не существует ни газет, ни журналов, ни художественной литературы. Всё это, по мнению, многих равов, мусор. Но ведь это наша жизнь, от которой преступно закрываться. Я сам ежедневно много читаю, постоянно занимаюсь самообразованием, потому что считаю: нужно при сохранении всех наших еврейских традиций идти в ногу со временем.

- Вы религиозный человек изначально, из семьи, или только сейчас стали соблюдать традиции?

- Из семьи. У меня деды и по отцу, и по матери был очень религиозными, соблюдали все законы до последних дней своих. Родители тоже были религиозными, но тут уже были другие времена, и они соблюдали по мере возможности. У меня возможностей было ещё меньше, но, несмотря на все препятствия, я тоже старался придерживаться еврейских законов, что, конечно, не всегда получалось по ряду объективных причин. В Израиле я, конечно, стал гораздо более религиозным. Там мы придерживались традиций, потому что так было заведено, так делали отцы. Но, только начав изучать Тору, я осознал всю необходимость и важность соблюдения еврейских законов. Пришло понимание, осознанность. Жена меня очень поддерживает. Она вообще из семьи рава.

- В Израиле есть огромное количество дипломированных равов, также много людей, которые, как и Вы, учат Тору для себя, занимаются самообразованием. Почему же люди начали обращаться именно к Вам?

- Я и сам себя об этом неоднократно спрашивал. Наверное, понравилось моё чтение, мелодичность голоса. Чаше всего как бывает: пришёл человек, открыл книгу, прочитал, отработал и ушёл. Некоторые из них так читают, что ни слова не поймёшь, бормочут скороговоркой себе что-то под нос. А для меня это не работа. Я не просто читаю, я отдаю этому всю душу, стараюсь донести каждое слово, так как считаю, что в молитве это важно. Сам от чтения молитв получаю удовольствие, а, следовательно, и те, кто слушают, получают удовольствие.

И если уж давать мне какое-то название, то, конечно, не рав. Я скорее хазан или иначе - кантор. Многим нравится, как я читаю, но я-то прекрасно знаю, что есть такие великие хазаны, до которых мне очень далеко. Я слышал, как читают великолепные канторы, с прекрасными поставленными голосами, есть даже оперные певцы. Например, однажды я слышал такого кантора в Московской синагоге. Это было чудо. Какой голос, какой певец!

- Когда вам довелось прочитать молитву впервые, как хазану? Вы помните этот первый раз?

- Конечно, помню. Кстати, это было не так давно, около шести лет тому назад. Израильтяне обычно удивляются, узнав, что я в стране относительно недавно. Думают, что лет 25-30 минимум. У меня произношение чистое, чёткое. Это их и удивляет.

Хочу сказать, что я очень благодарен человеку, которого считаю своим главным учителем. Это наш Шенде. Он живёт в Хадере. Очень пожилой человек, и сейчас сильно болеет. От всей души желаю ему скорейшего выздоровления. Он оказал на меня сильное влияние. Я начал учиться быть хазаном под впечатлением его молитв. Потихоньку совершенствовался, а сегодня, если вы возьмёте мою записную книжку, то увидите, что все дни расписаны. Я езжу по всему Израилю, бываю во многих домах, а значит, людям нравится, что и как я делаю, значит, людям это нужно.

- К вам обращаются только с просьбой прочитать молитвы или с какими-то вопросами тоже?

- По разным вопросам обращаются: что надо делать, как делать. На многие вопросы я могу ответить сам, а иногда приходится консультироваться. Бывают сложные случаи, на которые даже не каждый рав знает ответ. Тогда они идут сами консультироваться или обращаются к книгам, а потом дают нам ответ.

Например, по нашим горско-еврейским обычаям говорят, что нельзя заходить на кладбище в один и тот же день дважды, а, тем более, трижды. Но что же делать, если в один и тот же день скончалось сразу несколько человек. Получается, если мы с почестями проводили первого, то второго уже некому будет провожать. Но мы же знаем, что делать «мицвот» это главная еврейская заповедь, а в это входит всё: помощь ближнему, участие в его горе и в радостных событиях. И чем больше ты будешь участвовать в проведении различных религиозных обрядов, тем лучше, тем больше ты делаешь добрых дел. Я это объяснял людям, но они всерьёз боятся, мол, старики всегда говорили, что нельзя. Вот тут мне понадобился совет рава. Я его получил, а потом и людям объяснил: речь идёт не про кладбище, а про одну и ту же могилу. Могилу нельзя посещать несколько раз в один и тот же день, но к другой могиле в этот же день, если нужно, заходить можно.

Но иногда бывают случаи, когда единого ответа просто нет. Например, когда заканчиваются 7 траурных дней, то одни равы говорят, что надо снять траур, искупаться, привести себя в порядок, одеть всё чистое, а потом уже идти на кладбище. А другие советуют совсем наоборот — сделать всё это уже после кладбища. Люди спрашивают, как надо себя вести, а единого ответа нет. И тогда я говорю, чтобы сама семья решала, как поступить.

- Так сложилась ваша жизнь, что сегодня Вы много времени про-

водите с теми, у кого горе, постоянно участвуете в погребениях. Не тяжело, нет ощущения подавленности?

- Сначала было тяжело, но постепенно ты меняешься, становишься чище, проникаешься желанием помочь людям в их горе, сделать что-то для них. И это уже совершенно другое состояние. Те люди, которые много участвуют во всяких религиозных обрядах, становятся чище и добрее. Но не надо думать, что моя жизнь состоит только из посещения траурных событий. Слава Б-гу, у нас и радостей немало. Приходится бывать и на «бритот», свадьбах, бармицвах, «ханукат байт» - новосельях.

- Уважаемый рав Хазик! Разрешите в канун Рош а-Шана пожелать Вам как можно больше в наступающем году встречаться с радостями и как можно меньше с бедами. А что бы Вы хотели пожелать нашим читателям?

- Я желаю всему еврейскому народу быть терпимее и уважительнее друг к другу, чтобы исчезла навсегда та ненависть, которую мы порой испытываем к ближнему. Мы живём не в самые лёгкие времена, так давайте же не усугублять ситуацию своим недоброжелательством.

Того же самого хочу пожелать моему горско-еврейскому народу. У нас хороший, крепкий, талантливый народ, но есть в нас одна черта, которая поедает народ изнутри. Эта черта — злословие. Мы можем своими злыми языками человека опорочить, унижить, а это в свою очередь приводит к ненависти. Мы обязаны, пусть не в один день, пусть постепенно, но от данного отвратительного качества избавиться. Вот этого я и желаю в канун Рош а-Шана моему народу.

А НАПОСЛЕДОК Я СКАЖУ..

Я в глубоком раздумье, дорогой читатель. Силюсь понять и не могу: ты читаешь эти строки потому, что дочитал книгу, или потому, что начал её листать с конца? В любом случае я благодарна тебе хотя бы за то, что ты взял мою книгу в руки. Я ведь никогда и помыслить не могла, что такое возможно, что это в моей жизни произойдёт.

Но раз уж, дорогой читатель, ты с начала или с конца, но дошёл до этого места, давай я расскажу тебе немного о себе.

Я родилась, росла, воспитывалась и училась в славном волжском г. Самара (Куйбышеве). Окончила филфак (как хорошая еврейская девочка - для мамы), но по специальности почти не работала, потому что с детства мечтала о музыке и театре. Переехав в 1991 в Израиль, начала искать себя именно в этой области, работала в частных театрах, организовала свою маленькую труппу. И кто бы мог подумать, что через много лет мне вдруг пригодятся мои филологические знания и журналистские навыки (мама была права, спасибо маме). Вот уже около трёх лет я работаю заместителем редактора моей любимой «Кавказской газеты» и редактором Издательского дома «Мирвори». И пишу...

Хотя, справедливости ради, надо сказать, что писала я всегда. Писала юморески, фельетоны, сценарии, стихи и тексты песен. Всё это довольно успешно исполнялось со сцены, но я никогда не думала свои опусы публиковать. И вот на тебе! Мало было газеты, так теперь ещё и книга!

Знаете, недавно в рамках моих редакторских обязанностей мне довелось работать над книгой С. Ягудаева «Каракулеведение». Когда книга была отдана в печать, автор сказал мне:

- Ну, вот. Теперь и ты классный специалист по каракулю. Сколько знаний почерпнула!

- Очень сомневаюсь, что когда-нибудь в жизни они мне понадобятся, - ответила я.

- Деточка! Ты мне в дочки годишься, поэтому осмелюсь тебя поучить. Никогда не зарекайся! Ты даже понятия не имеешь, что с тобой в жизни может произойти.

И вот сейчас, внося последние штрихи в свою неожиданную книгу, я могу сказать: «Уважаемый аксакал! Преклоняюсь пред Вашей житейской мудростью». Ведь ещё каких-нибудь пару лет назад я и понятия не имела о существовании общины горских евреев. А сегодня я всецело посвятила себя её будням, праздникам, проблемам и радостям. Я пытаюсь учить язык, печатаю тексты на джуури, делаю поэтические переводы произведений горско-еврейских поэтов на русский язык (правда, обложившись словарями и беспрестанно терзая вопросами Йонатана Мишиева, но в итоге знающие люди говорят, что переводы весьма недурны и близки к стилю автора).

Кстати сказать, работая над материалами для «Кавказской газеты», я

невероятно пополнила свои знания, расширила кругозор. Периодически, чтобы написать ту или иную статью мне необходимы сведения из общей истории, из еврейской истории, из истории государства Израиль. Я постоянно листаю Тору, произведения классиков, книги горско-еврейских писателей, словари, старые газетные подшивки, короче, «перелопачиваю» горы литературы. Моя благодарность горским евреям безмерна: никто и никогда (даже мама) не могли бы меня заставить так усиленно работать над собой.

Что будет дальше, загадывать не берусь. Как писал В.В.Маяковский «планов громадье». Мы же тут, в редакции, не сидим, сложа руки. Всё время что-то придумываем, частично воплощаем в жизнь, частично — оставляем на «светлое будущее», когда будут деньги, когда будет время... И самое смешное — мы искренне верим, что это «светлое будущее» вот-вот наступит. И не вздумай, дорогой читатель, нас в этом переубедить. Пока мы верим в любимое дело — мы счастливы.

Дорогие читатели, которые начали листать книгу с конца! Ну, может, хоть сейчас заглянете в начало?

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	3
Неопубликованная статья	4

УРОКИ ИСТОРИИ

Уцелевший мальчик - это я. Трагедия Богдановки-Менжинского	11
Академик Илизаров - большой учёный и большой авантюрист	26
Листая дедушкин альбом. О роде Сабаевых	35
Три рассказа об одной истории. Ансамбль «Кабардинка»	38
Моше Дадашев и письмо Давида Бен-Гуриона.....	44
Эта равнина будет покрыта еврейскими поселениями. Й. Биньямини	48

УРОКИ ЛИДЕРСТВА

Важней всего хозяин в доме. Х. Якубов	55
Не останавливаться на достигнутом. М. Имануэль.....	60
50 лет - это юность политика. С. Ёсипов	64
Горские в Питере. Б.Абаев	68
Горские в Америке. А.Илизаров	72
Сдерот - жертва или заложник? А.Нахшунов.....	76

УРОКИ ТВОРЧЕСТВА

Жизнь моя, любовь моя - танец. Й.Матаев	81
М.Дадашев. В гостях у «Кавказской газеты»	85
Я решился сделать первый шаг. Х.Абрамов	90
Израиль, где сбываются мечты. Г.Канаев	95
Б. Ханукаев. «Я человек камерный».....	98
«По сказке жить нельзя, а сердиться на нее тем более». А.Кукуллу	106

УРОКИ МОЛОДЫХ

О поэзии в прозе. Д.Раханаев.....	115
Мне очень хочется помочь моей общине П.Елизаров	117
Экстремальное интервью. Д. Ташаев	120
На месте моих родителей, я бы меня убил! А.Давыдов.....	128
Знакомьтесь: адвокат Натан Ливиев	131
Ростовская община - большая еврейская семья. Ю.Рувимов.....	135

ПРОПУЩЕННЫЕ УРОКИ

Поговорим откровенно?.....	145
Давайте выгоним отца из дому!	148
Работы здесь непочатый край. В. Ифраимов	150

УРОКИ ЖИЗНИ

Разрешите вам представить... П. Агарунов.....	159
А полковник и не знал, что он — полковник. Д.Ашуров.....	162
Профессор Масандилов	168
Настоящий полковник. И.Мишиев.....	172
М.Агарунов. О книге, об отце и о себе	177
Историк Игорь Семёнов в гостях у «Кавказской газеты»	184
«Подпольное интервью» ко Дню рождения газеты. Й.Мишиев	189
Наставник. С.Якубова	194
Мы должны стать терпимее друг к другу. Х.Мардахаев	198
А напоследок я скажу... Заключение	202

Литературно-публицистическое издание

Козакова Маргарита Александровна

Горские евреи. Сторонний взгляд непостороннего человека

Сборник очерков и статей

Редактор - Й. Мишиев

Корректор - А. Вишнепольская

Дизайн обложки и компьютерная вёрстка - Э. Алиев

Общая редакция издания - издательский дом «Мирвори»

Руководитель проекта - Й. Мишиев

Подписано к печати 15.11.2007

Формат: 70 x 100 1/16

Гарнитура Newton

Усл. печ. листов 16,77

Издательский дом «Мирвори»

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10

Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359

По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:

в Израиле — 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822,

международные — 972-9-8840855, 972-54-7766822

E-mail: mirvori@mail.ru

**В издательском доме «Мирвори» в 2007 году
вышли в свет следующие книги:**

Литературно-публицистический альманах «МИРВОРИ» №1-2

Ю.Ягданов.
ЛЮБОВЬ И СПУТНИКИ. Сборник стихов.

З.Семендуева.
ДУХДЕР ДУЪ БЕБЕ.
Сборник произведений на горско-еврейском языке.

Д.Раханаев.
НЕДОПЕТЫЕ ПЕСНИ МОИ... Сборник стихов.

Овгоиль духдер Гилил. ХУДО НУВУСДЕО.
Сборник стихов на горско-еврейском языке.

Е.Навахов.
ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ. Сборник стихов.

Их подвиг не забудется.
Книга воспоминаний ветеранов ВОВ, жителей г.Сдерот. (иврит).

С.Ягудаев.
КАРАКУЛЕВЕДЕНИЕ. Учебное пособие.

Разукрась картинку выучи стишок.
Книжка-раскраска для детей.

В.Давыдов.
ОЧЕРКИ О КУЛЬТУРЕ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ В ИЗРАИЛЕ.
Сборник статей.

М.Якубов. ПУТЬ САНЬКИ. Повесть.

М.Елизаров. ИСПОВЕДЬ БЕЖЕНЦА. Сборник рассказов.

М.Козакова. ГОРСКИЕ ЕВРЕИ.
Сторонний взгляд постороннего человека.
Сборник очерков и статей.

КНИГИ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ВЫПУСКУ:

Литературно-публицистический альманах «МИРВОРИ» №3

Детский словарь горско-еврейского языка в картинках.

М.Шамаева. ВОЛЯ К ЖИЗНИ. Мемуары.

Альбом-каталог горско-еврейских художников.

Издательский дом «МИРВОРИ»

**Издание книг, брошюр, буклетов,
каталогов, календарей.
Компьютерный набор,
корректura, редактирование,
Художественный дизайн и графика
Консультации по всем вопросам
книгоиздания**

Мы пройдем с вами весь путь
от рукописи до выхода книги из типографии

«МИРВОРИ» - ВАША КНИГА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

Адрес редакции: Нетания, ул.Бренер 10.
Адрес для писем: P.O.B. 359, Netanya, 42441
Телефоны: 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

...что-то в датском королевстве

ПЕТР (ХАИМ) РАФАИЛОВИЧ АГАРУНОВ
1.01.1930 - 16.10.2006

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЬМИ...

ПЕТР РАФАИЛОВИЧ АГАРУНОВ
ХАИМ РАФАИЛОВИЧ АГАРУНОВ
РАФАИЛ РАФАИЛОВИЧ АГАРУНОВ

ЖИЗНЬ АРИЭЛЯ ШАРОНА В О

КАВКАЗСКАЯ ГАЗЕТА

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПЕНТА

КАВКАЗСКАЯ ГАЗЕТА

ХУДОЖНИК-РЕСТАВРАТОР

ЭТО ИНТЕРЕСНО...

ДАГЕСТАН

СТРОКИ ИЗ ИСТОРИИ ДЕРЕВЬЯ К 200-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ДЕРЕВЬЯ К РОССИИ

КАВКАЗСКАЯ ГАЗЕТА

НА КОНЦЕРТЕ АЛЬБЕРТА МАМРИЕВА

А.А. МАМРИЕВ

КАВКАЗСКАЯ ГАЗЕТА

К 40-ЛЕТИЮ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

КАВКАЗСКАЯ

ЗАВЕРШЕНИЕ «ЭПОХИ СДЕРИ

АКАДЕМИК

БОЛЬШОЙ УЧЕНЫИ И КО

КАВКАЗСКАЯ ГАЗЕТА

Table with 12 columns and 12 rows, likely a calendar or schedule.

2007-2008

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРЪЗОР